

НОВЫЙ ВРАЧ

— А

ндрей Дмитриевич, там Федюшкина ждет, — медсестра посмотрела на врача.

— Любаша, прием закончился пятнадцать минут назад!

Вот это уменьшительно-ласкательное *Любаша* выдавало закипающее раздражение доктора Адикова. Но продолжения не последовало — Андрей Дмитриевич сделал вдох-выдох и вдруг, словно светофор, переключился, улыбнулся:

— Все, Люба, дальше без меня. Приказ пришел. Завтра откомандировываюсь.

Аккуратно подведенные глаза девушки распахнулись, и она пролепетала:

— Все-таки едете, да? На войну?

У тридцатилетнего врача неожиданно по-мальчишески потеплело на душе от этого восхищенного женского ужаса. Он выдержал подобающую паузу, притушив пляшущие в глазах огоньки, которые выдавали его собственное воодушевление от момента. Глядя на солнечную улицу, чуть понизив голос, произнес:

— Да... Видишь, как быстро вопрос решился. Теперь уж могу сказать. В разведке буду. А там — куда пошлют.

— Как же так, Андрей Дмитриевич? Разведка — это же... Как же вы? Разве вам совсем не страшно?

Андрей, уловив проскользнувшую дрожь в голосе, удивленно глянул на Любу, которая волей судьбы и распоряжением главврача сразу после училища была назначена его медсестрой и кроме как досады особых чувств не вызывала.

— Убьют вас! — выкрикнула вдруг она, разревелась и выбежала из кабинета.

Андрей озадаченно проводил ее взглядом, крутанув в пальцах ручку.

— Это еще что за номер? — растерянно пробубнил он захлопнувшейся двери, пожал плечами и начал собираться. Предстояло много дел.

Дома он перво-наперво пошел в душ, потом заварил себе некрепкого зеленого чая и, переливая из плоского чугунного чайничка в белоснежную китайскую фарфоровую чашку, резко, в одно мгновение, протрезвел.

Вот его так любовно продуманная в ремонте и декоре квартира с давно заведенными и жестко поддерживаемыми правилами. Точечный свет, бликующий в отделке из меди и стекла. В гостиной — кресло с выдвигаемым механизмом под ноги и современным наполнителем, который обволакивает спину, волшебным образом расслабляя, умиротворяя. Казалось, можно сидеть так вечно, глядя через притенненные панорамные окна-двери на расстилающийся город. А за раздвижной дверью — спальня с огромной кроватью...

Андрей не без удивления отметил, что даже тех женщин, с которыми заводил кратковременные отношения, не любил приводить в свою квартиру. Слишком раздражали их неизменно прицельно оценивающие взгляды и попытки закрепиться, застолбить территорию, внося свои хаотичные правила в его отлаженный мир.

И вот теперь ему предстояло сорваться и уехать из налаженного быта, а главное — куда?! В полную неизвестность, туда, где нет добра, спокойствия, уюта. Где надо выживать, а может, даже убивать. Где в любой момент могут убить и тебя.

От этих размышлений стало неожиданно тошно. Андрей рывком поднялся из кресла, облился чаем, чертыхнулся в нарастающей досаде на себя, на непонятный порыв, заставивший полгода назад начать встречаться с нужными людьми и красноречиво предлагать себя в качестве военврача тире психолога. Кто бы мог знать, что люди окажутся действительно важными, а предложение — своевременным; в результате мы имеем то, что имеем.

В сиюминутной погоне за лекарством от скуки и обыденности он совершенно забыл об обратной стороне медали. На душе стало удушливо и тревожно до такой степени, что прошиб холодный пот. А в голове болью пульсировали всхлипы Любы: «Убьют вас... убьют...» Андрей даже несколько раз мотнул головой в попытке вытряхнуть эти звенящие хлесткие слова девки-вещуньи. Не помогло, тогда он решительно нажал быстрый набор.

Через несколько гудков телефон щелкнул, соединяя, и он наигранно-спокойным тоном произнес:

— Привет, мам. Как дела?

— У меня хорошо, а вот у тебя, видимо, не очень, раз пытаешься разговаривать со мной фальшивым голоском своего непутевого отца!

— Мама, я хочу тебе кое-что сказать. Я приеду?

На другом конце повисла тишина, и Андрей воочию увидел стоящую в полумраке огромной гостиной высокую и стройную, словно высеченную из камня, фигуру матери. В кружевном домашнем костюме цвета малахита, задумчиво смотрящую на тяжелые настенные дубовые часы, прикидывая свободное время, которое она готова посвятить сыну. Наконец, коротко бросила:

— Жду тебя в шесть вечера, — и, не прощаясь, отключила связь.

— До свидания, хозяйка медной горы! — с досадой пробормотал Андрей трубку, с облегчением отмечая, что голос матери, как всегда, помог изгнать из головы чужой, ненужный голос. Вытеснять других женщин мать умела виртуозно.

Ночью Андрею приснился кошмар, затягивающий в свою ужасающую реальность до такой степени, что он не смог вначале даже осознать, что это сон. И когда видение смилостивилось, отпуская его, он вынырнул на поверхность своей застеленной шелковым бельем постели с таким взаправдашним чувством перерезанного горла, что, сухо всхрипнув, обеими руками схватился сначала за голову, а затем за шею, готовый ощутить под пальцами расплывающуюся рваную плоть и теплую пульсирующую кровь.

Но крови не было, как и не было ужасных ран, которые короткими пилящими движениями зазубренного ножа наносил ему чернобородый боевик, в гаркающем смехе щеря гнилые зубы. При этом ласково глядя его по волосам, доверительно шепча: «Хороший кафир. Послушный барашек. Сейчас я тебе голову отпилю, и ты пойдешь домой. Ты же хочешь домой, да? Хочешь к мамочке?»

Андрей судорожно кивал, всхлипывая и шепча: «Пожалуйста... пожалуйста...», не пытаясь ни вырваться, ни сопротивляться. Ему даже самому было непонятно, что именно он просит этим мерзким лепетанием — милости или смерти.

В полуотпиленной, покачивающейся в такт движения ножа голове забасил спокойный, размеренный голос преподавателя судебной медицины, профессора Савельева, который назидательно вещал глупым студентам, что с подобной раной люди не живут и надо бы уже успокоиться и умереть, дабы не нарушать заведенные правила медицины. И вдруг, уперев костлявый палец с желтым ногтем в студента Андриюшеньку Адикова, зычным голосом приказал назвать все эти правила. Андрей захлопал длинными ресницами и просевшим от страха голосом начал оправдываться, что занятие, на котором рассматривали эти правила, он пропустил. Профессор в голос рассмеялся, а затем, в мгновение посуровев, грозно сведя кустистые седые брови, безапелляционно пискнул голосом Любы: «Убьют вас! Убьют, потому что нельзя не знать знания!»

Эти хлесткие слова подхватил боевик, все-таки доделавший свое дело, и голова Андрея покатила по траве.

«Какой бред...» — прошептал Андрей, растерев лицо ладонями, полежал еще несколько минут, приходя в себя, и без сил поднялся с кровати, одновременно ощущая озноб и душный липкий жар.

ЗНАКОМСТВО

В десять ноль-ноль Андрей Адиков перешагнул порог солидной по размеру и обстановке приемной, вежливо поздоровался с секретаршей, которая с любопытством оглядела его, ничуть не стесняясь своего пристального внимания, и указала пальцем на строгий кожаный диван. Андрей послушно сел, удерживая спину прямо, чтобы не помять пиджак. Ему было душно от предстоящего разговора и неприятно от интереса скучающей секретарши. Дама совершенно не вписывалась в стереотип не только своим почтенным предпенсионным возрастом, но, словно в насмешку над привычными стандартными длинноногими красотками, радующими взор посетителей и шефа, была такой обширной полноты, что больше напоминала старомодную тумбу для афиши — правда, в половинную высоту, так как была крайне небольшого роста. Вдобавок к этому была некрасива лицом, имела массивную шею, чересчур полные руки, а на коротких пальцах, безвкусно унизанных многочисленными золотыми кольцами, ютились маленькие — словно детские — ногти, так не к месту покрытые ярко-красным лаком. Андрею было достаточно кинуть быстрый взгляд, чтобы удивиться еще больше. Среди колец обособленно восседало широкое обручальное кольцо, а в ушах блестели внушительных размеров бриллианты. Одежда была фирменная, дорогая. И роскошь, и место работы настолько не вязались с этой странной теткой, что он внутренне поежился.

Чутье шепнуло, что раз внешний вид и молодость не присутствовали в секретарше, значит, в голове у нее присутствовали совершенно не дамские мозги.

Дверь открылась, и в приемную вошел бравый молодежавший подполковник. Не обращая внимания на Андрея, сверкая белоснежными зубами в улыбке с плаката стоматологического кабинета, устремился к столу странной дамочки.

— Софья Николаевна, вы сегодня чудесно выглядите. Впрочем, как всегда. — В два шага оказавшись у цели, офицер протянул небольшую изящно украшенную коробку. — Оцените, пирожное с коньяком.

Секретарша вскинула татуажные брови и пропела тонким неприятным голоском:

— Петенька, вы меня, как всегда, балуете. — Приняла коробку и расплылась в кокетливой улыбке. — Бесподобные! Просто не представляете, как я люблю это пирожное. Откуда вы узнали?

Офицер щегольски щелкнул каблуком, театрально вытянувшись:

— Разведка, мадам!

Секретарша разразилась вхохочущим смехом, от которого Андрея передернуло. В его глазах действие выглядело каким-то нелепым фарсом. Хотелось встать и, громко хлопнув дверью, бежать от этой ужасной, нелепой женщины, густо пахнущей дорогими, но приторными духами, от которых начинало подташнивать. Бежать от этой чужой, совершенно не его жизни. Но он лишь до скрипа сжал зубы и уставился на стоящий у стены экзотический цветок, стараясь не вслушиваться в приглушенный разговор Софьи Николаевны и подполковника. Ему казалось дикой несуразностью еще недавнее предположение о незаурядном уме этой наседки. Вся развернувшаяся картина была банальна: штабной офицер готов рот себе разрезать для изображения безраздельной радости от общения с этой страшилой. Тащит ей конфетки, тортики, цветочки, шепчет милые глупости, разве что не на ушко... Это точно был бы перебор даже ради собственной карьеры, или несомненно будущей полковник имел астму и боялся задохнуться от удушливой цветочной парфюмерии.

«Боже, какая пошлятина! — пронеслось в голове доктора. — Интересно, эта Софочка — генеральская дочка или оказалась в штабе благодаря удачному замужеству? А вернее всего — страшная, толстая, глупая генеральская дочь благодаря папе крайне удачно вышла замуж и оказалась при штабе».

Андрей сам себе одобрительно кивнул. Версия сложилась, и ему вдруг стало спокойнее. Волнение перед встречей с начальником отдела внутренней разведки улетучилось, и он почувствовал себя увереннее.

Селектор щелкнул. Секретарша, вся поглощенная беседой с офицером, лишь качнула рукой, блеснув обильным золотом:

— Проходите.

Вроде как успокоившееся сердце взбрыкнуло тахикардийным всплеском. Андрей поднялся, поправил и без того безупречный пиджак, скользнул взглядом по зеркалу, отметив, что волнение совершенно не отразилось на его внешнем виде — лицо было бесстрастным, сосредоточенным, спокойным, — и толкнул массивную дверь.

— Андрей Дмитриевич, проходите, садитесь, — хозяин кабинета, крепкий, не толстый, а, скорее, заматеревший полковник в интеллигентных очках в тонкой металлической оправе сидел на главе внушительного по размеру дубового стола. Перед ним были разложены пухлые папки с документами. При быстром взгляде на них Андрею стало понятно, что это личные дела.

— Добрый день, Леонид Алексеевич. По вашему приказанию прибыл, — голос не дрожал, вот и славно, значит, сможет кратко и внятно отказаться от предложенной работы без иканий и реверансов. С достоинством, как говорила его мать.

Но прежде чем он смог продолжить намеченный и отретированный дома разговор, полковник его опередил, вдруг улыбнувшись как давнему приятелю:

— А ведь я вас так себе и представлял. Рад личному знакомству. Мой заместитель Раевский, с кем вы общались ранее, проходя собеседование, остался крайне высокого мнения. Теперь вижу, что он был прав, порекомендовав именно вас. Я пробежался по документам и, признаюсь, давно такого не встречал — четыре специализации, четыре!

Перед полковником действительно лежала открытая папка с бумагами, правда, не таких внушительных размеров, как другие.

— Да вы универсальный солдат, вернее, врач! Как это мы раньше вас не разглядели? Но мы это упущение устраним. Таких, как вы, специалистов еще поискать надо.

— Леонид Алексеевич, я, собственно, и хотел с вами...

Но полковник не стал его дослушивать, взмахнув рукой, словно ставя на паузу, и нажал кнопку на селекторе:

— Софья Николаевна, пригласите ко мне Криницына, — и тут же продолжил, словно не замечая попытки Андрея заговорить. — Сейчас я вас познакомлю с нашим будущим командиром. Уникальный по опыту и профессионализму офицер. Если бы вы знали, сколько у него за спиной успешно спланированных и блестяще проведенных операций! Это большая честь служить под началом Анатолия Павловича. Душа-человек. Да вот, собственно, и он, познакомьтесь.

Андрей недоуменно обернулся и вздрогнул. За спиной у двери стоял невысокий, сухощавый подполковник в безупречно сидящей форме, которая совершенно ему не шла, и пристально смотрел на Андрея.

«Что за черт», — пронеслось в голове у доктора, и он почувствовал, как начинает злиться и на бесшумные двери этого помпезного управления, и на собственное истеричное вздрагивание, и на этого «душку», который меньше всего располагал к себе хмурым, острым, недружелюбным взглядом карих, почти черных глаз. Жесткий, коротко стриженный ежик волос благородно седеющего цвета упрямо топорщился. А плотно сжатые губы выдавали молчуна. Не надо быть психологом, чтобы понять: Андрей у вошедшего добрых чувств не вызвал.

«Убийца детей. Даже больше — серийный убийца», — скорее всего, именно так охарактеризовал бы неприятного офицера Чезаре Ломброзо, и Андрей был бы солидарен с профессором. Ему в один миг открылось завуалированное значение упомянутых ранее «успешных операций». Ему стало крайне неуютно от предстоящего более близкого знакомства, как будто он воочию увидел все эти безжалостно вырезанные аулы, горы трупов и циничное отношение как к врагам, так и к подчиненным. Но он поднялся со стула, сделал несколько шагов на ставших какими-то шарнирными ногах и протянул руку. Подполковник ответил сухим, достаточно крепким рукопожатием, совершенно не изменившись в лице.

— Анатолий Павлович, принимай пополнение. Это чудо-врач, Адиков Андрей Дмитриевич. Ну да с личным делом вы уже знакомы. Так что вводи в положение вещей, знакомь с личным составом. Кстати, все уже прибыли?

— Никак нет. Завтра встречаем крайних, — голос у подполковника был под стать внешности — лишенный эмоций, рубленый и негромкий.

— Отлично. Мы сейчас с Андреем Дмитриевичем договорим, и он к вам подойдет для дальнейших указаний. В понедельник в полном составе вы должны прибыть в учебку. Две недели на слаживание — и с богом.

— Так точно. Разрешите идти?

— Идите.

Подполковник в одно движение развернулся и бесшумно вышел из кабинета, не взглянув на Андрея.

Начальник проводил его теплым взглядом и, когда дверь плотно прилегла на прежнее место, удовлетворенно качнул головой:

— Замечательный командир. Легенда! Повезло вам, Андрей Дмитриевич.

— Я как раз хотел с вами поговорить о...

— Потом. А сейчас, Андрей Дмитриевич, мне бы хотелось с вами обсудить одну щепетильную тему... Задание, с которым выдвинется ваша группа, особенное. Хотя вы, думаю, и так понимаете, что наше ведомство ерундой не занимается, но тут дело на контроле у самого... — начальник многозначительно указал пальцем на потолок. Андрей проследил взглядом за жестом и отметил, что потолок сделан в цвет паркета.

— Так вот, команда, в которой вам предстоит работать, сложная, разношерстная, но каждая боевая единица по-своему уникальна. Кандидатов подбирал лично Криницын.

— И меня? — удивленно вскинулся Андрей.

— Нет, — усмехнулся Леонид Алексеевич, — вы — это мое особое пожелание. Так вот, мне было бы интересно изнутри посмотреть на работу группы, взаимодействие... в конце концов, на методы достижения поставленной цели. Так сказать, получить развернутый психологический портрет сотрудников и командира не в кабинетных условиях, а непосредственно в деле. Полевое исследование, так это вроде называется.

— Да... — пробормотал Андрей. — Вы хотите, чтобы я стучал на людей, с которыми мне предстоит работать?

Полковник аж руками взмахнул, протестуя:

— Боже упаси! Вы меня превратно поняли. Давайте попробуем еще раз. Задание сложное, многоуровневое. Целей будет несколько. Отработка агентурных сообщений, оперативно-поисковые мероприятия. Проверка информации на месте. При этом данная группа Криницына сама по себе экспериментальная. Можно сказать, вы будете в свободном поиске. В итоге будет либо победа, либо поражение. В случае и первого, и второго мне как руководителю и как лицу, которому надлежит докладывать, — он опять указал на красивые потолочные плиты, а Андрей при повторном рассмотрении понял, что это не имитация под деревянные пластины, а натуральное дерево, — необходимо владеть более развернутой информацией, чем сухие итоговые результаты. В конце концов, если группа покажет себя эффективной и целесообразной, то в дальнейшем можно будет полностью передать вожжи правления Криницыну, а вас, если пожелаете, перевести на должность заведующего нашей ведомственной поликлиники. Кто будет против такой шикарной кандидатуры? Врач с боевым опытом, государственными наградами, диссертацией на тему... — Леонид Алексеевич словно волшебной палочкой покрутил ручкой в воздухе в поисках удачного названия, — «Влияние экстремальных условий на личностные характеристики сотрудников спецподразделения». Или — «Индивидуальные особенности сотрудников при выполнении задач, сопряженных с высоким риском»... Хотя, полагаю, вы лучше меня на месте поймете, какие исследования можно провести попутно. Как вам такая перспектива?

— У меня нет государственных наград, — растерянно пробормотал Андрей.

— Это дело наживное. Вы молоды, у вас высокий умственный потенциал. Ну и четыре специализации. Четыре! Для чего вы столько учились, если не применять их в деле?

— Но, мне кажется, я совершенно не понравился Анатолию Павловичу...

— Ерунда. Вы же не барышня, чтобы нравиться. Вы — данный ему сотрудник со своим функционалом. К тому же ему все равно необходим врач. Так почему не вы? А его сухость не принимайте на свой счет. Просто служивший с ним долгое время доктор, его друг, выбыл из команды. Поэтому кто бы ни был на замене, он

не будет встречен кренделями и пряниками. А дальше, я думаю, вы как специалист с опытом психолога найдете подход.

Андрею стало жаль этого незнакомого павшего смертью коллегу и стало еще страшнее от открывшейся перспективы.

— Но я совершенно... не спецназовец. Я врач. Мне кажется, я погорячился, предложив свои услуги вашему управлению. Тем более я давно не практиковал хирургию, — вывалил заготовленную фразу Андрей и ошарашенно замер, ожидая реакции этого большого и по должности, и по личному напору человека.

Но ничего не произошло, начальник лишь ближе придвинулся к столу и захопнул тонкую папку личного дела врача Адикова.

— Вы хирург, травматолог, психолог, ну в конце концов и психиатр. Вы можете быть незаменимы в этой командировке. Принесете много пользы. Группа для нерасшифровки будет прикомандирована к отряду армейской разведки, который базируется в горном районе Чечни. Я думаю, что работы у вас будет много и по профилю... Профилям. Вот и попрактикуетесь. Руки быстро вспомнят. Красный диплом медицинского института — это о многом говорит. К тому же в помощь вам выделена операционная сестра. Если понадобится, то медпункт армейцев будет в вашем распоряжении. А спецназовскую часть будут осуществлять люди, специально тому обученные.

Селектор пискнул, и высокий голос секретарши сообщил, что через пять минут начнется совещание. Леонид Алексеевич порывисто поднялся. Андрей вскочил следом и быстро пожал протянутую руку.

— Не переживайте. Все, что ни делается, — все во благо. Смею предположить, что службой в нашем подразделении вы проникнетесь. Ведь это дело не только настоящих мужчин, но и людей с высоким интеллектом, профессионалов своего дела. Да и что может быть лучше, чем служить Родине! В кабинете двести семнадцать вас ожидает Криницын. Он даст вам указания. Всего доброго.

Андрей попрощался и вышел. Дверь позади него издевательски закрипела и громыхнула.

Через несколько минут плавно, словно прима танцевального коллектива «Березка», в кабинет, можно сказать, всплыла Софья Николаевна. Она поставила перед устало откинувшимся на спинку кресла начальником небольшой серебряный поднос с кофе и пирожным.

— Соня, посиди, попей со мной кофе, — попросил он.

Дама на удивление легко и грациозно для своего излишнего веса вышла из кабинета и тут же вернулась со второй кофейной парой, прикрыла двери и села в кресло, где минуту назад сидел Адиков.

— Леонид Алексеевич, ну как он вам?

Андрей крайне удивился бы, услышав, что ее голос может быть невысоким, с приятной хрипотцой.

— Сонечка, ты, как всегда, права. То что надо. Хлипковат, простоват. Тут же решил, что я его призываю стучать. И я уверен, при всей своей манерности будет педантично собирать всю информацию. Думаю, что намеченную роль исполнит безукоризненно.

Полковник раскрыл и пододвинул упаковку с витиеватым пирожным, но женщина отрицательно качнула головой:

— Вы же знаете, не люблю сладкое.

— Знаю, Соня, знаю. Не устаю восхищаться тому, как выбранные тобой образы безошибочно работают и приносят бесценные результаты. Шаблонное мышление по-прежнему управляет людьми. — Он отпил кофе, помолчал и, глядя в окно, спросил: — Не скучаешь по оперативной работе? Вот где дела вершились! До сих

пор вспоминая, как изящно ты вычислила крота Асеева. И прокололся он на мелочи.

— Леонид Алексеевич, все именно на них и прокальваются. А жалею я лишь о времени, которое чересчур быстро утекает, унося профессионалов экстра-класса. Меня пугает, как быстро деградирует наше окружение. Достойный, изящный, умный противник становится большой редкостью. Все больше рвачи да мелочные пакостники, старающиеся взять глоткой, включая дешевые, примитивные механизмы. Кстати, Бочаров пытается перехватить инициативу в операции «Поляна». Встречался вчера с людьми Зайцева, обещал золотые горы за первичность предоставляемой информации или небесные кары за отказ.

— Ну, это хрен ему! — вскинулся начальник.

ВСТРЕЧА

Когда Андрей зашел в указанный кабинет, то застал Криницына уже одетым по гражданке. Из серийного убийцы он превратился в среднестатистического, ничем не приметного работягу. Нельзя было сказать, что взгляд его потеплел, но он вдруг без тени неприязни сообщил:

— Доктор, у меня времени нет. Еду встречать капитана на вокзал. Хочешь — поехали со мной. Сразу и познакомитесь.

— Хорошо.

Через несколько минут они вышли из здания, на котором не было никакого упоминания ни о каком разведуправлении, и не спеша направились к метро. По дороге в тряском вагоне молчали. Анатолий Павлович размышлял о чем-то своем и, кажется, совершенно не следил за остановками, но как только двери открылись на станции у вокзала, тут же вышел и, не оглядываясь, направился к выходу. Андрей же с удивлением обнаружил, что все время пытается его догнать. Это совершенно вышло из понимания. Ведь он был на добрые две головы выше низкорослого офицера и, соответственно, шаги отмеривал метровые, но вот ведь незадача — никак не мог в толпе сравняться с разведчиком. Изрядно запыхавшись и разозлившись на свою неповоротливость, чуть не воткнулся в спину Анатолия Павловича, когда тот встал перед расписанием поездов, сверился с часами и почему-то вздохнул.

— Подожди здесь, — и через минуту уже скрылся в центральных дверях железнодорожного вокзала.

«Зачем я поехал?» — досада, приумноженная бестолковой беготней, начала заводить Андрея. В голове защелкали мысли: «Не понравился я ему. Зачем было с собой тянуть? За всю дорогу слова не проронил. Бирюк! Сейчас здесь еще буду торчать непонятно сколько. Что за тип! Пропаду я с таким командиром в командировке. Э-эх, дал же я маху и спрыгнуть не смог. Тюфяк. Права была вчера мама...»

— Дядя, дай десять рублей, на морожку не хватает!

На него из-под короткой челки смотрели хитрые девичьи глаза — явно местной привокзальной шпаны. И хоть руки у нее были засунуты в карманы драных джинсов, Андрей быстро проверил висящую сбоку сумку. От такой оторвы всего можно ждать.

— У меня карточка, — буркнул он и сделал шаг от девчонки, всем своим видом показывая, что денег не даст и разговаривать дальше не желает. Но девица зыркнула ему за спину, цыкнула губами, явно давая кому-то знак, и опять приблизилась:

— Ну дядя, не будь жадиной! Купи тогда эскимошку в честь знакомства. Продавщица карточки принимает.

Андрей аж передернуло: «Ну что за день такой! Не хватало еще в перепалке сейчас завязнуть с этой гопотой». Вот ведь удивятся и порадуются вернувшийся Анатолий Павлович с неизвестным капитаном, когда увидят, как его посреди вокзальной площади ногами запинывает местное малолетнее жулье.

То, что его будут мутузить на грязном асфальте, даже не подвергалось внутреннему сомнению. Было видно, что девица драться умеет, а скорее всего даже любит: об этом свидетельствовал кривой шрам у виска и яркий синяк под глазом, плавно переходящий на скулу. А что ждать от ее поделников?

Внутренний голос подсказывал, что надо быстро выходить из сложившейся ситуации с наименьшими потерями. Первый выход — побег. Но почему-то очень хорошо представилось, что бег спровоцирует эту кодлу, словно стаю собак, — и они все рванут за ним, очень быстро нагонят, а дальше... Затем повторилась картина встречи с заплеванным асфальтом, только без подмоги удивленного нового начальства. Поэтому голос подсказал: «Купи ты ей это несчастное мороженное. Пока суть да дело — глядишь, и тяжелая артиллерия подтянется, а на троих мужиков даже вокзальная гопота, да посреди дня, налетать побоится».

— Пошли, — быстро кинул он девчонке, которая мгновенно расплылась в почти детской искренней улыбке и даже вдруг стала на удивление хорошенькой.

Подошли к киоску. Она ткнула пальцем в эскимо. Андрей достал карточку, украдкой поглядывая на высокие двери парадного входа на вокзал, ожидая, когда же появится Криницын со здоровяком-капитаном. Почему-то казалось, что капитан будет именно здоровым, коротко стриженным бугаем с холодными бесстрастными глазами.

— Дядя, а будь другом, купи два!

«Началось», — неприятно засосало под ложечкой.

— Будьте любезны, дайте два эскимо, — обратился он к усталой пожилой продавщице. «И позовите полицию», — добавилось про себя.

Получив желаемое, девушка прям расцвела, но отходить не спешила:

— Ой, дядя, а ты хороший! Спасибо. А купи...

— Что вы тут делаете?

Андрей чуть на месте не подпрыгнул. Из-за спины окликнул командир, неизвестно откуда взявшийся, — а ведь ждал он его совершенно с другого направления!

Девица тут же протянула одно эскимо Криницыну:

— Знакомимся. Угощайтесь, Анатолий Павлович!

Криницын взял эскимо и сдержанно улыбнулся:

— Мое любимое. Все-то ты помнишь! Познакомились, значит. Очень хорошо. Вот, Андрей, — указал он на вмиг повзрослевшую, ставшую серьезной девушку, — прошу любить и жаловать, один из лучших снайперов, с которыми мне выпадало иметь дело. Кира, а это наш новый доктор.

По миловидному лицу скользнула тень:

— А Димедролыча куда дели?

Андрей внутренне напрягся в предчувствии, что сейчас узнает про печальную участь своего предшественника.

Анатолий Павлович развел руками:

— Все. Друг твой на пенсион подался. Будет капусту разводить и кроликов растить. Не с кем теперь бузить в командировке, спирт пить да нервы мне трепать.

Кира удивленно вскинула брови. Андрею, который в очередной раз за этот длинный день испытал смешанное чувство неясного обмана, стало непонятно, к чему больше относится это немое недоуменное возмущение: то ли к тому, что она вообще не пьет, то ли к тому, что она в любой ситуации найдет с кем бузить и трепать нервы командиру. Хотя еще минут десять назад он был уверен, что у Криницына нет нервов — или, скорее, есть нервы, которые трепке не поддаются.

— Что за синяк?

— Синяк?

Криницын кивнул на смачную гематому под глазом, и Кира, тут же сориентировавшись, быстрым движением провела по скуле рукавом. Кровоподтек изрядно смазался.

— Для антуража, товарищ подполковник!

Командир глянул на рукав куртки, потом на Андрея, затем на мороженое в собственных руках. В глазах проскользнуло узнавание какой-то давней ситуации и что-то наподобие жалости к доктору. Так начальство точно улавливает характер будущих взаимоотношений между подчиненными. Он вздохнул — впрочем, без сочувствия — и скомандовал:

— Пошли в расположение, товарищ капитан, — развернулся и зашагал в метро, на ходу срывая обертку с эскимо. За ним, не отставая, поправив за спиной американский морпеховский баул, последовала Кира, на ходу откусывая мороженое.

Андрей же посмотрел им в спину со жгучим желанием развернуться и без оглядки бежать в другую сторону. Ну что ему сделают? Не расстреляют же, в самом деле, за дезертирство. Однако, проклиная себя за мягкотелость, попытался их догнать.

УЧЕБКА

— Я их не понимаю! Никого! Они словно с другой планеты, — Андрей, сидя в кресле для психоанализа, проговаривал накипевшее за первую неделю сработки разведгруппы профессору психологических наук, своему старинному знакомому. — Виктор, ты просто не представляешь, какие они...

Друг внимательно слушал его, сидя напротив в красивом кожаном кресле, изредка прикладываясь к бокалу с вином:

— Они служивые, и более того — спецназовцы. Чего ты от них ожидал? Это их мир.

— Это чудовищный мир! Там все на грани шутовства и жестокости. Мне трудно понять, когда они говорят серьезно, а когда шутят. Да и шутят они так, что не оставляет ощущение, что они просто издеваются! Но это так... виртуозно, что вроде как даже... мне нечем им ответить!

— Может, все не так печально, как ты это видишь? Ты просто в стрессе от новых, непривычных условий.

— Пример, — Андрей нервно, со смешком дернулся. — Три дня назад у нас был первый полевой выход. Разделили на несколько групп по четыре человека. Высадили с грузовой машины в разных точках. У всех были свои задания. Меня прикрепили к третьей группе. И понимаешь, я чуть не умер. Да, признаю, что имею слегка превышающий норму вес, но я работаю над этим вопросом! У меня нет навыков длительных переходов по пересеченной местности, нет удобной экипировки... Пока нет. И они это знали. Они видели, как тяжело мне дается первый в моей жизни поход практически в боевых условиях.

И представляешь, когда все выполнили и вышли к точке эвакуации, эта гнусная девица говорит: «Ба-а, да мы первые! А не хлопнуть ли нам холодного шампанского по этому поводу?» Все в восторге, а я в полуобморочном состоянии лежу на спине, смотрю в затянутае облаками небо, и в моей бедной голове нет ни одной мысли, кроме крамольной, что я — идиот.

Так вот, она мне говорит: «Док, прекращай валяться, открывай туесок, пировать будем». Я, ничего не понимая, смотрю на нее. Она же с невинным видом вздыхает, садится рядом, открывает мой рюкзак с медикаментами — и начинает из него вытаскивать бутылку шампанского, пакет с бутербродами, термос с кофе,

упаковку колбасок и чугунную сковородку! И это все — из моего рюкзака! Который я тащил на своей спине двадцать километров!

Виктор усмехнулся и подлил себе вина.

— Не хочешь ли ты сказать, что не знал, что у тебя в рюкзаке?

— Откуда? Я его собрал. Все уложил. Поставил к другим рюкзакам — и все. Я же думал, что мы одна команда! Я должен им доверять, а они... они ржали и жарили шпикачки на этой чертовой сковороде, пили из горла шампанское и говорили, что я самый чудесный доктор на свете! Боже, как же я влип...

— Андрей, а какие задачи они выполняли?

Он озадаченно посмотрел на друга.

— Не знаю, не вникал. Зачем мне это? У меня своя задача — пройти с ними маршрут. Я прошел. Мне было тяжело. Они... она это видела и не помогла мне!

— Она... Как ее зовут?

— Кира, я тебе про нее рассказывал. Отвратительная девка! Я даже передать тебе не могу, какая она, потому что она шепутная, непредсказуемая, неуправляемая... Не понимаю, чего от нее ждать. Не представляю, как она стала снайпером! Притом, представляешь, вот она вдруг сразу стала для них своей. Сразу! Честно тебе скажу, я ожидал, что эти крепкие парни просто не воспримут ее всерьез. Первый сбор. Утро. Стоим на плацу. Ждем командира. Все солидные, вдумчивые, полные собственного достоинства. Такие... сразу видно, что лучшие из лучших. Ты только не смейся, но, знаешь, они были похожи на разведчиков из старых советских фильмов. С такими хоть где не пропадешь. Я подошел, поздоровался и даже успокоился, подумалось, что не так все страшно может сложиться. И тут подходит эта особа и с ходу так небрежно: «Здорово, мужчины!» И тоже полезла со всеми ручкаться. Я аж внутренне возмутился от такого панибратства. А эти ничего, руки пожали, заулыбались.

Андрей отхлебнул остывший чай. Сморщился, поставил чашку на стол. Встал с кресла, подошел к окну, посмотрел на улицу.

— Среди них есть здоровый такой детина — Сергей. Представляешь, уж насколько я немаленького роста, так он от меня на голову выше, плечи в полный метровый разворот, ручищами может рельсы гнуть. Банально сейчас сравню, но он прямо машина. Челюсть квадратная, глаза холодные, стрижка... ну, в общем, как в фильмах показывают.

— Советских? — Виктор улыбнулся.

— Нет... Дольф Лундгрэн скорее. Вот он как раз и не похож на хорошего парня. Смотришь на него и, не побоюсь этого признать, испытываешь гремучую смесь зависти, страха и гордости. Сергей этот из всех на особинку. Привлекает к себе внимание какой-то особой надежностью...

Виктор опять перебил:

— Так он надежный или плохой парень, что-то у меня не стыкуется.

Андрей уселся обратно в кресло, закинул ногу на ногу и развел руками:

— А я не знаю! Удивительно, но впервые я вижу, как несочетаемые качества совмещаются. Первые дни я вообще от него шарахался. Смотрю, и остальные к нему особо не лезут. День на третий вызывает меня командир. Оказывается, приехала медсестра, которая со мной в командировку поедет. Анатолий Павлович ее хорошо знает. Я подошел, познакомились. Сели в расположение, там с одной стороны у стены диван, кресла стоят, столик, напротив — телевизор, а дальше — как в обычной казарме, вереница двухъярусных кроватей. Сидим, тихонечко общаемся, чай пьем. Татьяна — женщина приятная, видно, что правильная — я бы даже сказал, обстоятельная. Операционная медсестра с огромным стажем.

По телевизору сюжет про Кавказ начали показывать, так мы все в экран уставились. Сидим рядом на диване: я, командир, Татьяна. Тут вдруг в коридоре дверь

хлопает, слышим приближающийся топот, а через секунду в расположении влетает Кира, а за ней в грязной мокрой форме, с рыком «Убью-ю-ю!» — этот самый Сергей. Скажу честно, у меня в душе все похолодело от намечающейся потери. Понимаю, что сейчас этой глупой девчонке деваться некуда будет — расположение-то тупиковое. А она, чуя, как его громадная ручища за спиной в паре сантиметров в воздухе кидает в попытке за полевку ухватить, представляешь, с разбегу делает какой-то невероятный фантастический прыжок, выход силой — и оказывается на верхней кровати. Глазом не моргнув, проскакала прямо в берцах по верхним койкам, в то время как этот громила за ней по нижним протискивался. Правда, у него в силу габаритов это медленнее получалось. Этим и спаслась.

С последней койки спрыгнула в пролет и рванула на выход. Но тут, видимо, почувствовав, что в расположении кто-то есть, на бегу повернула голову, узрела нашу ошарашенную компанию, притормозила на долю секунды, склонила голову в приветствии и умчалась в открытую дверь. А за ней Сергей, видя ее кивок, на этом же месте точно так же притормозил, посмотрел удивленно на нас, пробормотал «здрате» и сорвался дальше — догонять. Я поворачиваю голову за комментарием начальника и вижу, что он поражен не меньше моего, озадаченно смотрит на пустой дверной проем. Потом указывает на него Татьяна и говорит: «Вот, познакомься, лучшие сотрудники нашей группы». В общем, чем дело кончилось — не знаю, как не знаю, с чего вся эта погоня началась. Но точно тебе скажу, она была не шуточная. И при этом у Киры в глазах было столько азарта, что я понял: спокойной командировки не будет, если Криницын ее не угомонит. Но он вообще ничего не предпринял ни по внушению, ни по наставлению. Как будто потакает этому детсадовскому поведению.

И Сергей... Не понимаю! Не представляю, как мог этот серьезный, внушительный боец повести себя столь нелепо для его статуса. А ведь у него за спиной несколько командировок в горячие точки и государственные награды.

— Так, а что все-таки дальше было?

— А дальше... дальше они с этим Сергеем стали лучшими друзьями! Притом, что она дала ему прозвище — «Бабуля».

— Бабуля?! И как он на него отреагировал?

— Да никак. Ну, вернее, спокойно, откликается.

— А почему «Бабуля»-то? — Виктор, увлеченный рассказом друга, даже бокал отставил в сторонку.

— У него фамилия Бабушев — поэтому, видимо. Виктор, я только тебя прошу, не афишируй мой рассказ, это все-таки секретная информация... Наверное.

Виктор вновь взял бокал, покрутил рубиновый напиток, полюбовался медленными подтеками, сделал небольшой глоток, после чего задумчиво протянул:

— Интересно. Очень интересно. А что у вас дальше?

Андрей вмиг погрузнел:

— Полигоны, стрельбы и полевой выход уже на тридцать километров.

— Не расстраивайся раньше времени! Все у тебя получится. Раз твою кандидатуру утвердили, значит, необходимо принять этот поворот судьбы. Полагаю, тебе пора начать интересоваться их задачами. Тем более, как мне кажется, не такие уж они плохие. Помогай понемногу — по крайней мере, участвуй в их жизни, а не обособливайся и отдалайся. Ведь впереди у вас совместная, я так понимаю, непростая работа. Присмотрись к девчонке — она любопытный персонаж. И я тебя умоляю, проверяй свой рюкзак перед выходом. Вообще держи руку на пульсе. Не подставляйся, не потакай им в веселье. Безусловно, ты для них сейчас лакомая добыча — единственный необстрелянный, да еще и не служивший, московский интеллигент. Пожалуй, я бы на их месте тоже не удержался от эмм... дурацких шуточек.

День выдался прохладный, но, несмотря на это, все изрядно измотались на стадионе. Отрабатывали общеспецназовскую тактику передвижения группой, развертывание, свертывание, отход-подход. Затем были силовые занятия, рукопашка и под самый обед — кросс на пять километров, который Андрей добежал последним и отпыхивался у финиша, прислушиваясь то к бешено брыкающемуся в груди сердцу, то к покалыванию в боку. Инструктор же, сверив по записям результат, похвалил его за ускорение, но указал, что до норматива еще далеко. Доктор с завистью посмотрел на отдыхающих бойцов и на наблюдающую за ними со скамьи Татьяну с медицинской сумкой. Она кросс не бегала, да и он мог бы избежать этой экзекуции, но сам вызвался, чтобы влиться в коллектив, а заодно улучшить физическую форму.

Он оглядел отдыхающих парней. Занятия закончились, до обеда оставалось минут двадцать, и все занимались своими делами. Киры и Бабушева нигде не было видно. Он удивился сему факту, так как расходиться команды не было, но инструкторы ушли под навес, где заполняли журналы, тихонько переговаривались и не обращали на группу внимания.

Доктор решил пойти к Татьяне. В отличие от остальных, медсестра импонировала ему добродушным, спокойным нравом. Ей было слегка за сорок, вокруг глаз рассыпались морщинки, а волосы пробила ранняя седина, но она совершенно не заморачивалась прихорашиваниями и не старалась молодиться.

Он практически шагнул к ней, когда увидел, как Татьяна незаметно для сидящих в стороне инструкторов сделала кому-то знак рукой. И в следующий момент через забор на территорию стадиона бесшумно перемахнули две тени — одна мелкая, вторая внушительная.

— О как... — пробормотал потрясенный Андрей, наблюдая, как эта двойка шмыгнула к кустам сирени, куда через минуту, прикурив сигарету, не торопясь удалилась и Татьяна.

Вначале он решил не ходить туда, не потакать любопытству, но не удержался и все-таки потянулся, влекомый непонятной тягой к этой компании, стал огибать небольшие кусты и неожиданно обнаружил всю троицу сидящими на двух возвышающихся над землей коллекторных люках и попивающими кофе из картонных стаканчиков с логотипом Макдональдса.

«В самоволку за кофе...» — не веря своим глазам, он придвинулся ближе и вдобавок ко всему услышал, что Бабушев читает присутствующим вслух:

Скорей бы лето... Оно мне нравится.
И пусть жужжат комары настырные.
Мне летом проще: смелей мечтается,
И небо выше, и мысли мирные¹...

— Стихи и кофе на канализационном люке — это явный перебор, — пробормотал Андрей, с осуждением глядя на Татьяну, и отошел в сторону.

Виктор посмотрел на друга, стоящего в дверном проеме, и вместо приветствия предложил:

— Вина?

Андрей отрицательно качнул головой. Он вел здоровый образ жизни, не курил и не пил, чем очень гордился.

— Рассказывай, — доктор уселся в свое кресло, отметив про себя, что не без интереса ждет новостей.

— Они подлые, гнусные, отвратительные... — с трудом справился со злостью и

¹ Из стихов Александра Конопкина

выдавил из себя, — люди. Полюбуйся, — и он вытащил из кармана пиджака забинтованную левую руку.

— Вы братались кровью? — брови Виктора поползли вверх.

— Ты еще... — не принял шутки Андрей. — Мы были на стрельбах. Выехали на огромный войсковой полигон. И там все стреляли кто из чего горазд. Какие-то различные автоматы, подствольные гранатометы, пистолеты... Я тоже от народа не отставал. Не могу сказать, что меня это воодушевляет, как остальных, но что-то в стрельбе есть. Заряжает, знаешь ли... — Тут Андрей сам себя оборвал и продолжил в изначальном тоне: — Не суть. Ближе к концу стрельб в стороне пулемет застрочил. Подхожу на дальний рубеж, а там Бабушев развлекается, с разных лежек стреляет. И так захотелось попробовать — вроде ничего сложного не увидел. Черт меня дернул попросить. А тот: «Легко, — говорит, — только давай ленту новую снаряжу патронов на сто, чтобы с передвижением, с переносом огня да от души». Я отнекиваться — а он сурово так брови свел и на полном серьезе: «Док, я без шуток. Ты же с нами на выходе будешь. Вдруг всех перебьют, так ты с пулеметом продержишься до подхода основных сил. А там будет тебе государева награда, честь и почет!»

Тут Кира подошла и еще пара парней, я так понял, они тоже хотели из пулемета пострелять, но первоочередность мне уступили. Татьяна подтянулась с фотоаппаратом. Сергей все показал — как ленту снаряжать, как ее укладывать, как пулемет заряжать, как к стрельбе изготавливаться, прицеливаться. Мне волнительно, все-таки впервые из серьезного оружия стрелять буду, а Бабушев дальше инструктирует: «Ты, главное, не переживай, команды слушай». И как гаркнет: «Слева! Огонь!» Я от неожиданности спусковой крючок вдавил, очередь дал, приклад в плечо больно ударил, но ничего, поморщился только. Смотрю — попал в мишень! Упала! Татьяна за спиной восхищенно вскрикнула. Приятно так стало. А Бабушев уже новую команду дает: «Справа!» Я пулемет развернул, опять очередь дал. Та мишень тоже упала. А уже следующее указание: «Прямо!» И ты знаешь, очень даже у меня недурно получалось. Во вкус вошел. А Бабушев орет: «Дави огнем и смещайся! Уходи на другую лежку!»

Я без всякой мысли на колени вскочил и пулемет ухватил... под ствол рукой. А он раскаленный! Виктор, я впервые увидел, как у меня кожа на пальцах вмиг побелела от ожога! Пулемет бросил, на пальцы задул. Оборачиваюсь на Сергея, почему не предупредил, а они все стоят, смотрят и улыбаются! Ну, вернее, Татьяна не улыбается, а сумку с медикаментами расстегивает. Тут Бабушев говорит: «Я мог тебе десять раз сказать, что при передвижении держи пулемет за ручку, но теперь ты на всю жизнь запомнишь, как его брать точно не стоит». Представляешь, учебу мне провели! Как будто я срочник какой-то. Слов не понимаю! — Андрей насупился и, не глядя на друга, попросил налить ему чаю.

— Коллега, вы же не станете отрицать, что обучение с фиксацией шоком едва ли не самый эффективный метод? Если не самый? — произнес Виктор, колдуя над заваркой и кипятком.

Андрей выдержал паузу, вздохнул и продолжил:

— А всего обидней стало, когда я увидел, как они все, в том числе и Татьяна, что-то сунули Кире в руки. Тогда до меня дошло, что на меня поспорили! И эта несносная особа поставила на то, что я обязательно обожгу руку...

— Но с другой стороны, остальные поставили, что не обожжешь! В данной ситуации очевидный негатив компенсируется столь же очевидным позитивом.

— А ожог ты в баланс включил? Так не делается! В конце концов, я тоже на них отыграюсь! Потом...

— Предлагаю противопоставить дурацким выходкам спецназовцев современный научный подход. Что мы наблюдаем, коллега? — «Коллега» прозвучало под-

черкнуто. — Мы наблюдаем типичные элементы борьбы за место в неформальной иерархии, реализуемые в форме внутренней игры, в результате которой каждому определяется место в команде.

— В стае... — угрюмо поправил Андрей, которому обращение «коллега» не могло подняться над личными переживаниями и приступить к анализу ситуации. — Да я уже не знаю, чего ждать от этих ...! — и не подобрал термина.

— А ты знай. И постарайся во второй раз за ствол пулемета не ухватиться. Даже за холодный, — Андрей невольно кинул взгляд на забинтованную ладонь. — И рюкзак перед выходом проверить.

— *Per rectum ad astra*, — не сдержался Андрей. — В конце этой недели предстоит новый полевой выход. Тридцать километров! Хоть в другую группу просись...

— Я бы не советовал. Будет выглядеть как бегство.

Шестичасовое утро полевого выхода было хмурым, как настроение доктора. Во-первых, он ненавидел ранние подъемы, во-вторых, практически не спал, нервничая и злясь, ерзая на неудобной казарменной кровати. Слово заезженная пластинка, в уме крутились слова, которые он скажет, если при перепроверке медицинского рюкзака перед выходом вновь обнаружит дурацкие приколы. На каждом следующем витке этих умственных упражнений обличительное выступление дополнялось новыми гранями интонаций и, достигнув идеала, было прокручено в последний раз, после чего Андрей резко, вымотанно выключился. А через минуту — по внутреннему ощущению — был разбужен командой к подъему.

Голова была мутная, под стать утру — свинцовая. Весь ранее подготовленный безупречный монолог в свете стылого рассвета теперь казался не идеально выстроенным, а скорее истерично вычурным. От досады за бездарную ночь заломило в висках. В голове крутанулась ругательная фраза на латыни, но он сам себя одернул — на эстетство не было времени. Тщательно проверив перед выходом медицинскую сумку и не найдя ничего лишнего, не сразу понял, что он испытывает — досаду или облегчение.

В машине его клонило в сон, но он держался из последних сил, недоуменно поглядывая, как внимательно Кира и Бабушев следят за ничем не примечательной дорогой.

Их четверку высадили из микроавтобуса первой. Кира, Сергей Бабушев и неразговорчивый боец со странным позывным Тельч, кратко пожелав остальным удачи, быстро вышли, придерживая оружие, и скрылись в прилегающих вплотную к лесной дороге зарослях. Андрей же вначале зацепился лямкой за подлокотник, затем запнулся о порог и, буркнув что-то нечленораздельное наблюдавшим за его эффектным выходом сотрудникам, ломая кусты, попытался догнать свою группу. Машина быстро скрылась из вида и он, оглядевшись, понял, что не знает, куда идти дальше — лес вокруг словно вымер. В груди неприятно заныло: «Бросили. Опять попался! Как глупо буду выглядеть, когда вернусь один в расположение на такси... Такси... я же забыл деньги!»

— Док, ты долго будешь торчать, как... Пошли! — рядом непостижимым образом оказалась Кира и, крепко прихватив его за рукав, увлекла с обочины в глубь леса. В низинке, за поваленным деревом, их уже ждали. Кира плюхнулась рядом с Тельчем, обвела смеющимся взглядом присутствующих и предложила:

— Ну что, мужчины, по кофейку и на войну!

Андрей покосился на свою ношу, ожидая, что сейчас непонятным образом они опять повторят фокус с прошлого выхода, но Тельч без лишних слов вытянул из своего рюкзака термос, налил в крышку дымящийся напиток и, сделав пару глотков, передал по кругу. Когда чашка оказалось в его руках, Андрей неожиданно

для себя отметил, что простой черный кофе необычайно пахуч среди сырого утреннего леса, в котором только начинали тренькать легкие голоса просыпающихся пичуг. Он даже на секунду зажмурился, пытаясь удержать в себе забытое со времен детства волшебное чувство открытия чего-то нового и радостного. Сам для себя назвал это блаженством и улыбнулся. Ведь до нынешнего дня он не помнил, чтобы восхищался терпким вкусом и острым запахом, да и кофе практически не пил, так как считал его вредным для сердца и сосудов.

Все молча, спокойно, без спешки, по очереди пили кофе из общей чашки. Бабушев вглядывался в лес, видимо, прикидывая, куда они двинут дальше. Кира водила по земле веткой, рисуя то ли узор, то ли какую-то схему. Тельч перешнуровал берцы, подтянул и заправил лямки у рюкзака. Андрей как будто увидел их по-новому. Это были словно совершенно другие люди, ранее ему незнакомые. Дабы убедиться, что рядом с ним прежняя компания досаждающих и поражающих его людей, он спросил:

— Почему мы сидим практически у места высадки и спокойно пьем кофе? Разве мы не должны максимально быстро углубиться в лес? Да и к тому же отведенное время...

Все трое посмотрели на него.

— Док, ты что, прочитал наставление? — Кира расплылась в улыбке и тут же стала прежней.

А Сергей, словно молодому, бестолковому бойцу, начал растолковывать:

— Потому, что на данный момент здесь самое безопасное место. А вот что ждет нас там, в лесу, только нашим инструкторам известно. Поэтому лови последние спокойные минуты — и в путь. До выхода к точке эвакуации пикников не намечается.

Андрей отвел глаза. Приподнятое настроение чуть потускнело. Он действительно вчера проштудировал наставление «Передвижение по пересеченной местности в условиях встречного поиска противником», которое взял у инструкторов.

Все поднялись и начали собираться. Размяли ноги, попрыгали на месте, проверяя амуницию на шум, сверили по карте направление и, бросив Андрею короткое «не отставай», с небольшим разрывом между собой двинулись в лес.

Вначале Андрей внимательно крутил головой в поисках противника. Где-то в душе шевелилась сладкая надежда первому из всех обнаружить окружающих врагов, но очень скоро оступился, чуть не растянул голеностоп и стал больше смотреть под ноги. А через какое-то время неожиданно навалился страх, что вдруг на него, замыкающего, незаметно нападут и, заткнув рот, воткнут нож под ребро. В поисках поддержки и успокоения начал глазами искать свою группу, но то ли отстал, то ли нарастающая паника притупила зрение — никого не увидел, и это подняло внутри смятение: во рту вмиг пересохло. Он как будто воочию прочувствовал нападение — вероломное и смертельное. Трезвомыслящая часть сознания, словно закатив глаза, определила такую перспективу как бредовую и отмела — особенно в части, касающейся убийства: как-никак это всего лишь учебный выход. Но другая часть, паникующая и истероидная, продолжала его накручивать. Оглушенный ее нарастающим визгом, он развернулся и начал пятиться, судорожно вглядываясь и как будто даже видя какие-то неясные темные силуэты. В следующий миг спиной уперся в кого-то, и за секунду до вскрика рот зажала чья-то крепкая ладонь. Андрей уловил острый запах пороха, вьвшегося в кожу тактической перчатки, и тут же осознал, что пропал. Его рывком развернули. Перед ним стоял Бабушев, который, слегка тряханув Андрея за шиворот, процедил сквозь зубы:

— Ты чего делаешь? Вдох-выдох, психотерапевт. Двигай за Кирюхой.

И отпустил его, командовал Тельгчу:

— Ты замыкающий.

Тот перестроился. Двинулись дальше.

Андрею ощутимо полегчало. Находясь в середине группы, будучи уверенным в защищенности «тыла», он принялся внимательно отслеживать Киру — ее спина стала для него гарантом, что он не потеряется в этом странном лесу, ни разу не похожем на подмосковный. Но на смену короткому успокоению пришел стыд за ту не к месту накатившую панику. Тогда он начал смотреть на поведение девушки — ему хотелось увидеть хоть крупинку нервозности или волнения, но даже после длительного наблюдения за ней он не выявил ничего, что выдавало бы страх или хотя бы неуверенность. Зато отметил, что и она, и парни очень органичны, несуетливы, а главное — за две недели сработались и действовали настолько слаженно, словно были вместе не первый год. Без единого слова понимали друг друга, чувствовали перемещения и перекрывали возможные секторы внезапного появления противника. Со стороны Андрей наблюдал как будто не за людьми, а за работой очень точного, мощного, но бесшумного механизма. И то, что он видел, совершенно не вязалось с тем ярлыком, который он на них ранее повесил.

Еще больше его удивило нарастающее ощущение, что ему, несмотря ни на что, нравится быть участником группы.

Эти люди явно понимали, что и зачем делают, а ему, оказывается, надо было лишь слушаться их и по возможности хорошо выполнять приказы — перебежать, подождать, укрыться, опять перебежать. Это было несложно, но делало его причастным к общей задаче, которая, судя по довольным лицам возвращавшихся с вылазок Тельгча и Киры, выполнялась успешно. Андрею впервые вдруг стало искренне любопытно — что было целью их выхода? Понятно, что его — пройти этот маршрут, соблюдая общую маскировку, но у ребят однозначно были и основные, и промежуточные задания.

Андрей вспомнил слова друга-учителя, решил обязательно поинтересоваться происходящим, но уже позднее, в казарме. Перед глазами нарисовалась благодатная картинка, на которой все они вчетвером сидят за столом, пьют чай — не спеша, как старинные товарищи, — общаются, обсуждая к тому времени уже прошедший выход. И так ему легла эта перспектива, что он неожиданно для себя заулыбался.

«Наверное, именно это имел в виду Леонид Алексеевич, сказав, что служба с разведчиками мне понравится».

Судя по времени и пройденному километражу, точка эвакуации находилась совсем недалеко. Андрей не без удовольствия отметил про себя, что он практически не устал: скинутый вес и двухнедельные тренировки давали о себе знать. Это добавило оптимизма, и он даже прибавил ходу, как вдруг Кира каким-то птичьим движением нырнула в сторону, подав всем сигнал: «Внимание!»

Все тут же растворилось за укрытиями. Андрей присел на корточки, осмотрелся, поняв, что, в отличие от других, находится на открытом участке, и стал тихонько, гусиным шагом смещаться в сторону небольшого холма. Затем, оказавшись, по его мнению, в безопасности и осторожно высунувшись, начал осматриваться: искать причину остановки.

Вокруг было тихо, словно сам лес замер, наблюдая за группой. Андрей попытался унять в себе нарастающую тревогу, но подскочил от истошного крика Киры:

— Нападение слева!

— Прикрываю! — тут же подхватил Бабушев.

А Кира уже в полный голос орала:

— Бах! Бах! Бах! Обходят справа!

Бабушев своим низким голосом вторил Кириному «бах»:

— Та-та-та! Та-та-та! Тельч, где пулемет?!

В голове у растерянного, сжавшегося за кустом Андрея пронеслась мысль: «У нас же не было с собой пулемета», а совсем рядом неразговорчивый Тельч заорал: — Та-та-татам! Та-та-татам! Та-та-та! Мужики, уходите, я прикрою!

Кира под общий крик быстро перебежала за другое дерево и с колена начала имитировать стрельбу из СВД, усиливая общий шум:

— Бах! Бах! — И, глянув на доктора, крикнула: — Док, пистолет доставай!

Андрей послушно вытянул из штатной кобуры пистолет и с вопросом посмотрел на девушку, а та, довольная, кивнула:

— Застрелишься, если нас перебьют! В плен не сдавайся, там плохо кормят, — и уже Сергею: — Бабуля, прикрой!

Бабушев заорал в еще большую силу легких «Та-та-та!», а Кира, пригнувшись, рванула в сторону Тельча и перед изумленным, обалдевшим от всего этого действия Андреем с пистолетом в руках вдруг картинно, по-киношному, с вскриком начала заваливаться на спину. А в ответ на это Бабушев растянута-драматично возопил:

— Не-е-ет! — И пустился к ней, при этом целя по сторонам из автомата и выкрикивая на ходу: — Та-та-та!

Подбежал, схватил ее за руку и крикнул:

— Док! Быстро! Сюда!

Андрей поднялся в полный рост, но Бабушев глянул на него и рассерженно бросил:

— Куда? Офигел, что ли! Пули кругом летают!

Док тут же послушно присел, огляделся, но никого, кроме лежавшего за сохой и как будто строчившего из пулемета Тельча, не увидел. Он вообще перестал что-либо понимать в нехстати навалившейся детской войнушке, поэтому засунул пистолет обратно в кобуру, на четвереньках добрался до этих двоих и шепотом спросил:

— Что случилось?

Бабушев слегка толкнул Киру, она перестала блажить на весь лес, и он перенаправил вопрос:

— Тебя куда ранили?

Кира на секунду задумалась и, схватившись за ногу, заявила:

— Кажись, в ногу... Точно, в ногу! Ой, как больно! Док, будь другом, дай промедольчику! Помираю-ю-ю!

Андрей скосился на ее ноги, но никакой крови не увидел, раздраженно устался на Бабушева и пожал плечами:

— Вы издеваетесь, что ли?

Бабушев повернулся к нему и зло изогнул бровь:

— Ты в своем уме! Кто будет над доктором издеваться? Здесь, дорогой наш человек, учения, приняли бой, образовался раненый, ты вроде как в нашей группе за лекаря будешь. Вот и давай врачевай, оказывай первую помощь — и валим, пока на звук этого дивного боя не сбежалась вся округа. — И вдруг гаркнул в полную силу: — Делай свое дело! Быстро! Или что-то не понятно?

Набор аргументов и способ их подачи были более чем убедительны — доктор Адиков понял все. Скинув с плеч сумку, быстро вытянул жгут и индивидуальный перевязочный пакет, снова посмотрел на Кирины ноги и спросил:

— Где именно?

Она не глядя ткнула пальцем в бедро на правой ноге. Он наложил жгут, перемотал бинтом. Осмотрел повязку. Отметил про себя, что давно не практиковался. Получилось не безупречно, но, в общем-то, неплохо. Процесс оценивания прервал Бабушев:

— Коли обезболивающее и готовь к эвакуации, будем уходить.

Андрей поднял глаза:

— У меня нет. Честно!

— Ты че как маленький? Что есть?

— Анальгин... Димедрол... Физраствор, но он для внутривенного.

— Во, именно его и коли, она, считай, сколько уже крови потеряла, пока ты тележишься.

— Физраствор? По-настоящему?

— А медицина предполагает его колоть еще как-то?

Андрей отрицательно мотнул головой и принялся вытаскивать систему, закатывать Кире рукав, надрывать спиртовую салфетку, с надеждой ожидая, что она запротивится, чтобы ей ставили капельницу. Но она, мерзавка, лишь с интересом наблюдала за его приготовлениями, а Сергей рывком:

— Давай быстрее! У Тельча скоро патроны закончатся!

И действительно, тот уже начал изрядно сипеть.

Андрей ускорился, но, уже примериваясь к уколу, вдруг осознал, что его руки бьют крупная дрожь. Это заметил и косившийся на его подготовку Бабушев.

— Этого еще не хватало! Успокойся и коли!

Андрей попытался нормализовать дыхание, но дрожь предательски не уходила и как будто даже усилилась. Сергей матюгнулся, рывком забрал иглу и, быстро скользнув по взбухшей вене влажной салфеткой, ловко вкололся. Прикрепил иглу, зафиксировал руку, бросил пакет физраствора сверху и скомандовал Андрею:

— А теперь готовь к эвакуации — и потащили!

— Как готовить? Куда потащили?

— Туда, — кивнул Бабушев в гущу леса. — У тебя в сумке в заднем отсеке, доставай!

Андрей послушно открыл молнию и вытянул плотный полиэтиленовый сверток, начал разворачивать и замер:

— Он же для трупов...

Бабушев недобро прищурился:

— А у тебя что, в запасе есть носилки с колесиками? Шаблоны из головы выкини. Разворачивай, ложи ее сверху, хватай за ручки и вперед!

Повторять не пришлось. До Андрея дошло, что именно Бабушев хочет от него, и, вздрузив Киру на черный мешок, они с двух сторон подняли ее и понесли в сторону леса.

Ручки хоть и были удобными, но тащить мешок с ношей оказалось нелегко. При этом Кира ни капельки не помогала, а, практически не останавливаясь, горланила. Все это изрядно действовало на нервы, и Андрей украдкой поглядывал на Бабушева, ожидая, что он предложит ей заткнуться, но тот как будто вообще не замечал ее криков, нес мешок спокойно, без суеты и лишь иногда оглядывался на идущего следом Тельчем.

Тельч же, в свою очередь, периодически изображал за их спинами взрывы якобы кидаемых гранат охрипшим голосом.

Через несколько километров Кира вдруг перестала орать и исполненным печали голосом заявила, что начинает видеть свет и подозрительный туннель.

Ничуть не запыхавшийся Бабушев посмотрел на Андрея:

— Док, мне кажется, мы ее теряем! У тебя есть что-нибудь еще?

В мыслях Андрея отчетливо появился скальпель как способ ускорения упокоения раненой, но он лишь вымученно покачал головой. Кира же неожиданно заявила, что он врёт и что под укладкой лежит действенное обезболивающее, а заодно и общеукрепляющее, которое ее точно спасет! Бабушев остановился. Они опустили ношу на землю, и Андрей с трудом стянул со спины сумку. Он взмок, со лба

струйки стрелки едкого пота, дыхания вырывающегося с хрипом, сердце билось в горле. Он еле справился с замком и принялся вынимать и выкладывать содержимое медицинской сумки прямо на землю, пока, наконец, не вытащил замотанную в белую ткань бутылку шампанского. Остолбенев, разглядывал находку, ощущая нарастающее желание заплакать от бессильной злобы.

Бабушев же ловко выхватил бутылку из его дрожащих рук и в несколько движений откупорил. Протянул Кире, та уселась по-турецки, приняла подношение, сделала пару глотков и с довольной миной передала подоспевшему Телычу. Тот блаженно приник к источнику шипящей влаги, после чего протянул бутылку Андрею, не проявившему никакого интереса, и бутылка вернулась к Сергею. Бабушев приподнял ее и провозгласил тост:

— Славный выдался бой! За очередную победу! — и с удовольствием приложил-ся к горлышку.

— А вон и вертолет с подмогой! — Кира кивнула в сторону появившегося вдали микроавтобуса, выдернула иглу из вены и, встав с мешка, отряхнулась. После чего проникновенно заглянула Андрею в глаза: — Спасибо, доктор! Вы вернули меня к жизни!

Андрей отрешенно посмотрел на автомобиль, потом на довольную троицу, от-вернулся и пробормотал себе под нос:

— Как же я вас не-на-ви-жу...

Виктор стоял напротив друга и пытался понять истинное состояние Андрея, который сидел и неотрывно смотрел в пол, а свежезаваренный чай так и оставался нетронутым в стеклянном чайнике.

— Коллега, давайте поговорим об этом? — попытался он разрядить обстановку, но визави не отреагировал.

— Ну, тогда давай помолчим об этом, — не унимался Виктор, понимая, что надо любой ценой дожить товарища. — О чем сейчас молчитесь?

Андрей поднял голову, его губы искривила то ли усмешка, то ли гримаса боли.

— Я испытываю тяжелый когнитивный диссонанс, и я не знаю, что с этим де-лать. Оказывается, все было предельно ясно, когда я был для них рыхлотелым чудачком, объектом для насмешек и подколов. Там все было понятно — чужак в стае. Я практически поверил им. Придумал себе игру и втянулся в нее. А на последнем выходе что-то случилось. Мне это сложно объяснить, но давай попробую простым языком. Я как будто попал в другую реальность. Не в реальность незна-комой до этого жизни спецназа и разведки, а в реальность, где вроде бы уже зна-комые мне люди стали совершенно другими. И при этом, пойми меня правильно, они не скинули надетые на себя маски, или надели на себя другие — это были те же люди, но словно с иными базовыми настройками. Я смотрел на них и не узна-вал. И это не про то, что вдруг увидел их профессионализм. За эти две недели я понял, с кем имею дело. Они и в той реальности мегапрофи, и в этой. Но там они живут, словно играют. А в этой играючи живут... О! Какой бред! Не понимаю, как объяснить то, что вдруг почувствовал! — Андрей со стоном откинулся на спинку кресла, уперев взгляд теперь уже в потолок.

Виктор взял чайник, налил чай, протянул ему чашку, скомандовав: «Пей!» — и практически силой вложил ее в ладони.

— Ты меня озадачиваешь. Прежде всего, я призываю тебя вспомнить, что ты врач, ты психолог, психотерапевт. Прошу, не рассыпайся. Объясняй. Ищи слова. Я слушаю — и слушаю внимательно.

Андрей сделал глоток, не понял, что пьет, заглянул в чашку, убедился, что там именно то, что ожидал, и допил практически залпом. Помедлив, начал путано рассказывать другу то, что сам не вполне понимал:

— Вначале все было как всегда, — Андрей нервно хохотнул. — Мы приехали на место высадки, и я, как раненый бегемот, чуть не опрокинул автобус, отстал от группы, заблудился, испугавшись, что меня бросили. Тут же рядом оказалась Кира, неслышно сказала мне то, что я заслуживал, утянула меня в лес, и там произошло нечто... Это был какой-то другой лес. И они стали словно другими людьми, и... вот это удивительно — и я тоже! Я начал меняться, как в старинной русской сказке, не по дням, а по часам. Впал в смятение и, словно за соломинку, уцепился за ускользающее привычное поведение, которое ничего лучше не придумало, как устроить панику. Истерику увальня-недотепы, но они быстро привели меня в чувство, и затем я шел за Кирой, пристально наблюдая за ней, пытаясь узреть в ее действиях хоть какие-то промахи, ошибки, нервы, усталость, а вместо этого как будто погружался в какую-то другую реальность. И я ощущал небывалое удовольствие от того, что нахожусь с ними в этот момент...

Андрей налил себе еще чаю, отпил и продолжил, по-прежнему не глядя на друга, словно боясь увидеть в его глазах сомнение:

— И они доверяли мне! Бабушев на одной из стоянок, когда Кира и Тельч были на вылазке, показал мне направление для наблюдения, а когда я заметил там движение и сказал ему об этом, то увидел в его глазах... одобрение... нет, увидел, что он понял, что не ошибся во мне, поручив эту задачу. И я превратился в мальчишку, которого похвалил отец, я готов был прыгать от восторга! Представляешь, Вить, от восторга! Я такого чувства не помню в своей реальной жизни! Но в один момент все это лопнуло как радужный мыльный пузырь...

Андрей замкнулся, но Виктор быстро его одернул, не давая опять погрузиться во внутренние переживания:

— Они опять подсунили тебе сковородку?

— Нет! Они словно выдернули меня из этого волшебного места в серую, обыденную реальность. Оказывается, мы вышли к финишной точке, но при этом сделали петлю в сторону, где они в духе своего привычного шутовства порезвились от души, разыграв какой-то идиотский игрушечный бой. Бегали, как дураки, и орали «та-та-та», взрывали несуществующие гранаты с криком «бабах», и Кира из проводника, за которым я готов был идти вечно, превратилась в безбашенную девицу, которая опять начала надо мной издеваться, завалившись и заявив, что ранена.

— Чудесно! И это был твой звездный выход?! — в восторге витиевато повел руками профессор. — Ты ведь наставил ей уколов со всеми возможными препаратами?

— Нет... Все это оказалось настолько неожиданным для меня, что я не смог даже вколоться в вену... В этот момент я кожей испытывал взгляд Бабушева на себе, и он был в корне иным, чем несколькими часами ранее. Виктор, они натякали меня в мою профнепригодность! Боюсь, что завтра у меня будет неприятный разговор с Анатолием Павловичем и скоротечный дембель.

— Боишься? — переспросил Виктор. — Но разве не этого ты добивался?

— Именно этого, — согласился Андрей и продолжил: — И не далее как две недели назад. Но на прошедшем выходе я пережил нечто... Неуловимое, и теперь я хочу от этого отказываться. Я тоже хочу наконец-то стать победителем!

— Увы, мой друг, в их реальности легко можно стать победителем посмертно.

— Ты знаешь, оказывается, для них это не так уж и важно. Вернее, они этого словно и не боятся. Это интересный феномен, и я хочу не только его познать, но и заново ощутить то, что пережил с ними рядом. Прежде, наблюдая за военными, я видел, что они жутко суеверны. Есть вещи, которые они не будут делать из-за каких-то своих правил. А эта компания словно из другого теста — спокойно изображают раненых, с готовностью катаются на мешках для трупов, обращаются на ты

со смертью, своей и чужой. Но при этом, поверь мне, это не бахвальство, не обесценивание жизни. Они как будто знают что-то большее об этом мире. Больше других.

— Полагаю, вся эта эйфория легко объяснима. Вы что-нибудь ели-пили?

— Кофе. Только кофе.

— Ты же не пьешь кофе?

— Уже пью. Никогда не думал, насколько он прекрасен ранним утром в сказочном лесу.

Виктор ухмыльнулся:

— Не пей больше их кофе. Черти его знают, что эти алхимики туда намешивают. И я не понял, а чем дело-то кончилось?

— Шампанским...

Виктор аж привстал с кресла:

— Ты опять не проверил рюкзак?

— Проверил! Но они подсунули его в самом походе, когда я опять меньше всего этого ожидал.

На следующий день Анатолий Павлович действительно объявил сбор всего личного состава для нескольких важных объявлений. Основная тема была понятна — окончание подготовки и непосредственный выезд в командировку. Но от предчувствия остальных «объявлений» у доктора неприятно ухнуло сердце. В расположение Андрей плелся, еле передвигая отяжелевшие ноги, с тоскливым чувством разглядывая спины удалявшихся коллег. «Бывших коллег», — поправил он себя. Тяжесть словно поднималась вверх, начинала каменеть и в груди.

«Ну-ка, стоп! Ты еще расплачься!» — вспыхнуло в голове, и он удивился этой новой, незнакомой интонации. Внутренний голос был мужским и довольно-таки жестким.

— Да сколько можно! — пробормотал Андрей и ускорился, почти бегом догнав товарищей, спиной чувствуя осуждающе-презрительный взгляд образа матери: «Беги, беги, только все равно ко мне же и вернешься. Как отец твой беспутный — приползешь».

Группы только расселись в ближних рядах зала для совещаний, как тут же вскочили, когда зашел Анатолий Павлович. Он махнул рукой, и все облегченно плюхнулись по местам. При этом от него не укрылось, как Кира быстрым бесшумным движением подняла сидущку у находившегося рядом Бабушева, а тот, уже в полуприседе ощутив падение, неуклюже качнулся, схватившись руками за подлокотники, удержался и только благодаря этому не шмякнулся в образовавшийся пролет. Не дрогнув ни одной мышцей на лице, быстро поднялся, поправил сиденье, сел, при этом отвесив Кире подзатыльник, и преданно уставился на вошедшего. Все это напомнило Анатолию далекую школьную пору. Он невольно улыбнулся воспоминанию, оно было теплым, ожившим и на удивление ярким. Точно так же они чудили, подначивая друг друга, и тут было важно держать ухо востро. Потому как расплатой за шуточку была обязательная ответка товарища.

Командир словно по-новому оглядел так тщательно подобранный им личный состав. Он знал практически всех — это были настоящие профессионалы своего дела, матерые мужики с боевым опытом. На каждого из них можно было положиться. Доверить самую сложную задачу, просто обозначив, что она должна быть выполнена — и они сделают все на пределе своих сил и способностей. Но еще две недели назад на первом собрании от него не укрылось, что эта работа начала оставлять свои метки на лицах, а главное, в глазах участников. Словно в телах мо-

лодых сильных мужчин дряхлелись дряхлыми стариками, устало-умудренно созерцающие мир. Всельники были медлительны, ворчливы, но самое паскудное — они не имели чувств, так как чувствовать эту жизнь было опасно и больно.

Психологи дали этому явлению имя — «профессиональное выгорание». А врачи добавили ПТСР, в расшифровке — «посттравматическое стрессовое расстройство». Ведь ничто не проходит бесследно для человека, каким бы сильным он ни был, тем более то, что ломает больше, чем закаляет.

Но сейчас что-то изменилось, словно киноплёнка отыграла назад — все они в большей или меньшей степени ожили. В глазах играло ребячество, ожидание работы. Хороший кураж, который позволяет не только выполнить задачу, но и вернуться живыми. И это очень нравилось командиру.

Он нашел глазами Киру, в очередной раз удивляясь, как она умудряется не только сохранить в себе что-то легкое и юношески-задорное и совместить с тем, кто она есть на самом деле, но и заразить этим окружающих, размягчая жестокосердие и бесчувствие. Особенно сильно это влияние сказывалось на ближних.

Он окинул взглядом сурового Бабушева, который всегда раньше держался особняком от основного личного состава. Всегда придерживался своей точки зрения. Умел жестко и решительно действовать, часто выполняя задачи на грани фола. При этом ни разу ни с кем не заводил не то что дружеских, а даже приятельских отношений, чтобы (Анатолий догадывался) не становиться слабым и зависимым от страха потери. А терять на их работе приходилось...

Он перевел взгляд на Телыча. Командир знал, что тот еще срочником прошел первую чеченскую кампанию. Был ранен. После госпиталя практически единственный подал прошение о возвращении в Чечню — в свою довольно-таки потрепанную боями часть.

Ранее Криницын искренне считал его глубоким интровертом. Телыч был спокоен, молчалив, внешне безэмоционален, неконфликтен, но и далеко не дружелюбен. В работе умел педантично-точно выполнять самые нудные задачи. Без ропота и стенаний мог тащить необходимую служебную рутину и лишь скулами затвердевал, когда кто-то из сослуживцев начинал выражать свое неудовольствие от скуки, бездействия или усталости. Телыч был терпелив, но не терпел ни саможаления, ни нытья. Поэтому раньше точно так же, как Бабушев, держался отдельно от основного личного состава.

Татьяна. Он знал ее историю жизни, которую также вспахала поперек чеченская война. Он искренне не понимал, как после всего, что ей пришлось пережить, она находила в себе силы каждый раз возвращаться в этот котел военно-спецназовского бытия. Она была не просто отличной операционной сестрой — для Анатолия в командировках она становилась талисманом на удачу. В ней была спокойная сила, и она тоже никогда особо ни с кем не сближалась. Правда, в отличие от тех же Бабушева и Телыча, была приветлива и открыта, но не пропускала никого через свои границы. Как, впрочем, и Кира.

Он вновь выхватил глазами мальчишеский силуэт Киры и улыбнулся. Она, словно не получив только что от своего дружка затрешины, что-то жирно выводила на листке бумаги, хитро поглядывая на сидящего перед Сергеем доктора. И Криницын точно знал, что по окончании наисерьезнейшего совещания на спине сосредоточенного и ответственного Адикова будет красоваться какая-то смачная надпись. При этом по расположению сидящих было понятно, что Кира пододбьет на крепление записки именно Бабушева. Сидящие по ее левую руку Телыч и Татьяна что-то подсказывали, явно внося свои предложения.

«Как дети!» — ласково пронеслось в голове Анатолия Павловича. Команда у них получилась что надо!

— Так, прошу максимального внимания! — Креницын сел за стол в президиуме и положил перед собой красную папку с выдавленным советским гербом. — Завтра в шесть ноль-ноль — выезд с базы. На аэродроме разделяемся. Первая и вторая группа выдвигаются до Астрахани. Старшим назначается командир первой группы майор Конеев. Я с третьей и четвертой — в Сочи. Летим военными бортами, но по прибытии работаем, не отсвечивая. Для начала проверям агентурную информацию, затем — как фишка ляжет: либо Чечня, либо Дагестан.

Теперь непосредственно к делу. Задач поставлено несколько. Последнее время увеличилось число потеряшек. Аналитический отдел подерживает, что большинство из пропавших — девушки. При этом сообщается, что по стране готовится ряд терактов с использованием смертниц. К настоящему моменту удалось выявить несколько центров по вербовке и дальнейшей пересылке живого товара. Первая крупная ступень — в Астрахани и Сочи. Есть подозрительные адреса в Грозном и Махачкале. По предварительным данным, там долго не держат — перевозят в горный район Сержень-юрта и Беной-котара. Наша задача — проверка сообщений по всем этапам с последующим выяснением места и характера террористических актов. Если все подтверждается, наступает момент «Ч», когда данная бандитская цепь накрывается по всем направлениям одновременно. Подробности будут озвучены уже на местах. Все понятно?

— Так точно! — пронеслось по рядам.

— Отлично. Сейчас все могут разойтись для сборов и отдыха, но без излишеств. Чтобы к вылету все были в полной боевой готовности. Вопросы есть?

Все смотрели на командира с преданной решимостью хоть сию минуту разлететься в разные стороны, хоть завтра по-тяжелому выдвинуться к черту на рога. И лишь Адиков смятенно дернул рукой, но тут же ее опустил.

— Андрей Дмитриевич, вы хотели что-то спросить?

Адиков поднялся, пылая щеками:

— А я?

Анатолий Павлович, ничего не понимая, посмотрел на него:

— А что вы? Вы и Татьяна Владимировна выдвигаетесь в составе третьей группы под руководством Бабушева. Еще вопросы? Тогда — разойтись.

Все шумно, переговариваясь, стали выходить из зала. Анатолий Павлович, провожая всех взглядом, рассмотрел надпись на прикрепленном к спине Адикова листке («Он помогать партизанам!»), усмехнулся и, подхватив папку, доставшуюся ему еще от учителя и наставника, вышел замыкающим, тихо прикрыв за собой дверь.

Все баулы были собраны и громоздились в коридоре огромной бегемотоподобной тушей. Андрей сделал на своем рюкзаке незаметную пометку, которая выдавала бы несанкционированное открывание клапана, и с чувством исполненного долга поставил рюкзак к общей куче. После этого вернулся в общее расположение и понял, что совершенно не знает, чем теперь заняться.

Он оглядел свою группу. Каждый что-то делал. Телыч и Кира рубились в наряды. Бабушев шаманил, заваривая в чайнике травки. Татьяны не было: видимо, она уехала в город. Андрей, решив воспользоваться старой солдатской мудростью, пошел и лег на кровать, справедливо рассудив, что перед дорогой самое лучшее решение — выспаться. Но тут открылась дверь и на пороге появилась сияющая Татьяна:

— Народ! Смотрите, что мне достали по случаю! — и представила на общее обозрение билеты.

— Ба! Да это же в Большой! — восхитился Бабушев.

— Че дают? — двигая фишки, спросил Телыч.

Татьяна громко объявила:

— «Дон Кихот»! До начала три часа.

— Еще и в буфет успеем, — мечтательно протянула Кира, — там пирожное...

— Пока чаю не попьем, никуда не поедем. У меня тут прям амброзия получилась!

— Марс! — Кира довольно потерла ладони. Телыч, вздохнув, подставил лоб, по которому тут же получил три щелбана, задумчиво потер ушиб и с укоризной поглядел на кубики. Кира же переместилась к столу и протянула кружку. К ней подседа Татьяна, и Кира подставила Сергею уже две кружки.

— Лей, Бабуля, нам до краев твоего зелья!

— Без волшебного слова нельзя! — назидательно ответил тот, помешав заварку.

— Волшебное слово? Волшебное? Слово? Татьяна, у тебя есть предположение?

— Может, «пожалуйста»?

— Банально. Бабуля не терпит скуки.

— Тогда — «быстро!» — предположил Телыч.

— Попробуй. Правда, за «быстро» можно и огрести быстро.

— Молодец, Кирюха, чуешь опасность, — хмыкнул Сергей.

— Бабулечка, красотулечка, а налей нам, проходимцам, чутка твоего божественного напитка, да заблестят золотом твои рученьки! — протянула Кира пропустительно.

Сергей благосклонно кивнул:

— Не совсем то, но за душу трогает.

И начал разливать по кружкам. По кубрику потянулся терпко-пряный аромат.

Все расселись, и тут Сергей окликнул лежащего Андрея:

— Док, ты долго валяться будешь? Иди, пей чай и поехали. Культура ждет.

Андрей удивленно приподнялся и озадаченно уставился на присутствующих, как будто они сказали ему что-то на незнакомом языке.

— Че как неродной? — поторопил его Бабушев.

Андрей до конца не верил, что они поедут в Большой театр. Лишь поднимаясь по ступеням и проходя мимо билетерши с сильно напудренным лицом, накрашенными матрешечными губами и милыми сиреневатыми букольками на голове, все-таки осознал несуразность действия. Для него посещение этого театра было необходимой повинностью, исполнение которой — обязательно и обсуждению не подлежит. Сколько он себя помнил, раз в квартал они с матерью посещали сей храм Мельпомены. Мать непременно была в вечернем туалете, каждый раз новом, он — в костюме. Зная наизусть весь репертуар этой сцены, мать оставалась верна заведенному правилу. Став постарше, Андрей пробовал увиливать от этих культурных походов, но под прицелом ее глубоких холодных глаз не мог соврать ничего вразумительного. Так и не проникнувшись театральным искусством, за эти годы он неплохо овладел основами светскости: умению произносить слова, которых от него ждут, поддерживая беседу с матерью и ее подругами; способности молчать и быть невидимкой, когда от него ожидают согласия и незаметности; а главное, таланту изображать неподдельный интерес к вещам, абсолютно его не трогающим.

И вот сейчас он меньше всего мог предположить, что Большой может заинтересовать подобный контингент, тем более вечером перед отправкой. Он мог представить их в кабаке любого пошиба, в любом притоне, даже просто распивающими алкоголь в подворотне в нарушение всех правил. А тут — «Дон Кихот»! Какого

черта? И он начал со щемящим чувством ожидать подвоха, который не мог пропустить.

Но тревога постепенно сменилась наблюдением за группой, при этом не без интереса, ведь впервые эта четверка оказалась на его территории — там, где ему было все известно, знакомо, привычно, можно даже сказать — обыденно.

Из-за будничности действия Андрею было непонятно их восхищение моментом, местом, предвкушением балета, но ему было невероятно приятно водить их по театру, рассказывая какие-то мелочи местной жизни, исторические события и актерские байки. Они слушали его! Все!

Оказавшись на своих местах — надо отдать должное, недурных: первый ряд бельэтажа, — уселись, словно школьники, не стесняясь того, что они здесь впервые, в открытую разглядывая пеструю публику и убранство зала. И вмиг замолкли, присмирели, услышав первые звуки оркестра.

Андрей и не подозревал, что балет можно так смотреть. Ну ладно девчонки — их вроде как в любом возрасте влечет театральщина. Хотя у матери он никогда не видел подобного удовольствия во взгляде от спектакля. Но парни! Здоровые бугаи, они-то чем так увлечены? И ведь явно не стройными ножками балерин и затяжными прыжками артистов балета. Признаться, он ждал от них насмешек и сальных колкостей, чувствуя, что это поставило бы все на свои места. Но они молчали. А в его голове в такт музыки Людвиг Минкуса пульсировал вопрос: почему эта чужеродная театральному миру команда профессионалов в далеко не мирной сфере наслаждается искусством в его глубинной сути, которую он так и не почувствовал? Он опять их не понимал!

Улица встретила мелким летним дождиком. Они постояли на крыльце. Кира, удерживая внутри себя легкие переливы услышанной музыки, вслушалась, как шорох капель сливается со звуком бьющего у центрального входа фонтана, который, на удивление, еще работал. И эти звуки выстроились в единую мелодию огромного оркестра, заманивая бродить прямо под дождем по празднично освещенным улицам. И она, обронив «До встречи в расположении», сбежала по лестнице и скоро пропала из видимости. Все посмотрели ей вслед и, словно вынырнув из задумчивого оцепенения, быстро засобирались кто куда.

Татьяна сообщила, что в этот чудесный вечер ей не хватает лишь капутино и она намерена посидеть в кафе, наслаждаясь послевкусием от спектакля. Телыч заявил, что пройдет до сослуживца: надо проведать старого товарища перед отъездом. Бабушев же, недолго думая, набрал по телефону вызов и, спросив «Я приеду?», улыбнулся, услышав, видимо, такой же краткий ответ. Скользнул взглядом, выискивая цветочный киоск, бросил Андрею «Пока, док» и стал быстро удаляться.

Андрей проводил взглядом его спину и поежился, ему становилось зябко. Он не любил дождь. А главное, почему-то именно сейчас его цапнуло одиночество. Все было не так! Что именно не так, он объяснил бы с трудом. Его душе хотелось чего-то другого: бежать куда-то с такой же легкостью, как только что эта четверка рассыпалась в вечере перед отъездом, в мгновение забыв о них обо всех, или наоборот, чтобы сейчас они все вместе пошли и посидели где-нибудь — без разницы где, но вместе. И пусть они бы даже подшучивали над ним — все равно! Только не стоять здесь, на крыльце этого помпезного, золоченого Большого, не понимая, что он хочет и куда ему идти.

Все это странно смешалось в нем, вызывая в сердце удивительное чувство легкой грусти — сродни ностальгии. Он начал не торопясь спускаться по ступеням, точно зная, что больше никогда не пойдет в этот театр.

Ровно в шесть утра группы в полном составе стояли построены на плацу. Анатолий Павлович осмотрел всех пронизательным взглядом, на секунду дольше задержавшись на группе Бабушева, после чего, удовлетворенно кивнув, благословил:

— По машинам!

Сотрудники начали рассаживаться. Двери хлопнули, и три тонированных минивэна выкатились из расположения учебки. Быстро набрали скорость в направлении аэродрома.

Во время взлета все притихли. Каждый думал о своем.

Андрей впервые летел на военном самолете, а не на привычном пассажирском лайнере. Поднявшись по трапу, отметил, что, к сожалению, здесь не встречаются приветливые стюардессы, и, оглядевшись, сам выбрал место, куда сесть. И в момент, когда скорость разгона оторвала колеса от взлетной полосы, он ясно осознал, что путь к отступлению остался на аэродроме. Впереди ждала неизвестность, и он, задержав дыхание, прикрыл глаза, стараясь ни о чем не думать.

Кире вспомнилось, как она впервые летела в Чечню. Практически сразу после поступления на службу ее неожиданно для всех направили в командировку в горный Энгенойский район. Вспомнила, как во время того полета впервые за спешные и беспокойные сборы на нее накатила страх. Куда она едет? Зачем? Что ждет впереди, а вернее, кто? Во время оформления ее все пугали страшной женщиной, практически ведьмой, которая служила в бригаде, устроила ее легкое поступление и сейчас ждала, чтобы принести в жертву каким-то своим богам. А на деле ее встретила удивительная женщина-снайпер, ставшая ей главным наставником и подругой — Тамара Вьюжева. Она так много дала ей, молодой и зеленой, в понимании военного искусства, себя самой, своего предназначения и осознания, что значит быть истинным воином. А это дорого стоит, как и бесценная, настоящая дружба в непростое, грязное, подлое время войны.

Была ли Тамара, как на нее наговаривали, ведьмой — кто знает, но Кира точно увидела силу, которая, может, и была злом, но сдерживала и побеждала еще большее зло, тем самым очищаясь и перерождаясь во что-то иное, светлое. И это наполнило смыслом службу Киры, не дав ей ни разу засомневаться в своем служении Родине, подтвердив значение слов «быть офицером, а не казаться».

Та первая командировка изменила ее навсегда — прежде всего, показав, на кого и на что надо ориентироваться. Ведь без примеров легко заблудиться. И даже когда война забрала Тамару — по официальной версии, она подорвала себя вместе с окружившими ее бандитами, — Кира чувствовала, что подруга по-прежнему где-то рядом, присматривает за ней, помогает, подсказывает. А еще, глядя на нее, улыбается своей теплой улыбкой. И сейчас Кира улыбнулась ей в ответ.

А Тельчу, наоборот, вспомнилось, как его, срочника, раненного при штурме Грозного, вывозили в госпиталь. Тогда он мутрно очнулся, словно вынырнул из удушливой жарко-зябкой жижи, обколотый обезболивающим, не понял, где находится, но, услышав гул самолетных двигателей, вдруг осознал, что впервые за последние недели был в безопасности — и уснул. Вспомнив это, Тельч тоже улыбнулся.

Бабушев же вспомнил, как под шум работающего двигателя штурмовали захваченный самолет. Он заходил первым через багажное отделение. Как наяву увидел глаза бандита, когда выскочил на него, и тот от неожиданности замешкался ровно на секунду — но именно ее хватило, чтобы сейчас Сергей тоже улыбнулся этому славному воспоминанию.

А Татьяна вспомнила, как бесконечно долго в ее жизни длились перелеты из

в Ростов-на-Дону и опять домой. Как около года она искала своего Ивана после сообщения о его смерти среди бесконечных тел, которые привозили неопознанными в огромных рефрижераторных вагонах на судебную экспертизу в Ростов из Чечни. Как в первый раз перед вагоном с еще закрытыми задвижными створками-дверьми ее трясло только от мысли о том, что ей предстоит. Собравшись с духом, словно перед прыжком с обрыва, она кивнула стоявшему рядом пожилому дядьке в белом халате, с папкой, в которой была опись тех, кто лежал там, в темноте и холоде. Он дал команду солдату, и тот потянул задвижку. Дверь тяжело, со скрипом пошла, открыв пасть вагона, тут же обдав стоявших холодом и смрадом разложения. Солдатик тут же отошел, стараясь не смотреть ни на судмедэксперта, ни на Татьяну, ни в глубь вагона, где вырисовывались очертания сложенных друг на друга, словно зловещая поленица, разодранных замороженных тел, куда им всем все равно предстояло войти.

Человек привыкает ко всему. Вот и она смогла в те страшные месяцы выключить в себе что-то живое, переключившись на механистичность процедуры: выбрать по списку описание тех, кто мог быть... кто хоть как-то подходил. Найти их в этих штабелях по присвоенному номеру, вытащить, словно разломанные чемоданы, на свет и вглядываться в то, что осталось, пытаясь узнать родные черты. Не находить их и радоваться, цепляться за утлую надежду, а затем вновь погружаться в тоску от того, что и в этот раз не нашла. И после этого надо будет опять лететь и повторять всю процедуру заново, окунаясь с головой в этот безнадежный мир неопознанных мертвых тел, пережеванных и выплюнутых войной. И часть ее стеснала, умоляла отступить, бросить все это, забыть, закрыть эту тему и никогда не возвращаться к этим смердящим вереницам трупных вагонов, о которых не подозревала страна. Но другая ее часть до боли в пальцах сжимала, оказывается, негибимый внутренний стержень и заставляла ее входить в этот жуткий полумрак, шепча: «Ты сможешь! Ты найдешь своего Ивана! Ты не дашь ему стать одним из убитых там и забытых здесь!»

Однажды, когда уже позади была большая часть пройденного пути, она словно прозрела, поняв, что перед ней — сотни убитых молодых мужчин. Чьих-то сыновей, мужей, отцов. И осознав это, она задохнулась накатившим ужасом и стала оседать, заваливаться в руки ставшему почти родным эксперту. И тот подхватил ее, быстро увлекая на свет, на свежий воздух, в жизнь, не переставая выговаривать: «Ну что же ты, девонька! Поплачь, поплачь о них! И станет полегче, потеплее...»

Но заплакала она лишь после того, как все-таки обнаружила его. Уже почти разуверившись и найдя веру заново на могиле Ксении Петербургской, к которой понеслась первым рейсом после того, как, вглядевшись в последнюю, случайно найденную у сослуживцев фотографию с Иваном, вмиг прозрела и поняла, где надо просить помощи. На глянцевой черно-белой фотокарточке Иван сидел на броне БМД², на вздернутой озорной морде которой было неровно написано краской «Ксюша». Иван улыбался. Он почти всегда улыбался.

А дальше, добравшись до Смоленского кладбища в Петербурге, стоя в очереди к могиле Ксении, она беззвучно шептала: «Помоги, прошу тебя! Твой муж тоже был военным, и ты тоже знаешь, что значит терять. Помоги найти Ивана!»

И она нашла! В следующую поездку в Ростов она наконец-то узнала, опознала то, что от него осталось. Оформила, подписала бумаги, поблагодарила всех, кто помогал ей в этот нелегкий год, и уехала, сопровождая цинковый гроб в этой последней дороге домой. Сидела рядом, неотрывно глядя на блестящий холодный ящик, прикасаясь к гладкой поверхности, безуспешно пытаясь поверить, что теперь все позади.

² БМД — боевая машина десанта.

А потом были похороны. И гулкая пустота внутри после. Ей казалось, что должно стать легче, но стало еще безнадежней. И тогда она опять поехала на старое питерское кладбище и, поклонившись мощам святой, сказала: «Я нашла его», — и заплакала. Впервые за этот полный ледяного отчаянья, бесчувственный, пропахнувший мертвечиной год. А уходя, вдруг ощутила тепло от пробивавшихся через листву высоких деревьев лучей солнца, запах ладана, а еще покой. И сейчас, вспомнив это, словно обернувшись, тоже сказала: «Спасибо, Ксения!» — и улыбнулась.

Анатолий размышлял. Он любил думать под гул двигателей. Словно приподнимался вместе с самолетом над задачей и мог взглянуть на нее с высоты, отстраненно. И сейчас он поэтапно, кадр за кадром пересматривал вчерашнюю встречу с начальством. Более пристально вглядываясь в то, что обычно остается неосознанным. Что-то не давало ему покоя — неявное, скрытое. Вот более пристальный, более долгий, всего на несколько секунд, взгляд секретарши Софьи Николаевны перед тем, как кивком разрешила ему войти. Вот крепкое рукопожатие и обычный разговор с Леонидом Алексеевичем перед убытием в командировку, с обязательным докладом об уровне подготовки и настрое личного состава. Полковник удовлетворенно кивает и протягивает папку с грифом «Совершенно секретно», пробегая по последним разделам и новой, только поступившей информации, указывая на важные, основные моменты.

Леонида Алексеевича сложно просчитать: за его вежливой приятельской простотой — годы успешной разведывательной работы. Но при перечислении фамилий недавно пропавших девушек он запинается на одной, быстро поправляется и дочитывает сводку. Случайность? Все может быть. Но Анатолий точно знает, с чего начнет по прибытии на место.

Из сочинского аэропорта волной выкатила разноцветная шумная толпа прибывших отдыхающих, которая тут же начала растворяться, уносимая оборотистыми таксистами, маршрутками и встречающими.

— Палыч! До чего же я рад тебя видеть! — Криницына при встрече обнял чуть полноватый, чуть лысоватый, чуть выше среднего роста и слегка за пятьдесят мужчина. Про таких говорят: в розыск не объявишь — без особых примет.

— Здравствуй, дорогой! — улыбнулся Анатолий. Встречать его приехал сам начальник местного отдела, с которым он поддерживали приятельские отношения еще со времен 90-х. Отличный мужик, профессионал в своем направлении. Глеб Львович, с симпатичным прозвищем среди подчиненных «Чуть-чуть», радушно похлопав его по спине, повлек за собой из аэропорта к ожидающей на стоянке машине.

— Сколько же мы не виделись?

— Пять лет, Глеб, пять.

— Вот ведь время, зараза! Слушай, ну за встречу-то надо по чуть-чуть!

— Обязательно! Вези, распоряжайся. Заодно и обсудим дела наши предстоящие.

— Эх, как я рад, что опять в одной обойме! А помнишь, как в две тысячи пятом славно поработали с кабардино-балкарцами по банде Муслима Атаева?

— Джаммаат «Ярмук». Как же, помню. Ох и молоды мы были! Вообще ничего не боялись.

Глеб хохотнул:

— Да уж, но и времена такие были. Кто боялся, долго не заживался на этом свете! Но в начале требую информацию про мирское, домашнее — а вот уже на даче под шашлычок-коньячок начнем по чуть-чуть и за дела наши разговаривать. Расскажи о жене, дочках. Старшая-то, поди, невеста?..

До поселка доехали мигом, за разговорами дорога пролетела незаметно.

А дача у Глеба была — загляденье: в южном колорите бурной зелени, стоящая немного обособленно от соседей, на берегу с петляющим, утоптаным спуском к морю. Переплетенная виноградом беседка с видом на лазоревый солнечный простор. Старый товарищ уже накрыл на стол и, разлив по граненым стопочкам коньяк, призывно окликнул:

— Проглядишь до дыр! Шашлык чуть-чуть подождать надо, а коньяк уже готов.

Анатолий сел на диван в беседке, принял из рук друга наполненную стопку и нанизанный на вилку маринованный огурчик.

— Давай еще раз за встречу! Как в старые добрые времена!

Выпили залпом, до дна, одобрительно хрустнув огурчиком.

— Рабочее совещание объявляю открытым. Доклад начну с того, что мы тебя ждали не с пустыми руками. В общем, так, не рассусоливая: адрес, который мы отыгли, мутный настолько, насколько положено для подобных мест. С неявной закономерностью приезжают тонированные машины, заезжают во двор, двери закрываются, через несколько дней тонированные машины уезжают. Чаще до Грозного. Пару рейсов, о которых мне известно, — до Махачкалы. Адреса у тебя в деле. Это из того, что и так известно. А теперь слушай занятую басенку-побасенку. Я не зря тебе напомнил про далекий две тысячи пятый год. Всю банду единолично мы тогда накрыть не смогли, Атаева сменил его преемник Рустам Биканов, который тоже недолго резвился и уже в апреле того же года встретился со своим начальником. Так вот, у нашего дорогого Рустамчика в те времена рос румяный племянник, хороший такой подросток Тимурчик, который так же, как и многие, остушился на скользкой террористической тропе его дяди и покатился вниз. А вернее, потихоньку стал подниматься вверх по кривой иерархии. Сначала был на ролях «принеси-подай», потом по чуть-чуть, делами своими, заботами, опять же памятью о родственнике лихом, который ментов крошил в Нальчике, начал расти — и таки смог выбиться на руководящие посты, хоть и не в ахти какой банде. И пришел бы ей логичный конец под прицельным огнем очередной спецоперации по отлову таких вот шакалят. Но тут удача развернула яркий павлиний хвост, и Тимур пропал с наших радаров на несколько лет, а вернулся в прошлом году этаким распушившимся козырем. Мы, конечно же, полюбопытствовали, откуда такой загорелый, похорошевший, возмужавший. И цепочка путешествий протянулась от наших старых афганских знакомых до крупных потасовок на Ближнем Востоке, в частности, в ряды группировки «Исламский фронт». Так вот, Тимурчик наш теперь не рядовой боец, а целый эmissар уже им организованым и возглавленным джамаатом³. И ты знаешь, какая интересная штука-дряка? Тимур вернулся год назад, и с этого времени начал расти процент девчонкопотеряшек. И вроде как все грехи на него не повесишь, хотя кое-что точно можно связать с деятельностью его группы. Но на Тимура, видимо, возложена большая миссия памяти его дяди, который хотел повторить бесланскую трагедию, только уже присмотрев для своего паскудства школу № 2. А раз дядя не вошел в историю, то все карты и перспективы предоставлены шустрому племяннику.

Толя, есть данные, что часть этих девчонок вербуются, обрабатывается и нацеливается на массированную террористическую атаку по России с использованием смертниц. Ну а тех, кто не согласен, находят, куда применить. В общем, эту грязь ты и без меня знаешь. Ну и на совсем кислое — по нашим данным, первые пробные шары прогремят уже через месяц. Поэтому ты со своей группой и здесь — и, как понимаешь, времени греться под сочинским солнышком совсем мало.

³ Здесь — исламский отряд (группа) для ведения подпольной вооруженной террористической деятельности.

Это по заданной теме. А из отвлеченной лирики... Шепнули мне, что некто Турпан-Али Тимирбулатов, 1987 года рождения, красавчик и совсем небедный бизнесмен, очень успешен в интернет-знакомствах. Сдается, гарем себе собирает. Что ни знакомство, так люблю-куплю-поедешь. А последний месяц прям влюблен, по Контакту, в некую Регину. Она девушка тоже ничего такая. Лань черноокая, трепетная, но капризная. Несколько месяцев вредничала, по телефону с ним не общалась, только в переписке, видишь ли, с незнакомыми мужчинами не разговаривает. Кобенилась, но вроде как оттаяла, осмелела и таки решила приехать в солнечный Сочи покататься на кабриолете да быстроходной яхте с неотразимым Турпаном Алибабаевичем. А продолжение этой трогательной любовной истории я тебе расскажу после следующего тоста.

И потеряв ладони, разлил по рюмкам:

— Давай за домашних. Пусть у них все будет хорошо, а значит, и у нас все будет хорошо, а раз у нас все будет хорошо, то и у них тоже.

Чокнулись, выпили. Анатолий задумчиво зажевал веточкой базилика и внимательно посмотрел на друга:

— Ну, то, что Турпан-Али это не кто иной, как сам Тимур, я уже догадался. А вот кто такая лань черноокая?

Глеб хохотнул:

— Зришь, брат, в суть. Нежная, пылкая Региночка — это наш золотой-дорогой технарь Румяныч. Помнишь такого?

— Кто ж его забудет, — Анатолий тут же вспомнил безэмоционального, всегда хмурого гения-компьютерщика из глебовского отдела. — А он, оказывается, тонкий знаток женской психологии. Только Румяныч, думаю, при личной встрече не впечатлит товарища Али-Тимуровича.

— Согласен. Поэтому аэродром я подготовил, а дальше твоим ребятам карты. Я так понимаю, у тебя в группе есть девчонки?

Криницын пристально глянул:

— Как ты себе это представляешь?!

— Как всегда, Толя. Чего ты всполошился, как будто сам в банды не ходил ни разу?

— Ну, знаешь, мы с тобой мужики тертые. Как мы безопасность ей обеспечим? Нет... Не могу я на такое пойти. Не возьму ответственность.

— А чем здесь ответственность другая, когда вы по горам Кавказа шаритесь?

— Там на руках оружие есть, а обращаться с ним она умеет. А тут у нее что будет — молитва «Господи, спаси»?

— Ну знаешь, и это немало. Давай-ка мы с тобой чуть-чуть выдохнем, отстранмся от эмоций и посмотрим на это дело с точки зрения необходимости решения задачи. Скажу тебе больше — я и так, и сяк уже смотрел, не решается она по-другому.

— Так, Глеб, хорошо. Давай заново. Сейчас мы предположим, что у меня есть девчонка, которая сможет на время стать Региной, что дальше? Ты понимаешь, какой это пласт информации — что они за это время друг другу начирикали, как она выглядит? Я так понимаю, фотографии на сайте не Румяныча стоят.

— Однозначно. Но ты знаешь, мы ведь сразу на перспективу работали. Фотографии такие, больше загадочные. Тут прикрыто, там в силуэте, здесь через блики. В общем, еще та Шахерзада получилась. Но даже не в этом дело, а в том, что, по достоверным данным, увидятся они договорились, билеты купили, а Тимура срочно вызывают на встречу с ну очень важным гостем, который специально прилетел с нашим эмиссаром пообщаться, скорее всего, на ту же тему, о которой мы с тобой сейчас печемся. И Регину будут встречать его помощники. Пока начальство не приедет, с нее и волос не упадет, ты же это понимаешь. Так что время ос-

поглядеть у нее будет, да и наконец-то снизойдет почитать с Тимуром по телефону. У нее приятный голос?

— Пойдет. Дальше. Что это нам даст?

— Посмотрит, что там внутри адреса. Несколько дней назад туда опять машины ныряли. Привезли кого-то. Поэтому выяснит, есть ли там другие девчонки, как их ей представят, в каком они состоянии. В это время за Тимурчиком издалика наш человек приглядит, чтобы он незапланированно домой не рванул.

— А дальше? Как выводить будем, чтобы не завалить всю тему?

— Ну, я предлагаю по той же схеме, как мы тогда тебя вытащили из банды Ковы. Неплохо, кстати, получилось. Ну, так как?

— Сыро.

— Согласен. Но на обкатку деталей у нас еще коньяк есть и день впереди. По применению сил и средств, я так понимаю, у тебя карт-бланш. А у меня приказ содействовать тебе во всем — по мере сил, конечно. А сил, как известно, у нас немерено! Так что, думаю, прорвемся. А сейчас давай-ка я за шашлык возьмусь, а ты прогуляйся, искупайся. Не зря ведь на море приехал.

— Лады. Только, Глеб, прежде чем я пойду море собой радовать, можешь своих орлов попросить добыть всю информацию по одной из последних потеряшек, некой Шабалиной Илоне? Только так, как они у тебя умеют это делать, от души.

— Сейчас позвоню. Иди, окупись, засвидетельствуй почтение курорту.

ТОВАРИЩ НАИМОВ

Как выяснилось, Илона Мишуловна Шабалина, проживающая в Волгограде, являлась дочерью от первого брака Мишула Фаиловича Наимова. С первой женой Наимов развелся давно, дочке тогда было пять лет. Расходились сложно, с руганью и взаимными претензиями, поэтому супруга по окончании бракоразводного процесса вернула себе и малолетней дочери свою девичью фамилию. А оскорбленный папаша постарался забыть о первом неудачном семейном опыте и уехал делать карьеру в столицу, где, надо отдать должное, преуспел и на данный момент проходил службу в славном управлении, к которому непосредственно имел отношение и сам Криницин. Дослужился до должности начальника отдела и полковничьих погон, но в сложной структуре взаимодействия снискал отнюдь не славу оперативного стратега, а репутацию искусного организатора некрасивых подкованных игр. Одно из основных направлений сложных интриганских фронтов было развернуто против начальника Криницина — Леонида Алексеевича Ломтева. Вражда между ними была давняя, вросшая корнями во времена их взаимного становления на поприще управления и тщательно скрытая для стороннего наблюдения.

И вот постепенно к огромному неудовольствию амбициозного Мишула Фаиловича Леонид Алексеевич со своим отделом в глазах высшего руководства набирал все больший вес благодаря ряду грамотно разработанных и успешно реализованных громких операций. В связи с чем кусать самого Ломтева становилось проблематично и небезопасно. А чувствовать, куда ветер дует, Наимов умел безукоризненно. Надо было выравнять свои позиции. Похвастаться показателями он не мог, поэтому пошел по хитрому пути вставления палок в колеса ломтевского отдела, не раз пытаясь затянуть в водоворот бесконечных проверок, ставя их в позицию оправдывающихся после периодически появляющихся анонимок, подлогов, а иногда и откровенных подстав. При каждом удобном случае обесценивал в глазах начальства все достижения и разработки их отдела. Но, как признавал сам Леонид Алексеевич, делал это с виртуозностью иллюзиониста, практически ни разу не бросив на себя иудину тень. Вот за этим «практически» и стояла история двухгодичной давности.

Осознав, что Леонид Алексеевич обречен имминитетом, Наимов обратил пристальное внимание на того, кто успешно реализовывал задачи, принося полковнику Ломтеву статус победителя. Так в прицел попал сам Креницын. Минул Фаилович быстро прикинул, что, сбив его с ног, сможет обессилить и своего оппонента. У него аж кровь заиграла от предвкушения предстоящей драки, и он превратился в наисовременнейший свето-шумо-пылесобиратель, в фокусе внимания которого было все, что связано с Креницыным, начиная от наблюдения за его деятельностью, заканчивая сбором всех имеющихся слухов.

Не найдя компромата, достойного его внимания, Наимов тем не менее сумел выявить внедренного в ОПГ агента, связь с которым поддерживал лично Креницын. А дальше — то ли закусив удила, то ли заигравшись в свои игры — слил данные этого человека нужным людям, приближенным к группировке, с определенной просьбой. И уже через день Анатолия Павловича вызвали в морг для опознания того, что осталось от его человека, а на стол руководства попала записка из кармана убитого с приветом Креницыну. Ломтев тушил скандал как мог, но дело по банде из их отдела забрали и передали в отдел Наимова, который успешно завершил его в кратчайшие сроки, умело воспользовавшись перепашанным полем коллег.

Размышляя тогда о произошедшем, Леонид Алексеевич предположил, руководствуясь каким-то внутренним чутьем, что в данном деле не обошлось без старого «товарища». А косвенное подтверждение принесла Софья Николаевна, указав своему начальнику на интересный факт веселого возбуждения, которое проявлялось у Наимова каждый раз, когда что-то в его планах складывалось по ему одному известному намеченному сценарию. Тогда он становился особо добр, даже щедр, и разговорчиво радушен. Давно подметив данную особенность Минула Фаиловича, она сумела разговаривать его секретаршу, молодую красотку татарочку Эльвиру, восхитившись как бы мимоходом ее новым парфюмом при встрече в кафетерии управления. И та, польщенная вниманием столь солидной сотрудницы, которую, если положить руку на сердце, она по необъяснимой причине побаивалась, расплылась в улыбку и поведала, что в этот четверг у Минула Фаиловича случилось исключительно хорошее настроение, и по возвращению в контору он подарил ей флакончик дорогих духов. «Не иначе, с начальством хорошо пообщался», — предположила она.

Но Софья Николаевна точно знала, что в четверг Наимов ни с каким начальством общаться не мог, так как именно в четверг руководство было на подведении итогов, которое затянулось. А парфюм был вручен Эльвире в первой половине дня после кратковременной отлучки из конторы. На это Леонид Алексеевич предположил, что он, может, отлучился до любовницы, поэтому и вернулся в столь приподнятом настроении.

— И вручил второй своей любовнице духи? — усмехнулась Софья. — Наимов не в том возрасте, чтобы иметь двух любовниц. К тому же он очень в этом плане щепетилен. Считает наличие двух и более любовниц аморальным и расточительным признаком.

— Хоть что-то кажется ему аморальным... — задумчиво произнес Ломтев, складывая информационные пазлы.

Картина вырисовывалась крайне некрасивая. В среду Креницын общался со своим человеком. При расставании тот был жив-здоров и весел. В четверг в первой половине дня Наимов с кем-то встречается и возвращается в контору в приподнятом настроении, при этом никакое руководство пряников ему не насыпало, да и особо занятых дел в его разработке в тот момент не было — так, рабочая рутина. А в пятницу вечером обнаруживают тело агента со злополучной запиской. В субботу Минул Фаилович уже с раннего утра у директора в удивлении разводит руками, искренне не понимая, как такой опытный сотрудник, как Креницын, не смог соблюсти элементарных правил конспирации и тем самым раскрыл

своего человека. «Ай-ай-ай, какая же это непростительная оплошность...» Все это сложилось в голове у Ломтева, который попытался успокоить Анатолия, сказав ему: «Сердце не рви. Без помощи тут не обошлось».

Но такие умозаключения к начальству не понесешь. Оставалось ждать, когда коллега и товарищ Наимов ошибется и наследит. Но Криницын ждать не стал: во время поздравления конкурирующего отдела за успешно проведенную разработку ОПГ подошел и, глядя в лицо гаду, высказал все, что о нем думает.

Наимов, вначале скривившись, дернулся, но быстро взял себя в руки и гаркнул в лицо Анатолию: «Перепил, что ли, подполковник?! Иди проспись!» Криницына увела Софья Николаевна, мило улыбнувшись Наимову и прошебегав: «Не сердитесь, Мишул Фаилович. Вы ведь совершенно не такой». Тот, криво растянув губы в подобии улыбки, отвернулся, но поинтересовавшись, какой «такой», но тут же встретился взглядом с внимательно наблюдавшим за инцидентом Ломтевым, цыкнул зубом и поспешил удалиться.

После этого Криницын получил предупреждение за нарушение субординации и конфликтное поведение, не подходящее его статусу и положению.

И вот сейчас двадцатидвухлетняя дочка Наимова пропала. Мать, помыкавшись по ментам, смогла только вывить интернетную связь с некой группой, которая, по оперативной информации, проходила как экстремистская, и тут же обратилась к бывшему мужу. Наимов выслушал плачущую женщину, довольно холодно отреагировав на ее просьбу найти и вернуть дочь. Тогда бывшая жена мгновенно перешла в наступление, тотчас освежив в его памяти старые разборки, из которых она выходила триумфально. Жена, затвердев голосом, поинтересовалась, не боится ли он, что его дочь всплывет где-нибудь в очередном «Норд-Осте», и заявила прямым текстом, что в таком случае молчать она не будет и всем и везде будет рассказывать, кем является ее отец. Что разговор сейчас записывается, а если что, запись окажется у самых паскудных журналистов, которым станет очевидно халатное отношение полковника Наимова к ситуации, когда он еще мог пресечь возможный теракт. Да и вообще, будет под огромным вопросом его профессиональная пригодность.

Полковник не понаслышке знал о бульдожьей хватке бывшей жены, которая по лицемерию и вседозволенности методов не уступала самому Наимову. И прикинув все варианты развития событий, собрав возможную информацию, понесся на поклон к высшему начальству, где, всплакнув о судьбе безрассудной запутавшейся дочери, стал молить о помощи и содействии в поиске и пресечении деятельности данной группы. Руководство, ознакомившись с представленной информацией, в сборе которой Наимов и его группа были асы, предложило и дальше заниматься разработкой, на что полковник заявил, что у него личный интерес в этом деле и он может не совладать с эмоциями и наломать дров, ведь это касается его любимой единственной дочери. И тут же предложил как профессионала экстра-класса и друга, которому он единственному доверил бы это сложное дело, полковника Ломтева Леонида Алексеевича. А он со своим отделом расстареется на все сто десять процентов и всячески будет помогать в добыче информации.

И уже через час Ломтев сидел в кабинете главы управления с тоскливым предчувствием на душе. Единственное, что он смог, — выторговать для Криницына возможность самому сформировать группу, с которой он будет реализовывать данную операцию, соответственно, под свою личную ответственность. Обдумав все детали, решил пока не посвящать Криницына в ненужные подробности, дабы не осложнить восприятие задачи, прекрасно понимая, что, пойдя что-то не так, Наимов при разборе полетов будет делать упор именно на личную неприязнь к нему Анатолия Павловича. А операция, судя по материалам, простой не ожидалась.

Кира сидела за столиком и не торопясь пила кофе, когда рядом плюхнулся Сергей.

Подошла официантка и вопросительно посмотрела на мужчину. Тот, недолго думая, кивнул на Кирину чашку:

— Красавица, принеси мне, пожалуйста, тоже кофе и общий счет. А то у нас через пятнадцать минут экскурсия начинается.

Через пару минут официантка поставила чашку и положила счет. Сергей тут же рассчитался, без стеснения разглядывая девушку.

— А подскажите, краеведческий музей у вас сегодня работает?

Та озадаченно посмотрела на него, протянув:

— Че?

— Сдачи не надо. Спасибо!

И девушка, просияв в ответ, быстро удалилась. Бабушев проводил ее взглядом и разочарованно вздохнул.

Допив кофе, они вышли к дороге, где их уже ожидали доктор, Телыч и Татьяна, а через пару минут к ним подъехал микроавтобус, и водитель, опустив окно, перекивая собственную магнитолу с орущим шансоном, спросил:

— Вы на индивидуальную экскурсию по Сочи? — и, получив утвердительный ответ, призывно кивнул, приглашая в салон. Только все расселись — тронул, развернувшись в нарушение правил, немного вальяжно набирая скорость.

Водитель попался по-южному компанейский и все так же, перекивая блатные аккорды, указывал местные достопримечательности, делая упор на клубах, ресторанах, дискотеках и притонах. Сидящие в салоне с любопытством крутили головами, выхватывая в движении места местной «славы».

— Во-во, смотрите, слева — видите пальмы пластмассовые на входе? Ох и смачная драка там была на прошлой неделе! Аж по новостям прогремели. Стрельба-пальба, мордобой, ментов наехало. Красота! А справа, вот сейчас, смотрите — кабак с корабликом сверху, тут оч приличные раки подают и пиво недорогое, но я вам скажу!.. Опа! Какие красотки, не, ну вы только гляньте! Цыпочки мои сладкие! А вот тут, если по лестнице вниз спуститесь, то прямо на берегу — клуб мажорный, но там вся охрана из местного ОМОНа. Парни халтурят. А че?! Зарплаты-то копеечные, вот и калымят. Зато и нам, простым смертным, там тоже можно тусануть. Своих завсегда спокойно пропускают. А вот здесь мы у шефа звание обмывали. Отличное место, рекомендую. А вот там за поворотом есть одно местечко занятное, там, знаете, как в песне поется... — Вдруг, чертыхнувшись, топнул по тормозам так, что всех резко кинуло вперед. — Как так-то, чуть поворот в родную контору не промахнул! — гоготнул и, сдав назад, под гудение недовольных водителей въехал в небольшой проулок, где уже у следующей арки притормозил. — Вам вон туда, чутка пройдете и упретесь в парадный вход, там встретят. Я заезжать не буду, выруливать долго. Понастроят, понимаешь! Давайте, бывайте, если что — меня Костяном звать.

— Вот такие дела... — Криницын обрисовал присутствующим общую картину — правда, без деталей, касающихся Наимова и его дочери — после чего добавил: — Принято решение, что первыми в драку в этот раз ввязываются девчонки. Встреча намечена на пять часов вечера. Приезжаете вдвоем с Татьяной. Кира, представишь ее как свою тетю Мадину, которая, так совпало, приехала в Сочи на конференцию по медицине.

Татьяна, ты врач-травматолог. На тебя выписано приглашение и оплачена гостиница «Спутник». Познакомишься со встречающими, посмотришь по обстанов-

ке, кто придет и как будут Турпана отмазывать. Покажешь заинтересованность, с кем Кира — вернее, твоя племянница Региночка — решила провести выходные дни.

Теперь ты, Кира, — Анатолий посмотрел на девушку, задержав взгляд. — На тебе вся основная тема. Надо посмотреть, что там в адресе. Главное, есть другие девушки или нет. Охрана. В общем, все, что может иметь интерес. Но! — На этом «но» командир сделал нажим. — Без фанатизма! Без надобности не рискуй. Вернее так — рисковй, но с головой. Продумывай прикрытые своего любопытства, если попадешься. Но не попадайся! Если все по плану, то у тебя будет два дня, пока твой любимый Турпан в Ведено общается с людьми. Вечером перед второй ночью выпиваешь приготовленный доктором порошок... — Он взглянул на Андрея, который утвердительно кивнул. — У тебя зашкаливает температура. Просишь позвонить, позвать тетю. А тетя Мадина пригоняет со скорой помощью и тебя экстренно забирают. Увезут в инфекционное отделение, куда нашим «друзьям» дорога будет закрыта. Мелочи еще обсудим, а сейчас с Татьяной идите в пятый кабинет, там вас ждут, гримируйтесь, формируйте гардероб, фотографируйтесь на документы и привыкайте к новым именам до такой степени, чтобы даже случайно не вырвалось то, что в эти дни должно быть забыто.

Девушки поднялись и бесшумно вышли, осторожно прикрыв двери.

— Анатолий Павлович... — начал Бабушев, но командир тут же его прервал:

— Не начинай, Сергей. Без вариантов...

— Таврическая стерлядь! — протянул Бабушев и перевел взгляд на Анатолия Павловича. Удостоверился, что у того тоже слегка ошарашенный вид, и опять уставился на коллег. Вернее, коллегами он бы уже их не назвал. Визажисты поработали на совесть. И если Татьяне было достаточно для образа солидной матроны подзавитых, выкрашенных в черн волос, скрывших седину и сразу омолодивших ее лет на десять, к которым были удачно добавлены хорошо подведенные глаза, крупная дорогая бижутерия и красивое платье практически в пол... То Кира полностью перевоплотилась! На них смотрела роковая восточная красавица с длинными смоляными волосами, пушистыми ресницами, капризным изгибом ярко накрашенных губ и, как было заказано, — взглядом трепетной лани. Платье тоже было в пол, но воздушное, струящееся, молодежное, с яркими огромными маками.

— Кирюха, нифигассе, какая ты! — восторженно протянул Телыч.

— Региночка, ты хотел сказать, — звонко, совершенно незнакомо засмеялась девушка. — Тут, главное, встречающую делегацию не шокировать — чтобы парик не съехал бок, ресницы не отклеились и линзы не выпали.

— Достойная работа, — подвел итог Криницын.

— Вот, держи, — Андрей подошел и протянул Кире два свернутых пакетика. — И он еще раз вблизи взгляделся в совершенно незнакомое, чужое лицо очень красивой девушки, пытаясь угадать знакомые черты еще вчерашней занозы.

— Все, закончили любоваться! Девчонки, свои легенды выучили?

Кира и Татьяна кивнули.

— Хорошо. Сели на дорожку, и по коням.

В назначенное время у морского вокзала притормозил надраенный до блеска черный «мерин». Выбежавший водила учтиво помог выйти вначале уважаемой даме, а затем молодой девушке в сногшибательном платье. Достал из багажника два небольших пластиковых чемоданчика на колесиках и почтительно поставил их на тротуар. Дама вальяжно протянула ему крупную купюру, которую он смахнул движением бывалого картежника, раскланявшись, уселся за руль, мягко прикрыл двери и тронулся, ловко лавируя среди автомобилей.

Привывшие огляделись. Девушка достала телефон с играющими на солнце стразами и только собралась позвонить, как от праздного гуляющего народа отделилось двое парней — крепкий, высокий, чернявый здоровяк с аккуратно подстриженной бородкой и среднего роста худощавый белесый парень с неприятным красноватым лицом альбиноса.

— Красавца, ты случайно не Регина будешь? — обратился громиле.

Девушка посмотрела на него, потом перевела взгляд на его спутника и высокомерно скривила губы:

— Я вас не знаю.

— Нэ кипятись, красавца, мэня Салаутдин завут. Это мой друг Эдик. Турпан задерживается. Бизнэс. Мы приехали встрэтить, погулять, в гости отвэзти-привзэти...

Тут плавным, но напористым движением словно волна накатила Татьяна. Оттеснив девушку на второй план, уперев руки в бока и гневно-презрительно смерив взглядом подошедших, заявила:

— Это что еще за дела такие! Региночка рассказывала, что Турпан — солидный мужчина, настоящий джигит, а тут какие-то дешевые разводки. Погулять, мальчишки, мы и без вас можем! До свидания! — И по-царски махнула им рукой, отсылая в сторону.

— Ээм... мы нэ... вы нэ так нас поняли, — вдруг замямлил Салаутдин. Он вдруг осовел, глядя на эту по-восточному громкую, яркую, притягательную женщину.

— Да? А по-моему, мы прекрасно вас поняли! За кого вы посмели принять мою племянницу? За дешевую девку?! Да я сейчас же позвоню ее отцу, братьям, и дай вам Аллах времени убраться отсюда по-доброму! — В ее голосе бурлило возмущение, оттеняемое совсем невесомым акцентом.

— Уважаемые дамы! Мой товарищ некорректно выразился. Прошу прощения! Он ни в коем разе не хотел никого обидеть, или, не дай бог, дать вам подумать о превратности наших помыслов. Умоляю, разрешите угостить вас самым лучшим кофе в одном из достойнейших ресторанов побережья и объясниться. Турпан нас убьет, если мы не скрасим ваш досуг, и убьет дважды, если вы сейчас уйдете. А у меня дети, жены, кредиты и новая машина. Дайте шанс загладить столь нелепое первое знакомство, а потом лучше скормите акулам, чем дозвольте разочаровать нашего замечательного, самого лучшего на свете друга! — вмешался альбинос, изображая радушную, по-видимому, самую обаятельную из его арсенала улыбку, из-за которой он стал еще более неприятным.

Татьяна, уже подхватив под руку Киру, замерла в полубороте, развернувшись, красиво вскинув смоляную бровь, с любопытством посмотрела на говорившего:

— Вы, так понимаю, Эдуард будете?

— Совершенно верно. На ближайшее время ваш покорный слуга! Готов выполнить любые капризы и пожелания! Если же и дальше не буду внушать вам доверия, обещаю утопиться в морском бризе, не забыв прихватить с собой и этого Али-Бабу.

Татьяна слегка улыбнулась и протянула ему ручку от своего чемодана, которую он тут же подхватил.

— Сей момент, мадам, на время посещения ресторана предлагаю оставить ваши кейсы в автомобиле. — И ловко переложил в руки товарища чемодан Татьяны и Киры, кивнув на припаркованный BMW. — Салаутди-ин! Девушки нас ждут!

Мужчина, словно нехотя, медленно очнулся, отнес вещи в машину, захлопнул багажник и поплелся за троицей, восторженно наблюдая, как величаво не идет, а плывет эта потрясающая, восхитительная женщина, совершенно не обращая внимания на треп дружка и тощую девицу, из-за которой столько суматохи. Сейчас от бывшего раздражения не осталось и следа. Он был готов простить Регине весь этот нескладный день с ожиданием ее приезда, раз эта встреча обернулась зна-

комством со столь очаровательной особой. Понимая, что ни разу не испытывал ничего подобного, приотстав, ловил каждое слово этой обворожительной матроны, каждый жест, жадно вдыхая шлейф волшебных терпких духов. Пребывая в ощущении нокдауна, вдруг впервые прочувствовал, что значит выражение «любовь с первого взгляда». Салаутдин мог поклясться честью, что это даже что-то большее. Страсть с первого взгляда! Подобных женщин он не встречал. Царица! Волнующая округлость фигуры, грациозность, неторопливость движений, сладкий, бархатный голос поднимали в нем желание танцевать перед ней лезгинку; в то же время брошенный ею взгляд словно спутывал его по ногам, превращая в робкого юнца, мягкотелого барашка.

— Шайтан! — пробормотал он, резко качнув головой, словно пытаясь скинуть с себя наваждение, но это не помогло, сделав жгучее желание еще более сильным. Он готов был в голос заорать, зарычать по-звериному, кинуться в ноги к этой царице, схватить ее жестко, но нежно, укрыть, украсть от чужих взглядов праздношатающихся людей. Эта жемчужина должна быть только его! Закрыта, заперта, занежена дарами и ласками.

— Салаутдин, в чем дело? Почему вы идете за мной? Мне неприятно, — Татьяна обернулась и посмотрела ему прямо в глаза, отчего тот словно задохнулся, заморгал и потупил взгляд.

— Мадина, дорогая, не обращайтесь на него внимания. Он сегодня немного не в себе. Вчера с соревнований приехал. Еще не отошел, а тут вы. Совсем дичает на своих сборах. Но спорт, спорт превыше всего! Салаутдин, между прочим, серебряный призер по вольной борьбе! Приглашали в Данию — но нет, такого борца не отдадим проклятым капиталистам! У нашей сборной на него еще виды. Да и тренер верит, что на следующих встречах сможет золото взять. А пока не взыщите строго. Спортсмены — они люди неразговорчивые, но очень тонко чувствующие.

— Я вижу, — бросила на ходу Татьяна и вошла вслед за Кирой в распахнутые Эдуардом двери ресторана.

— Что с тобой? Соберись! — цыкнул Эдик дружку и, нацепив опять улыбку, метнулся догонять гостей.

— Ма-адина... — лишь прошептал тот в ответ, растягивая вкус этого сладкого имени.

— А вот еще один анекдот, милые дамы... — Эдик сыпал остротами, развлекая компанию. В начале застолья он еще бросал вопросительные взгляды на Салаутдина, но тот сидел хмурым, недовольство друга не замечал, отвечал на заданные вопросы односложно — «да», «нет» — и порой невпопад. А когда заиграла музыка и девушка в блестящем платье стала петь для развлечения гостей, он словно приободрился. В перерыве между песнями подошел и о чем-то переговорил с певицей, сунув купюру в руки, та в ответ закивала, впечатленная суммой. Через несколько минут на весь зал было объявлено, что следующая песня прозвучит для самой прекрасной женщины на свете. И когда прозвучали первые аккорды, он решительно подошел и протянул руку:

— Мадина... Я хачу пригласить вас.

Она благосклонно кивнула и поднялась. Эдик удивленно посмотрел, как они отходят на танцпол, и тут же засуетился вокруг Киры:

— Вот они, спортсмены. Тихоня тихоней. А не растерялся! Чего же мы под такую прекрасную песню сидим? Региночка, звездочка, разрешите и мне пригласить вас на танец.

По окончании песни они вернулись за столик, а для обворожительной Мадины зазвучало следующее произведение. Эдуард с нескрываемым удивлением посмотрел на друга, но потом махнул рукой и сел напротив девушки.

— Представляете, сколько его знаю, а вижу впервые, как он танцует. Я думал, что он, кроме тренировок, соревнований и медалей, вообще ничем не интересуется. Ох уж Салаутдин. Мне одному кажется, что он без ума от вашей тети?

— Она волшебная женщина. У нее полно поклонников, но она неприступна. Очень строгих правил. Знаете, Эдуард, мне даже кажется, что она специально поехала на конференцию... Кстати, я сказала, что моя тетя врач высшей категории — в общем-то, ей пророчат должность главврача у нас... Так вот, под предлогом конференции она поехала со мной, чтобы лично познакомиться с Турпанчиком.

— О, в этом вопросе, отвечаю, Турпан ей понравится. В него невозможно не влюбиться. Так что аккуратнее, Региночка — я думаю, что он сможет украсть ваше девичье сердце безвозвратно. Переписка — это хорошо, но вот когда познакомитесь лично, это будет совершенно другая история. Я наперед вижу, что из вас получится прекрасная пара. Ох, как же я погуляю на свадьбе! Думаю, что даже затребую у него выкуп, несмотря на то, что он мой старинный друг! А знаете, какой он! Другого такого не найти! Никогда в беде не бросит! Ночью по любой проблеме позвони — примчит в кратчайшее время. Регина, что вам заказать? Здесь чудесные десерты и лучшие коктейли на побережье. Снизойдите до баловства.

Девушка утвердительно кивнула, Эдуард поднял руку, тут же рядом со столиком возник услужливый официант.

— «Морской бриз», латте и самое вкусное пирожное.

— Региночка, душа моя, возьмите еще мороженое. Они его сами делают. Даже я не могу устоять, — и добавил: — Еще три порции мороженого для нас, а для того бородатого злодея — сто грамм коньяка... — И, пробежав пальцем по винной карте, определился: — Будем банальны, «Наполеон».

Официант кивнул и быстро ускользнул.

Через несколько минут на столе уже красовались креманки с разноцветными шариками мороженого, фужер с коньяком и бокал с коктейлем, украшенный смешным мини-зонтиком.

Белесый расплылся в довольной улыбке:

— Сей момент, красавица, я сейчас попробую отвоевать вашу тетю у этого абрека. — И стрелой метнулся к танцующим.

Кире было видно, как он по-шутовски кривляется перед танцующей парой, и уже в следующий миг Татьяна облегченно зашагала к столу, слыша за спиной, как Эдик довольно жестко выговаривает компаньону:

— Слышь, ты че рассыпался?! Очнись уже! Я че один тут вальцую?..

Салаутдин же, в свою очередь, не огрызнулся, а заворуженно плелся следом за Татьяной, легко отодвинув Эдуарда, словно неодушевленный предмет, бормоча:

— Багиня...

Эдик, глядя ему в след, пробормотал:

— Охренеть...

Уже на выходе из ресторана Эдик предложил Мадине всем вместе проехать и позволить им продемонстрировать условия проживания Региночки в мини-отеле, который принадлежит лично Турпану. Так сказать, для успокоения тетиного сердца: лично удостовериться в их порядочности, проверить и оценить номер, а также внутренние засовы. Та, секунду подумав, утвердительно кивнула, и уже через полчаса лихой езды, которую продемонстрировал Эдуард, они подъехали к внушительному глухому забору. Створки ворот, клацнув задвижкой и пожужжав мотором, отъехали, запустив BMW с гостями. Уже на территории им приветственно махнул охранник, больше похожий на коллегу Салаутдина по спорту, и нажал пульт, после чего ворота встали на место. Территория, да и сам отель, впечатляли

размером и роскошным убранством, демонстрируя, что на дизайнера здесь денег не жалели.

Эдик егозой мельтешил перед гостями, учтиво распахивая двери и попутно проводя, как он элегантно выразился, «экскурсион». Рассказы про специально привезенные различные чудо-растения, каменную плитку и павлинов он перемежал со смешными историями об обустройстве отеля. Гости внимательно слушали, попутно с интересом рассматривая все, на что он указывал. На входе в корпус всю их компанию радушно встретила ухоженная женщина в строгом дорогом костюме с бейджилом администратора — Ясира; она передала ключ-карту от номера и пожелала устраиваться и чувствовать себя как дома.

Эдик распахнул дверь в указанный номер и галантно пропустил гостей внутрь. Роскошь огромного номера поражала. Татьяна же, обернувшись к мужчине с абсолютно равнодушным лицом, сказала:

— Здесь мило, но где же другие гости вашего отеля? Сейчас сезон, и подобные мини-отели должны быть под завязку.

От Киры не скрылось, как на долю секунды Эдуард не справился с досадой, которая рябью скользнула по его некрасивому лицу, но в следующий момент он уже был в роли радушного провожатого:

— Мадам, это очень люксовый отель, — он сделал особый упор на слове «очень». — При этом он славится приватностью и эксклюзивностью. Здесь индивидуальный подход к запросам каждого дорогого гостя. Поэтому мы специализируемся не на количестве, а только на качестве и еще раз качестве обслуживания. Здесь часто отдыхают известные, публичные лица или члены их семей, которые сразу просят оградить их от излишнего внимания к себе, шума и суеты.

Кира прошла по залу, уселась в кресло, красиво закинув ногу на ногу, и тут же достала телефон, набрав быстрый дозвон. Было слышно, как щелкнуло соединение и мужской голос начал что-то ласково ворковать. Девушка звонко рассмеялась, быстрым движением руки отсылая Эдика и Салаутдина из номера. Те тут же вышли, узнав голос хозяина. Аккуратно прикрыв дверь и тут же стерев с лица улыбку, Эдик просипел: «Сучки», — и пошел в холл, где, плюхнувшись в кресло, небрежно кинул Ясире: «Принеси виски», — на что та кивнула и скрылась.

Абсолютно все сегодня шло не так, как всегда. Он терпеть не мог, когда что-то выбивалось из обычного сценария. Внутри все бурлило от кипящей злобы, которую хотелось выплеснуть прямо здесь и сейчас — вломиться обратно в номер и от души избить этих спесивых мразей. Он аж на кресле заерзал, смакуя представившуюся картину, как одним бы ударом сломал челюсть толстой бабище, для которой этот лучший номер был просто милым; как таскал бы за волосы эту молодую тварь, которая так небрежно, взмахом руки, отослала его из комнаты. В этом жесте было все: понимание своего статуса, места Эдика, ее отношение к нему. Ему хотелось ногами переломать эти точеные руки — подошвами своих туфель за восемьсот долларов; размазать кровь по ее ухоженному лицу и методично пинать, словно пыль, выбивая всю красоту и лоск. Как бы сладко звучали ее мольбы о милости, просьбы не убивать, обещания сделать все, чего бы он ни пожелал! А он бы пожелал! Ох, как бы он пожелал! Как он любил эти моменты! Когда все они, в конце концов, оказывались в его власти! В его работу входило ломать строптивых козочек, а уж ломать он не только умел, но и обожал!

Эдик нервно соскочил с кресла, сделал несколько шагов в сторону номера, но дорогу ему преградил угрюмый Салаутдин:

— Мадину не тронь. Она моя! Девку не тронь. Она его!

— Кто это у нас заговорил?! Салаутдинчик, неужели я тебя спросил, что мне делать? — зло процедил Эдик.

— Вай! Остынь. Бухни. Иди к шалавам, развэйся. Я буду здесь.

— Ты-то будешь, только опять бисером не расссыпшься перед этой коров... хрр... — он не успел закончить, как здоровенная волосатая ручища крепко перехватила его за горло, сдавив не только слова, а дыхание. Салаутдин придержал товарища, с интересом разглядывая его наливающегося багрянцем белесое лицо, и отпустил.

— Павтарять нэ буду.

Эдик согнулся, закашлявшись при попытке послать всех матом. К нему скользнула услужливая Ясира, подав хрустальный стакан. Тот быстро хлебнул, но виски тут же выплеснулся наружу. Пережатое горло не желало пропускать крепкие напитки.

— Идиотка! — еле слышно просипел он и со всей силы метнул стакан в администратора, целясь ей в голову. Но промахнулся и попал в стену, хрустальные брызги хлопком разлетелись по всему залу. Густо запахло алкоголем.

— Убери все! — скривив губы, развернувшись на каблуках, быстро пошел к выходу.

Салаутдин проводил его загустевшим взглядом и, не оборачиваясь на замершую женщину, бросил: «Быстро убэри все!», сел в кресло, держа спину прямо, как всегда сидел его дед, и уставился на дверь, за которой были слышны веселые голоса...

— Мадина, оставайтэсь. У вас будэт номэр лучше этого. Зачэм какой-та непонятный гостиница? — Салаутдин утесом нависал над Татьяной, но почему-то складывалось четкое ощущение, что смотрел он снизу вверх, просительно заглядывая в ее глаза.

Кира довольно усмехнулась. Все шло пока явно в нашу пользу.

— Молодой человек, куда же лучше? — Татьяна отлично играла на нервах этого здоровяка, который даже не подозревал, как ловко она подводит его к женской ловушке.

— Я нэ молодэ... нэт... я нэ так уж и молод, как вам кажэтся! Я...

— Хорошо, хорошо, извините меня. Я вижу, что вы серьезный ответственный мужчина. И вижу ваш настрой. Давайте договоримся так. Сейчас я уезжаю в свою гостиницу, у меня еще есть дела, а Региночку я, так и быть, оставляю у вас в гостях. И если вся эта сомнительная затея со знакомством пройдет в лучшем виде, моя девочка будет счастлива и довольна, лично мы с вами поговорим о том, чтобы перейти с «вы» на «ты». Но не дай бог, если кто-то попробует ее обидеть...

— Нэт! Все будет харашо! Слово даю! Можно я праважу вас?

— Не стоит. За мной уже подъехало такси.

Он покорно кивнул.

— Региночка, рыбка моя, тетя уехала. Завтра у меня начинается семинар, поэтому я сама наберу в перерыв, а папе позвони утром, чтобы он не переживал.

— Пока! — девушка послала ей воздушный поцелуй, и Татьяна, развернувшись к ожидающему ее мужчине, вдруг потеплела взглядом:

— До свидания, Салаутдин.

— Да свидания... — пробормотал он, краснея, словно мальчишка.

— Ой, Салаутдин, доброй ночи вам и Эду. Спасибо за вечер. Я уже рассказала Турпанчику, какие вы веселые и чудесные. — И, не дожидаясь ответа, Кира ушла в номер, мягко прикрыв дверь и повернув защелку.

Она переделалась в еще более шикарное, длинное, струящееся платье, надушилась и вышла в холл, ожидая застать там либо Эдуарда, либо его друга. Но холл был пуст. Прикрыв двери, она быстро, но не спеша вышла из здания. Территория была хороша. Извилистые, выложенные плитняком дорожки с ухоженными альпийскими горками. Обилие причудливых деревьев — высоких и совсем карлико-

цветов. А главное — море разнообразных цветов, фантанов и качелей: все, чтобы построить на романтический лад. Какая девица не поверит в этом дворце в принца?

Кира гуляла, пытаясь увидеть хоть одну живую душу, но вокруг было пусто, даже охранники не попадались на глаза, однако она четко чувствовала, что за ней наблюдают. И тут наконец увидела одинокий женский силуэт на увитой плющом скамейке. Направилась к ней, на ходу придумывая варианты разговора.

— Привет! — попыталась она поздороваться как можно беззаботнее.

Сидящая оказалась симпатичной девушкой лет двадцати пяти. Она подняла лицо от экрана телефона, в глазах проскользнул вопрос, но в следующий момент выдернула наушники и переспросила:

— Простите?

— Извини, что отвлекаю! Просто я только приехала, заселилась, вышла осмотреться, а вокруг вообще никого. Все словно вымерли. Уже хотела на помощь звать. Ой, я не представилась, меня Регина зовут!

— А меня Карина. — Девушка заулыбалась. — Приятно познакомиться, а то тут действительно очень мило, а поговорить не с кем.

— Правда, никого нет? — голос хорошо так, натурально дрогнул.

— Есть. Охранники, администраторы, бармены, садовники, официанты, еще какие-то работники. Видела несколько девушек, вроде как тоже отдыхающих, но какие-то странные, диковатые, что ли. Поздоровалась, а они молча шарахнулись от меня, как будто я заразная... Ты первая за эти четыре дня, кто похож на нормального человека.

— Ого, ты здесь уже четыре дня отдыхаешь! С семьей?

— Пока одна. Мужа жду, но он задерживается, — девушка заметно погрузтелла.

— Эй, ты чего это? Не переживай, приедет. Пошли лучше выпьем, мы же все-таки на отдыхе!

— Ты что! Мне нельзя!

— Болеешь?

— Нет. Муж заругает.

Кира как можно более беззаботно сказала:

— Так его же пока нет. А мы по коктейлю, за знакомство. Ну правда, Карина, пойдем — посидим, поболтаем, а не то мне так скучно и одиноко в этом дворце. Я угощаю!

— А знаешь, ты права! Пошли! Здесь в центральном холле есть уютный бар...

Кира открыла глаза и тут же прикрыла. Голова гудела, а мелкие противные молоточки простукивали виски. Коктейлей они вчера явно перебрали. Хотя, надо отдать должное, посидели с Кариной душевно. Уже после второго бокала та рассказала, что родилась в Адыгее, но еще в раннем детстве переехала к маме на родину, в Челябинск. Там она и росла, пока два года назад отец не выдал ее замуж. До свадьбы она видела будущего мужа только раз. Джавад был намного старше, имел бизнес, дом в Махачкале, куда молодые после свадьбы и переехали. С этого момента светская жизнь для Карины закончилась. Теперь ее времяпрепровождение свелось к ожиданию мужа, ведению нехитрого быта и общению со свекровью да золовками. Первые месяцы она редела, разговаривая с родными по телефону. Все, чем было наполнено прошлое — институт, спортивная секция по волейболу, веселая компания друзей и подруг, мечты, — теперь казалось не просто далеким, а недостижимым. Мама успокаивала, убеждая, что надо потерпеть, а там выскочит, случится. Пойдут детишки, и все изменится. Но с детишками не получалось. Муж все чаще, раздражаясь, распускал руки, зло приговаривая, что она бесполезная и пустая, жалея, что взял ее в жены. Свекровь ни разу не пыталась остановить сына, а, скривив тонкие губы в презрительной гримасе, молча уходила в дру-

гую комнату. Карина же умоляла его обратиться к врачам и вместе проверить, на что Джавад говорил: «Нет!» После первых скандалов она еще звонила маме и рассказывала о происходящем, но та лишь в очередной раз советовала потерпеть, твердила, что все наладится. Не дождавшись поддержки, она перестала жаловаться, все сильнее внутренне сжимаясь, когда календарь приближался к очередной дате, непрерывно молясь Аллаху, чтобы тот сжалился и подарил ей ребенка. Ведь тогда, наконец-то, закончилось бы это ежемесячное унижение и упреки в некомпетентности. Но становилось только хуже — помимо этой проблемы, у мужа произошли неприятности в бизнесе. Несколько раз ему звонили и, видимо, угрожали. Джавад ходил злой и растерянный одновременно. Попадаться ему под руку теперь опасались даже сестры. И вдруг месяц назад все изменилось до неузнаваемости — он словно оттаял, стал к ней нежным, щедрым на мелкие подарки и ласковые слова, сказал, что все плохое закончилось, он решил проблемы в бизнесе, но главное — многое понял про них с Кариной, и теперь их жизнь станет лучше. А также, что договорился с хорошим врачом в Москве, но вначале они поедут отдохнуть в Сочи. Правда, перед самым отъездом мужу позвонили, и выяснилось, что под угрозой срыва какая-то сделка, и он отправил ее в сопровождении своего дальнего родственника, пообещав приехать сразу, как только решит все вопросы.

На этом месте Карина вдруг заплакала, залпом допила очередной коктейль и, задыхаясь от волнения, поделилась, что, когда они прощались, он нежно погладил ее по щеке и посмотрел так, словно они больше не увидятся. Сердце ее сжалось от страшного предчувствия, и до сих пор ей кажется, что с ним обязательно что-то случится, что-то страшное. Вчера они разговаривали, и муж пообещал, что еще пара дней — и он придет, но она не верит в его оптимистичный настрой и не успокоится, пока не увидит его лично. Кира заказала еще по бокалу и, как могла, попыталась успокоить девушку, убеждая ее, что сердце часто врет и что все будет хорошо — муж действительно скоро придет, они прекрасно отдохнут, потом поедут к чудо-доктору, а там не за горами и появление малышей. Карина посмотрела на нее широко распахнутыми, какими-то детскими, всему верящими глазами и легко, с готовностью закивала, сразу успокоившись.

— Региночка, какая ты чудесная! Как хорошо, что ты приехала! — с теплотой проговорила она, преданно глядя на новую подругу.

Киру кольнула вина, словно она только что зло обманула девушку, и, секунду поколебавшись, вдруг предложила:

— Карина, а может, ну его нафиг, а? Ведь ты же не любишь его! Вспомни все обиды, которыми были наполнены эти годы. А тут возможность взять и сбежать домой, в прошлую жизнь! Решайся!

Та ошарашенно аж головой замотала:

— Ты чего?! Как это бросить? Не принято у нас! Позор это не только для меня, а для всей семьи. Отец на порог не пустит. Да и... наверное, мама была права, сейчас мне кажется, что я действительно его полюбила. Доктор нам поможет. А там детки пойдут, и все у нас наладится.

Кира вздохнула, понимая тщетность и глупость своей попытки, лишь добавила:

— Все будет хорошо... Может, еще по коктейлю?

Кира сидела на террасе, пила кофе и незаметно наблюдала за сидящими в створке тремя странными, чуть заторможенными девушками, когда к ней подсел Эдик.

— Доброе утро, Региночка! Или оно не очень доброе?

Кира отпила кофе, поставила чашку и в упор посмотрела в его белесые глаза:

— В чем дело, Эдуард?

Тот заулыбался, сглаживая ситуацию:

— Да абсолютно ни в чем! Вас ждут вершины «Розы Хутор» и два желающих скрасить ваше одиночество мужчины.

— Эд, я вчера здесь познакомилась с одной девушкой, ее зовут Карина, и ей тоже одиноко и скучно в ожидании задерживающегося мужа. Я хочу, чтобы мы взяли ее с собой. Вы не против?

Даже невооруженным глазом было видно, как Эдик затвердел лицом, затем выдохнул и смягчился:

— Почему бы и нет? Две красивые девушки вдвойне радуют взгляд.

— Ну и отлично! Мы подойдем к стоянке через час.

Мужчина поднялся и откланялся.

День, блеснув увядающим багрянцем быстро ускользающего в море солнца, растаял. А вместе с ним подошло к концу время, наполненное поездками в открытом кабриолете, горными вершинами, яркими эмоциями и восторженным смехом Карины, которая оттаяла и легко, с головой, окунулась в короткое приключение. В отель они возвращались уже в сумерках.

Выходя из машины и распахивая дверцу, чтобы выпустить спутниц, Эдик услужливо спросил:

— Регина, ты помнишь, что через час мы встречаемся с твоей обворожительной тетушкой в ресторане? Что такое?! — он обеспокоенно глянул на потирающую виски Киру:

— Что-то голова разболелась. Видимо, много впечатлений на сегодня. Дайте мне время прийти в себя... — И, не прощаясь ни с кем, чуть-чуть покачиваясь, пошла к себе.

А через полчаса Эдуард после безрезультатного стука аккуратно открыл дверь и вошел, нарочито громко кашлянув:

— Региночка, солнышко наше, машина под парами! Салаутдинчик аж дымится весь напомаженный в ожидании встречи с богиней номер два... Твою мать! Регина! Что такое?!

Девушка лежала без сознания на кровати, и невооруженным взглядом было видно, что у нее дикий жар. Щеки адели, и со лба стекали капельки пота.

— Что?! Что такое?! Салаутдин! Сюда! Твою мать же!..

Громко топя, в спальню вломился напарник, держа в руках пистолет, на ходу выискивая цель, но не видя ничего подозрительного, приблизился к другу и буквально остолбенел, глядя на тяжело дышащую девушку.

— Что с нэй? — Он растерянно посмотрел на друга.

— А я знаю?! — И почти на подгибающихся ногах приблизился к лежащей. Попробовал посчитать пульс. Он зашкаливал. Кожа была влажной и даже на ощупь очень горячей. — Турпан нас убьет... завтра... — прошептал он.

Тут мелодично заиграл лежащий на столике телефон. Салаутдин бросил на него беглый взгляд, но в следующую секунду подхватил и нажал на прием:

— Мадина! Тут с Рэгиной... я нэ знаю... ей плоха. Жар. Ждем!

Эдик с нескрываемой надеждой ловил каждое слово товарища и облегченно выдохнул, когда тот, отключив телефон, выпалил:

— Ща приедит!

КИРА

Ветки ивы трепало жарким, каким-то пустынным ветром, от которого вмиг обмело губы и песчаной наждачкой заскребло в горле. Палящие лучи солнца жгли, пронизывая кожу, пытаясь добраться до костей, чтобы испепелить их в золу. И тогда, подхватываемая резким порывом суховея, она бы с необычайной легкос-

тью рассыпалась на миллиарды кристаллов. А дальше баловник-свистун впледел бы ее в гибкие ивовые ветки, поднял в сердящееся небо, а может, закрутил в вихрь с другими, такими же, как она...

И вдруг, словно выстрел, — резкий оклик:

— Кира!

Вздрогнула и словно отяжелела, дождем осыпалась, тут же собираясь обратно в человеческий силуэт. С удивлением посмотрела на свои руки, сжала-разжала пальцы, посмотрела на прсвет.

— Кира-а! — среди листов-ребятни скользнула едва различимая тень, ласково, чуть слышно выдохнув: — Обернись...

И она обернулась. Там, чуть в стороне от ивы, стояли люди. Ей пришлось напрычься, чтобы узнать их. Узнав, заулыбалась, как будто не виделась с ними много лет. Татьяна, Телыч, Сергей, который одной рукой держал шестилетнего мальчика, с тревогой всматривались в развесистую ивовую крону, но не видели ее, стоящую у извилистых корневищ, пока мальчик не дернул Сергея и не выкрикнул звонким голосом: «Вон она!» И все будто прозрели и приветственно замахали руками. Кира тоже махнула им, и словно по волшебству яркий солнечный свет потух, сменившись на приятный полумрак, царящий в спальне номера отеля.

Но друзья не растворились вместе с исчезнувшей картинкой, а лишь изменили свое местоположение, и Кира не сразу поняла, что она лежит на кровати, а над ней нависают Телыч и Бабушев, с нескрываемым испугом глядя ей в глаза. Рядом заполошной птицей металась Татьяна, зло выговаривая стоявшим в стороне понурым Эдику и Салаутдину. До Киры доносились лишь обрывки фраз: «Умрет... отец вас закатает!.. никто не поможет... это похоже на тиф... сожгут всю вашу богадельню... молитесь!»

Ива нежно, как мама, гладила ее по голове, напевая какую-то тягучую, словно звездная ночь, песню, с каждой строчкой наполняя Киру новыми знаниями о мире, о его потайных секретах. Древний арканум проявлялся из завесы таинственности и закрытости. А над всем этим была Сила. Разумная, мудрая, благодатная. Дарующая ей понимание, что она всегда была звеном этого чуда. Но ее не волновало это, она с легкостью принимала это ведание. А голос, такой знакомый и родной, шепнул: «Посмотри».

Кира потянулась за ним в надежде увидеть Тамару, но вместо подруги там, за ивой, открывался лишь бескрайний простор. Эта даль не была статичной — проявлялись то горные вершины, то водные просторы, то какие-то городские или деревенские улочки, то лесные чащи, то снежные раздолья...

— Что это?

— Это территория смерти, — совсем рядом ответила подруга.

— А там? — Кира развернулась и указала перед собой, где переплетались тысячи дорог и троп.

— А это жизнь. Дела, поступки, которые мы выбираем. А теперь посмотри вверх.

Кира послушно подняла взгляд, и у нее перехватило дыхание от необыкновенно близкого, какого-то чудесного вихревого кружения в небе луны, солнца, комет, галактик, туманностей, отсветов и всполохов. Во всем этом космогоническом видении было нечто влекущее к себе, успокаивающее, умиротворяющее.

— Это... все это... волшебство какое-то! Тамара, я умерла?

— Нет. Еще не пришло твое время. И сейчас тебе пора идти.

— Но куда? — кружение остановилось, и она вновь ощутила твердость под ногами. Перед ней, словно подсвеченные лунным светом, серебрились спутанные нити множества дорог.

— Сюда! — услышала детский голос и, взглядевшись в сумерки, разглядела мальчишку, которого совсем недавно видела рядом с Сергеем. Он, как тогда, призывно махнул ей рукой, и она, сделав всего несколько шагов, оказалась рядом, присев на корточки, и заглянула в такие знакомые глаза ее друга.

Мальчик доверчиво прильнул к ней, шепча на ухо свою просьбу.

— Помоги мне!..

— Ну здравствуй, — Криницын ласково смотрел на Киру. — Ох и напугала ты всех. Начиная с бандитов, заканчивая нами. А все благодаря нашему эскулапу! — И он показал кулак стоявшему в сторонке понурому Андрею.

Кира с трудом попыталась двинуться. Ребра надсадно ныли, мешая полноценно дышать.

— Что со мной?

— У тебя была клиническая смерть. Наш чудо-доктор чуток перепутал препараты и дозировку. Хорошо хоть Татьяна примчалась с реальной скорой, в которой была аппаратура, и тебя довольно быстро вернули с того света на работу. А с диверсантом Адиковым мы еще разберемся. Расстрелять вот его хотел, но он вовремя взялся тебя реанимировать и, надо отдать должное, оплошность свою исправил. Так что пока у него амнистия.

Кира, несмотря на разбитость, все-таки смогла в улыбке растянуть пересохшие губы:

— Ну значит, доставай, Андрей, шампанское, будем отмечать мой новый день рождения.

— Анатолий Павлович, ее надо вытаскивать оттуда!

Выслушав и записав все, что Кира узнала за это короткое время, Криницын вложил записи в папку, завязал и, поднимаясь со стула, огорченно кивнул:

— Надо, да только не успели мы. И Карину, и тех трех девиц в хиджабах, которых ты смогла заснять за утренним кофе, этой ночью скрытно вывезли. Как — до сих пор голову ломаем. Ну с этим потом разберемся. Суть в том, что Карину никто в розыск не подавал, видимо, муж ее просто продал за свои долги. А вот двоих из троих опознать удалось. Потеряшки, одна с Чебоксар, очень приличная семья, мама лектор в местном университете, вторая из деревни, поехала поступать в техникум в Омск и пропала. Но ты не переживай. Найдем. Где-то они всплывут. Люди заряжены. За адресами наблюдают. Ты лучше давай быстрее восстанавливайся.

— Да я хоть сейчас готова действовать!

— Верю. Но сейчас не надо, а вот как отмашка из штаба придет — тогда будь любезна. Вон дружок твой кучу витаминов приволок. Полюбуйся.

И действительно, в дверях стоял Бабушев, держа в руках полные пакеты.

— В нашем деле главный витамин — это шашлык, — заметил Сергей, проходя к столу и раскладывая свою добычу. Тут же по комнате расплылись заманчивые ароматы. — Всех прошу к столу.

Но командир отрицательно качнул головой:

— Ужинайте, я попозже зайду. Мне руководству сейчас докладывать. А где остальные?

— Сейчас подойдут, товарищ подполковник, — отчеканил Бабушев.

Когда за Криницыным закрылась дверь и затихли удаляющиеся шаги, Сергей заговорщически подмигнул Кире, доставая из пакета бутылку коньяка. Открыл и на доньшко плеснул в кружки. Одну протянул Кире.

— Ну что, подруга, для аппетита!

Кира кружку взяла, но тут же поставила на стол.

— Подожди, Сергей. Сядь. Расскажи мне о сыне.

Все вокруг словно замедлилось, затвердевая настолько, что Сергею грудь сдавил вдруг ставший непригодным воздух. Он медленно поставил кружку на стол и осторожно, словно мог рассыпаться, опустился на стул, где еще минуту назад сидел Криницын. И впервые начал говорить о том, о чем, думал, никому и никогда не будет рассказывать. Первые слова дались с трудом, а затем потекли с легкостью, неся с собой жгучую, до сих пор не прожитую боль, но при этом и огромное внутреннее облегчение.

АЛЕШКА

Познакомился он со своей Викой, когда ему перевалило уже за тридцать. Тогда, на первой встрече в гостях у друзей, сразу потянулись друг к другу. И как-то ладно так сложились, словно две половинки пресловутого яблока. Через два месяца сыграли свадьбу, обрадовав и напугав такой поспешностью его родителей, уже отчаявшихся ждать нормальной семейной жизни сына, которого все больше утягивали командировки и служба. А через три месяца после свадьбы Вика тихонько шепнула ему на ухо, что ждет ребенка. Так жизнь Сергея наполнилась каким-то новым, ранее неизвестным ожиданием. Когда жену увезли в роддом, места себе не находил, но все прошло без проблем и осложнений. Сын Лешка родился здоровым и на удивление спокойным карапузом. И чем больше проходило времени, тем все больше знакомых и родных утверждали, что растет папина копия. Да и сам Сергей с удовольствием подмечал, как этот маленький человечек старательно копирует его жесты, походку, манеру говорить.

Э-эх, Леха-Алеха, даже сейчас руки помнили вес сынишки, которого он подкидывал вверх и ловил, а тот залиvisto, как и положено детям, смеялся во весь голос. Как же легко ему было с ним! А как могло быть иначе, когда четырехлетний Лешка перед Новым годом попросил на праздник костюм спецназовца — а вернее, «такой же, как у папы». Вика сама за несколько вечеров сшила полную копию, даже тельняшку умудрилась подрубить. Сын померил и, глядя на себя в зеркало, как-то по-взрослому огладил на себе китель и заявил: «Я когда подрасту, тоже буду Родину защищать. Как ты, папа». Даже тогда его слова звучали убедительно. А в свой день рожденья в качестве подарка попросил у родителей записать его в секцию рукопашного боя. И уже на следующий день они в полном составе пошли в ближайший спортивный комплекс. Подошли к тренеру, переговорили. Оказалось, что детскую группу набирают с семи лет. От такой вести по Алешкиным щекам покатались слезы. Но тренер на прощание вдруг протянул ему руку, крепко по-мужски пожал и сказал, что будет его ждать с шести лет. И Лешка воспрял. После спортивного центра пошли в кафе, где долго сидели, ели вкусности и разговаривали на разные темы. Детские огорчения так быстро улетучиваются.

А впереди было лето. И Леха, заговорщически перемигнувшись с мамой, вдруг завел разговор о том, что никогда не видел моря. Сергей вздохнул. На это лето его отделению выпадала длительная командировка в Чечню. Но ответить сыну не успел — тот неожиданно подавился пирожным. Закашлялся. Вика быстро похлопала его по спине, и кусочек шоколада вылетел на стол. Сын растеряно посмотрел на родителей, а мама строго сказала: «Не торопись! Напугал меня!» — и облегченно чмокнула сына в макушку.

Через несколько дней Алешка вновь подавился, уже дома, когда обедал, смотря мультфильмы. Тогда договорились, что он не будет отвлекаться и не будет торопиться, а также разговаривать во время еды. Но до отъезда Сергея в командировку сын подавился еще пару раз. Прощаясь уже на вокзале, когда грузились в вагоны, Алеша обнял его и заплакал от грусти, что отец уезжает надолго и лето пройдет без него, что он не успел научиться ездить на подаренном двухколесном велосипеде, и как теперь быть, он не знает, а еще — что не может крепко-крепко

обнять на прощание отца, совсем нет сил в руках. На это отец, как мог, веселил его, обещая, что будет другое лето и что на велике он научится быстро, мама ему обязательно поможет, а силы нет, потому что мало каши ел. Но главное, что все это поправимо! Крепко поцеловал вдруг суксившегося сынишку, обнял на прощание жену и запрыгнул в уже начинающий двигаться поезд.

Дела командировочные закрутили Сергея, позволяя лишь изредка звонить домой. Там все шло своим чередом. Вика с Лешкой на все лето уехали погостить к родственникам в деревню. Старшие двоюродные братья научили мальчика не только гонять на велосипеде, но даже плавать в небольшой речушке. Они разновозрастной ватагой практически целыми днями пропадали по своим мальчишеским делам. А по возвращению домой Вика заметила, что сын с трудом выговаривает некоторые слова, да и еще несколько раз давился едой без видимых причин. На работе посоветовали сходить к бабке, она вроде как умела заговаривать у детей грыжу, снимать страхи и лечить заикание.

По указанному адресу оказался добротный деревенский дом. Встретила их на крыльце угрюмая, крепко сбитая, низкорослая старуха в цветастом платке, пригласила в дом, деньги взяла, по-деловому свернув и засунув в передник, указала Вике ждать в светлице, а Алешу повела в баню. Вика села на скамью у окна и приготовилась к длительному ожиданию, но тут дверь хлопнула, вернулись старуха и Лешка. Бабка что-то прошамкала себе под нос, подошла к Вике и, достав из передника деньги, сунула той обратно в руки:

— Не разумна я до такой хворьбы. До дохтура иди.

И уже вслед выходящей Вике с сыном пробурчала: «Тольку толку нема бу».

К специалисту поехали уже по возвращении Сергея. Посоветовали хорошего детского психолога, но та, пообщавшись с Лешкой, сказала им, что у них чудесный ребенок и проблем по ее части она не видит. И, в свою очередь, посоветовала обратиться к невропатологу. Записались к специалисту, который оказался громадным, толстым и очень веселым дядькой. Он с легкостью нашел общий язык с Алексеем, подбадривая и подшучивая над своим маленьким пациентом, пока проводил осмотр. Правда, при общении с родителями стал серьезным и сказал, что по общей картине вроде все хорошо, но надо провести дополнительные исследования, дабы окончательно определиться и исключить ненужные подозрения.

Сергей навсегда из своей жизни вычеркнул двадцать первое сентября, когда добряк врач пригласил их с Викой в специализированный медицинский центр и уже в кабинете познакомил со своим коллегой, врачом-генетиком. А тот сообщил, что ему не нравится общая клиническая картина и Алексея необходимо дополнительно проверить. Врач сразу предупредил, что процедура болезненная и сына надо подготовить. Сергей приобнял жену и сказал, что сам поговорит с Алешей, который ждал их в коридоре. И Лешка абсолютно доверчиво кивнул на слова отца, что настоящие мужчины и бойцы умеют терпеть и преодолевать боль. После разговора его завели в кабинет, где находилась кушетка, застеленная белоснежной простыней, а на подставках стояла различная аппаратура. На порыв Вики побыть рядом с сыном врач отрицательно покачал головой, но разрешил Сергею во время исследования быть рядом. Он вошел следом за сыном на вдруг отяжелевших ногах и плотно прикрыл за собой дверь. До этого момента Сергей и не подозревал, что бывает так плохо — душу выламывало от вида сына, которому было и больно, и страшно, но который крепился, стараясь быть сильным рядом с отцом. И когда все наконец-то закончилось, вопросительно посмотрел на него с немым вопросом, и тот, преодолевая непонятную внутреннюю дрожь, улыбнулся, показывая большой палец, шепча губами, что он настоящий воин, а воины не плачут.

А вот отцы еще как. Врач-генетик уже в своем кабинете поставил непонятный диагноз — «болезнь Фацио-Лонде», — спросил, где Сергей работает, и, услышав ответ, по-

советовал провести больше времени с сыном, а времени, оказывающегося, оставалось год-два. Вике стало плохо с сердцем, когда доктор вкратце объяснил им, что это очень редкое неизлечимое генетическое заболевание, при котором у ребенка постепенно угасают и атрофируются двигательные рефлексы, а итогом болезни будет смерть от удушья. Вику увезли в больницу, а они с сыном вернулись домой. Сергей словно в анабиозе делал какие-то домашние дела, изредка поглядывая на сына, который был совершенно прежним — живым, настоящим! И в какой-то момент что-то внутри лопнуло. Он ушел в ванную, запер дверь, включил воду на всю мощь, сел на пол и завыл в голос.

А на следующий день положил на стол командиру рапорт об увольнении. Тот задержал взгляд на его посеревшем, осунувшемся лице, потом прочитал рапорт. После чего поднялся, достал из шкафа водку и, налив полный стакан, поставил перед Сергеем, приказав пить. И тот выпил, совершенно не выделив во внутренней горечи вкуса водки. Командир сел напротив и потребовал: «Рассказывай». Выслушав, порвал рапорт и сказал:

— Иди, проведи все оставшееся время с сыном. Тут я разберусь, — и, чуть помолчав, спросил: — О чем он мечтает?

— О море... — пробормотал Сергей.

— Вот и свози его на море... пока есть время.

Когда Сергей вышел, командир с тяжелым сердцем проводил его взглядом и залпом выпил свой стакан.

А дальше потекло невообразимо длинное, скоротечное время. Когда они следующим летом уехали на море, в Сочи, Алешка еще двигался и даже демонстрировал родителям, как умеет плавать. Но по возвращении быстро слег, как-то резко слабей. А через четыре месяца, когда сын уже лежал без сознания и тихо угасал, Сергей поехал на встречу с вернувшимся из-за границы другом-одноклассником, который привез какое-то новое лекарство. Но не доехал: позвонил телефон, высвечивая надпись «Любимая». И Сергей, услышав в трубке резкое «Возвращайся!», все понял и, нарушая правила, через две сплошные развернулся, до упора выжимая газ. Дома, перепрыгивая через ступени, взлетел к себе на этаж и, вбежав в квартиру, стремглав пронесся к кровати сына. Подхватил ставшее каким-то тряпичным маленькое тельце, и, словно дождавшись его, Алешка сделал судорожный, резкий вдох, прерывистый выдох — и умер. Но до приезда милиции и катафалка Сергей продолжал держать его на руках, покачивая как когда-то маленького, уговаривая не уходить, не бросать их. Женщины плакали в другой комнате, и ему никто не мешал повторять раз за разом, как сильно он его любит.

Похороны Сергей практически не помнил. В их организации и проведении сильно помог командир и сослуживцы. После девяти дней он практически сбежал на службу из опустевшей, ставшей какой-то постылой квартиры.

Они с Викторией не справились, это горе разлучило их. Вика ушла из дома, оставив ему письмо, где писала, что не может больше находиться с ним, так как в нем все время видит сына. Эта страшная болезнь из ее рода, поэтому она видит в этом знак и хочет посвятить свою дальнейшую жизнь молитве и Богу. А еще просила у него прощения, желала ему счастья и просила не искать ее. К письму было приложено свидетельство о разводе.

Сергей даже не стал думать о том, как их развели без его согласия. Совершенно не было сил. К тому же он не мог не признаться самому себе, что испытывает благодарность к жене за ее решение уехать. Ему хотелось быть в тишине, в пустоте и, уперев взгляд в стену, без всяких мыслей подолгу лежать в полусне и выныривать из него лишь для того, чтобы идти на работу.

Так продолжалось долго. Отдушиной стала очередная командировка, а за ней — другая. Именно они отделили его от тех дней, присыпав обезболивающим незаживающую рану, позволив наконец-то жить дальше.

Закончив рассказ, Сергей посмотрел на Киру.

— Мне так его не хватает... Вики... Той жизни. Оказывается, оно было таким счастливым!

— Да, и оно у тебя было. А сейчас ты таскаешь Лешку за собой. Тебе надо его отпустить!

Сергей отпрянул от нее:

— О чем ты говоришь?!

— О маленьком шестилетнем белокуром мальчишке с твоими глазами, который даже сейчас рядом с тобой.

Сергей обернулся по сторонам, никого не увидев, резко встал и отошел к окну.

— Зачем ты так?

— Я видела его... там. Это Алешка помог мне вернуться. И он передал, что ты должен его отпустить. Ему надо идти.

— Алексей умер, — голос у Сергей стал сухим и бесцветным.

— Умер. Но из любви к тебе не может уйти. Не может оставить тебя. Ведь спецназовцы своих не бросают!

В отражении своего лица в окне Сергей вдруг увидел Лешку, оттуда, из темноты, смотрящего на него, и качнулся, всем телом потянулся к сыну, тут же ударившись о стекло лбом.

— Он хочет поговорить с тобой.

— Как? — лишь смог простонать он в ответ.

— Пока не знаю... Но я обязательно узнаю! И тогда ты сможешь с ним поговорить, и он уйдет.

— Куда?

— Не знаю. Может быть, к Богу.

— К Богу?! Он и так забрал у меня жену! Он все у меня забрал!

— Нам многое не понять. Пока не понять. Но и держать душу сына рядом с собой — это не любовь, это эгоизм.

Сергей утвердительно кивнул:

— Знаю.

— Надо учиться отпускать.

— Надо, — вновь кивнул Сергей.

ЗАБРОСКА

— Ну что, ребятки, по коням! Пошла какая-то движуха. Выдвигаемся в Чечню. Изначально базируемся в Веденском районе, в лагере войсковой разведки. Правда, у них свои дела, у нас свои, но по мере сил подмогут. Всем на сбор час. Кира, ты как?

— Норм.

— Ну и добро! — Криницын кивнул и вышел из комнаты.

Каждый раз Киру удивляло, как же легко совсем рядом сосуществуют мирная жизнь и война. Вроде час лету, а о легкой сочинской жизни надо забыть, переключив внутренний датчик в режим «свой — чужой». Долетели до Грозного, перегрузились во встречающие машины, любезно предоставленные войсковиками-соседями, и покатали до места дислокации. Добрались потемну. Побросали вещи в уже установленные две палатки, поделив по привычке на палатку третьей группы и палатку четвертой группы. Анатолия Павловича любезно пригласило к себе руководство разведчиков.

— Душевно! — осмотревшись, одобрил Бабушев.

— Какие же ребята молодцы! — поддержала его Татьяна.

И все, словно по команде побросав на кровати баулы и пристроив оружие, быстро подсели к столу, вытаскивая из рюкзаков — кто чай-кофе, кто печенье, кто бутерброды. В завершение Сергей выставил початую, так и не выпитую накануне бутылку коньяка. Оглядел вмиг заулыбавшихся товарищей, одобрительно протянувших свои кружки, и остановил взгляд на демонстративно начавшем заливать пакетик чая Андрее.

— А вдруг сейчас Криницын придет с проверкой? Полагаю, он не одобрит пьянство в расположении.

— Тью! Что за страхи! Палыча, думаю, радушные соседи тоже за знакомство чем-нибудь угостят. Делать ему больше нечего, как нас перед сном пересчитывать, — усмехнулся Сергей и разлил всем желающим содержимое бутылки. — Ну, за прибытие!

Стукнувшись металлическими боками кружек, выпили коньяк сразу до дна, закусили бутербродами из черного бородинского с колбаской и блаженно замерли, ощущая, как разливающееся тепло пережигает усталость длинного дня.

На следующий день Криницын, слегка помятый и невыспавшийся — видимо, по причине прошедшего на должном уровне знакомства с разведкой — собрал всех перед разложенной на столе «двадцатипяткой».

— Мы вот здесь, — ткнул в карту. — А вот здесь находится бывшая в Союзе турбаза «Беной», на стыке Шалинского и Веденского района. База долгое время считалась нежилой и порядком разрушенной. Но на днях разведка засекала там передвижение небольших групп неких граждан. А вчера туда прибыла одна из машин сочинского притона. Были в ней девушки или нет, выяснить не удалось. Сделали все грамотно — машину загнали в закрытый пристрой, на виду практически никто не светится. Но выявлены несколько постов с вооруженными охранниками, — командир ткнул в карту, обозначая места «секретов». — Войсковики глубже не полезли. Дальше наше дело. Надо все проверить, но пока на мягких лапах. Важно не выдать любопытства.

Выход прошел удачно. Все задачи были выполнены благодаря выступившим на их стороне лившему словно из ведра дождю и наступившей непроглядной, мрачной ночи. Впервые Кира, промокнув насквозь, радовалась и подзуживала стихию бушевать еще сильнее. И ливень старался от души, загнав охранников базы в теплые помещения, на корню отбив желание вглядываться в современные электронные игрушки. За все время, пока парни устанавливали скрытое контрнаблюдение и прослушку, никто не вышел на крышу, чтобы с помощью тепловизора осмотреть округу. Территория базы словно вымерла, погрузившись в непроглядную темноту, которая бывает лишь во время непогоды в горах.

К себе вернулись промокшие, промерзшие, но жутко довольные. Переоделись, выпили по две кружки горячего сладкого чая и завалились спать с блаженным чувством хорошо выполненного дела.

Непогода, чуть уgomонившись, зарядила мелким дождем, размеренно шурша по брезентовой палатке, погружая всех в меланхоличное настроение. Татьяна читала книгу, уютно укутавшись в армейское синее одеяло. Кира, проснувшись после обеда, выпила предложенный кофе и завалилась дремать дальше, свернувшись калачиком под накинутым бушлатом. Сергей продолжал выстукивать что-то из бруска. Тельч перебирал аккорды на гитаре, выпрошенной у соседей, то ли вспоминая какую-то песню, то ли сочиняя новую. Адиков маялся от безделья, не зная, чем себя занять. Он оказался абсолютно неготовым не только к будням спецназа, но и к элементарному отсутствию интернета. Теперь ему стало представляться, что скука доконает его гораздо скорее, чем какие-то иллюзорные боевики.

Пару раз заглядывали парни из четвертой группы, которым предлагали чай, тепло и полное радушие, а те, хмыкая, говорили, что их на такую мелочевку не купишь, и уходили.

Вечером, хлопнув мокрым пологом палатки, вошел Криницын, осмотрел всех, видимо, остался доволен царившей идиллической походной обстановкой и, усевшись на облюбованную низкую скамеечку возле пышущей теплом буржуйки, сказал, что ночью надо сходить заменить карты памяти и аккумуляторы на установленной технике. Чем, собственно, займутся Бабушев и Телыч, а Кира будет прикрывать их разведуюдную деятельность с прилегающей высоты. Все оживились в предвкушении работы.

— Товарищ командир, а можно я тоже пойду? — Андрей аж сам удивился своему дерзкому предложению, внутренне готовый к отказу.

— Начал хорошо. А насчет «можно» напомнить или сам знаешь? — подкидывая дрова в печку, ответил Анатолий Павлович.

Андрею не было видно лица Криницына, поэтому он не понимал, улыбается тот или сердится.

— Прошу прощения. Разрешите, я тоже пойду?

— Куда?

— Туда... С ними. Я тоже хочу...

— Андрей Дмитриевич, вы себя слышите? «Туда, с ними, хочу...» Потрудитесь подать свое предложение более достойным образом.

И Андрей, вдруг разозлившись на дурацкую ситуацию, запальчиво выпалил:

— Товарищ командир! Разрешите выдвинуться со своей группой для выполнения поставленной задачи. Могу оказаться полезным.

— Другое дело. Разрешаю. Берешь прибор ночного видения и помогаешь Кире в наблюдении. — И уже обращаясь ко всем: — Вопросы есть?

Все отрицательно качнули головами.

— Тогда готовимся. Через два часа выдвигаемся.

С выхода вернулись глубокой ночью. Переступив порог палатки, Андрей облегченно выдохнул, и в этот момент наполняющий его кровь адреналин словно по волшебству превратился в невиданное вино со вкусом эйфории, удовлетворения, воодушевления, и весь этот хмельной купаж тут же разлился по телу, наполняя его приятной усталостью. Он готов был, честное слово, расцеловать не спящую Татьяну, так как безапелляционно решил, что ждет она именно его. Не просто ждет, а переживает! Ведь для него это был первый выход в полный опасностей, негостеприимный окружающий мир.

И теперь, переодевшись в сухое, сидя у печки с кружкой, полной горячего чая, он смаковал каждый момент выхода, проникаясь новым опытом и удовольствием от возвращения. Это было вкусно! И хотелось повторить еще раз. Сейчас он признавался сам себе, что готов участвовать во всех предстоящих выходах.

В эту ночь уснуть Андрей так и не смог.

Следующей ночью они опять выдвинулись к базе. На этот раз Андрей отметил, что более спокойно и уверенно двигается за Кирой. Без особых потрясений добрались до облюбованного места наблюдения. Как и накануне, Андрей через прибор ночного видения оценил, как грамотно сработали Бабушев и Телыч, за считанные минуты, практически незаметно скользя до замаскированных приборов, заменив карты памяти и аккумуляторы. Когда, выполнив свою задачу, парни скрылись в лесной темноте, Кира скомандовала отход, и они, стараясь издавать как можно меньше звуков, двинулись в обратный путь.

Андрей отметил, что уже практически запомнил маршрут движения от лагеря

разведчиков до бывшей турбазы, где сейчас расположились бандиты. Память у него была отменная, это всегда отмечали учителя в школе и преподаватели в медицинском институте. Вообще, взрослые тети и дяди всегда выделяли его из общей массы сверстников: «Андрюшечка хороший, чудесный мальчик, не по годам развитый... Андрюша хороший, начитанный, усидчивый школьник... Андрей хороший, вежливый, спокойный юноша... Андрей Дмитриевич хороший, уравновешенный, корректный коллега». Через все года взросления и становления красной линией шло: «Хороший! Из очень приличной семьи! А вы знаете, кто его мама? Доктор медицинских наук!» И вновь по кругу: «Боже, какой хороший! Какой молодец! Чудесный! Умный. Весь в маму!»

Каким же далеким казалось все это из кавказского леса! Здесь меньше всего надо было быть хорошим, чудесным и вежливым. Его новому окружению не было дела до того, из какой он уважаемой профессорской семьи и какие связи есть у его мамы. С одной стороны, это было настолько непривычно, что Андрей как будто постоянно терял почву под ногами. Но с другой, осознание того, что именно сейчас с ним происходит что-то по-настоящему значимое, как ничто и никогда ранее, воодушевляло его.

Погрузившись в эти размышления, Андрей не сразу понял, почему Кира плавно, словно сброшенный с плеч платок, скользнула чуть в сторону и распласталась на земле. Озадаченно посмотрел на нее, по инерции сделав несколько шагов, практически поравнявшись, а затем поднял глаза и почувствовал, как воздух стал горьким и жестким. Ноги задеревенели и буквально подломились. Наверное, он бы упал, но удержался, осев на корточки и успев обхватить ствол дерева, одновременно с этим пытаясь ужаться в размерах, чтобы спрятаться от медленнодвигающихся прямо на него нескольких темных силуэтов.

Даже проливной дождь не скрывал оружия в их руках и явно недружелюбных лиц. Через несколько минут они подойдут вплотную, и тогда — что?! Перед глазами взметнулся кусочек сна, где чернорододый боевик, смеясь Андрею в лицо гнилыми зубами, пилил ему горло тупым ножом, а в ушах так некстати зазвенел голосок медсестры: «Убьют вас!»

Шею свела судорога, голова безвольно дернулась. «Как же так? Убьют! Сейчас! В плен возьмут. Нет! Не хочу!» Ему было душно и тошно. Мысли галопом вернулись на закольцованный виток: «Что же делать?! Что?!» Наверное, он проговорил этот вопрос еще раз, когда явно материнский голос резко скомандовал: «Чего ты ждешь, тютя! Беги!»

И он, сделав пару шагов на четвереньках, неуклюже поднялся и побежал! Ломая кустарник, понесся, не разбирая направления, лишь бы оказаться как можно дальше от этого чертова места, где сновидение грозило материализоваться в реальность. Бежал, по-спринтерски набирая скорость, ожидая стрельбу за спиной, в спину. Несколько раз оскользнувшись на мокром мху, с головой окунался в кипяток страха, что если упадет, то его обязательно нагонят — и тогда все! И все-таки запнувшись, обессиленно упал в пластилиновую мяшу, когда выбежал к расположению разведки. Где-то там, совсем рядом, за паутиной колючей проволоки, среди палаток шла обычная, практически будничная жизнь, которая доносилась до него такими привычными, почти домашними звуками.

Сердце билось в горле, желудок крутило спазмом, и тело содрогалось рвотным рефлексом, но кроме хрипов ничего не вырывалось. Чуть отдышавшись, Андрей попытался подняться, гонимый единственным желанием скорее перейти эту границу, отделяющую опасный лес от относительно защищенной территории, но, пошатнувшись, чуть не завалился, и рука скользнула по поясу, зацепившись за кобуру. Он судорожно сглотнул. Только сейчас Андрей вспомнил про пистолет. Достал его, вцепившись в холодную мокрую рукоятку двумя руками, разгляды-

вая, словно увидел впервые. Память услужливо процитировала строчки из Лермонтова:

Гарун бежал быстрее лани,
Быстрей, чем заяц от орла;
Бежал он в страхе с поля брани,
Где кровь черкесская текла...

Незнакомый голос в голове робко предложил вернуться и помочь Кире, но вместо этого, не выпуская пистолета из рук, он обессилено завалился прямо в размокшую грязь, подставив разгоряченное лицо дождю.

Кира взглядом выхватила внезапно появившиеся силуэты, и сердце бухнуло адреналином. Не было никаких сомнений, *что* за люди шли им навстречу под проливным дождем с оружием в руках. Не иначе, эти трое имели свой интерес, наблюдая за расположением разведки, — хотя как знать, может, рыскали именно по их души.

Вынырнули боевики неожиданно и так близко, что ей хватило времени лишь быстро подать знак идущему за спиной Андрею и скользнуть на землю, вглядываясь в движение противника — заметили их или нет? Повезло, не заметили, продолжали двигаться медленно, но неотвратимо. Осторожно вытащила из разгрузки гранату, крепко обхватив ребристые холодные бока и скобу, вытянула кольцо и перед броском скосила глаза, выискивая доктора.

В это время Андрей, словно потревоженный кабан, ломанулся не разбирая дороги, сметая все на своем пути, в гущу леса. Его хаотичное передвижение сопровождал хруст, шум и топот, которые далеко разлетались по ночному лесу.

Проводив его быстро удаляющуюся фигуру восторженным взглядом, Кира бросила взгляд на боевиков, готовая все-таки метнуть в них гранату, если те решат открыть огонь. Но оторопевшие бандиты, в свою очередь, вместо стрельбы поминная шайтана и прочую нечисть, метнулись в противоположную сторону, практически синхронно растворившись в дождливой темноте...

Парни, воодушевленные тем, что замена прошла без проблем, своим маршрутом возвращались на базу и прикидывали, через сколько будут в расположении, зная, что нельзя этого делать. Им не терпелось просмотреть отснятые файлы — чутье подсказывало, что работа проделана не зря. Двигались быстро, отмахивая километраж проверенным, уже не раз пройденным путем, и Телыч, почувствовав скользнувшее по берцу упругое натяжение, с досадой выругался про себя: «Да ну на...», одновременно выкрикнув напарнику:

— Растяжка!

Падая на землю, пытаюсь сжаться, прикрыв голову руками, но все равно попадаю под взрыв, который ударной волной опрокинул его, накрыл огненной вспышкой.

Пришел в себя, еле разлепив глаза. Казалось, что даже соприкосновение ресниц причиняет боль, которая гулом растекалась по голове, шее и левому боку. Каким-то образом осознал, что растекается не только боль, но и кровь. Пошевелил конечностями — руки-ноги были целы. Попытался подняться, но левую сторону тела прошла боль — уже острая, пронзающая, заставив его замереть, задержать дыхание.

— Подожди, Телыч! Я сейчас обезболивающее поставлю, — Сергей уже был рядом, вытащил из подсумка шприц-тюбик, крутанул крышку и, не раздумывая, вколол иглу в левое плечо. Промедел действовал быстро, затуманив голову, делая боль уже не такой значимой. Телычу тут же захотелось закрыть глаза и про-

валиться в накатившее безразличие, но Сергей приподнял его, слегка тряханув за шиворот:

— Тельч, вставай! Соберись! Пошли! Мы рядом с базой. Там отлежишься! Док тебя подремонтирует.

Андрей в нерешительности замялся у входа в палатку, прикидывая, что сейчас будет говорить, как объяснять произошедшее, как объявить Криницу, что где-то там, в лесу, Кире нужна помощь, а может, уже и не нужна, а главное — почему он здесь.

Но Анатолий Павлович сам выскочил из палатки, практически столкнувшись с ним.

— Док, отлично! Давай быстро в медчасть! Парни подорвались! Там сейчас Татьяна... — и, притормозив, взглядевшись в Андрея, озабоченно спросил: — Ты чего такой грязный?

— Кира там...

— Кира Татьяне помогает. Давай, док, быстрее. Надо понимать, сам справишься или эвакуацию организовывать.

— Я сейчас, умоюсь только, — Андрей облегченно выдохнул.

Остаток ночи Андрей вытаскивал из тела Тельча острые, похожие на обрывки фольги осколки гранаты и сшивал порванную плоть. На операционном столе при детальном осмотре все оказалось неприятно, но не так страшно, как вначале. Тельчу повезло — взрыв лишь краем скользнул по левому боку, посек и оглушил, но ничего более. От эвакуации было решено отказаться.

— Ничего, ничего, сами на ноги поставим. Отлежится пару дней и опять как новенький будет, — пробормотал Андрей, удовлетворенный своей работой, отметив уже про себя, что и в этот раз руки его не дрогнули.

При осмотре Сергея он выявил пару царапин, несколько ссадин и звенящую голову. Не удержался и предложил смазать их зеленкой. Бабушев ожидаемо послал Адикова лесом и даже немного полем и, узнав, что отключившийся Тельч останется на ближайшее время в медчасти и более он ничем полезным быть не может, отбыл отдыхать. А вернее, выпив таблетку от головной боли, направился к Кире, которая просматривала и прослушивала принесенные карты памяти. Ему не терпелось узнать, есть толк от их мероприятия или вся эта суетная ночь прошла впустую. Благо, что она уже сменялась отсыревше-стылым рассветом.

Татьяна поменяла капельницу.

— Вы молодец, Андрей Дмитриевич! Давно не видела в военной хирургии такой аккуратной, почти ювелирной работы. Идите отдыхать, я подежурю.

Андрей действительно почувствовал, как сильно устал за эту длинную ночь. Молча кивнул, снял операционный халат и вышел из палаты. Как сложно все было в этой непростой командировочной жизни — вот ты трус, и тут же, совсем рядом — профи. Молодец... Надо же, именно здесь и сейчас это была настоящая похвала, заслуженная и даже приятная. Без налета фальши и подхалимажа. Все-таки как далеки эти два мира, военный и гражданский. Какие разные ценности...

ПОДРЫВ

Криницын оглядел собранный личный состав.

— В полученной информации фигурирует сегодняшний вечер и два блокпоста в Грозном. Что там будет происходить, непонятно. Бандиты общались кодовыми словами. На расшифровку нет времени. Поэтому надо ехать и смотреть на месте. Предположу, что, скорее всего, передача девушек. Если так, то дальше наша за-

дача их не потерять, выйти на место дислокации. Третья группа в усеченном составе — без Татьяны и Тельча — выдвигается до двадцать первого КПП, а четвертая до бывшего печально известного пятьдесят третьего. Будете на легковушках. Продумывайте легенды, паркуйтесь рядом, а дальше — во все глаза и по обстоятельствам. Вопросы есть?

Вопросов не было. Третьей группе по причине малочисленности выделили трехдверную «Ниву», которую со скорбью осмотрели Бабушев с Кирой, кивнув Адикову, чтобы он лез на заднее сиденье. До него донеслось их недовольное ворчание «Какой идиот поставил на войну этот гроб на колесах?» и «Если что завертится, то доку хана». Последнее насторожило Андрея, обдав душу холодом. Он еще не отошел от давешнего ночного приключения, но отказаться ехать язык не повернулся.

Четвертой группе достались две серебристые «Приоры». Все расселись по машинам и, дождавшись отмашки командира, колонной двинули из расположения, быстро набирая скорость в направлении Грозного.

Уже в городе, кратко перемигнувшись друг с другом фарами, группы разъехались. Криницын убыл с парнями из четвертой. В перехваченных переговорах упор делался именно на пятьдесят третий «блок». Да и место там было удобное для темных дел — окраина города. Когда-то давно именно там расстреляли Сергеево-Посадский ОМОН.

«Нива» же с третьей группой не спеша катила по дороге, подъезжая к намеченному для них блокпосту. Местность была удобна для просмотра: с одной стороны — частный сектор, огороженный заборами, с другой — пустырь. Повезло и с тем, что недалеко — а вернее, практически под боком КПП — находилась небольшая стоянка, куда качками и рывками, согласно намеченной легенде, доехал отечественный внедорожник и, заглохнув, встал как вкопанный на свободном месте. Из машины, не торопясь, вылез ворчащий себе под нос злые ругательства здоровый мужик в натовской черной форме и, открыв капот, начал копаться в моторе. Когда к нему, придерживая на весу автомат, подошел молоденький чеченец-контрактник поинтересоваться, в чем дело, то Сергей по-деловому, немного с напором поприветствовал «коллегу» крепким рукопожатием, отругал вечно ломающийся автопром и спросил, где ближайший магазин. Хмуро глянул в указанном направлении, запер машину и без лишних разговоров двинул по дороге пешком. Обернулся, попросив на прощание ошарашенного сотрудника приглядеть краем глаза за его ведром, пока он будет искать запчасти, а скорее всего, завтра придет со своими бойцами и еще одной машиной, чтобы отбуксировать ее к себе на место дислокации в Заводской отдел. Когда Сергей скрылся из виду, проверяющий бегом осмотрел машину. Ничего подозрительного в пустом салоне не приметил и со спокойной совестью удалился обратно на блокпост.

Кира, наблюдавшая из багажного отделения за уходящим сотрудником, удобнее устроилась в сооруженном из подручного материала кресле, настроила видеокамеру на пропускной пункт, налила из термоса чая и спросила Андрея, не устали ли лежать в небольшом промежутке между сиденьями. Из-под накидки осторожно высунулся доктор и вопросительно глянул на Киру. Та кивнула на тонированные задние стекла и разрешила вылезти. Когда доктор вернулся на сиденье и блаженно вытянул ноги, она передала ему чай. Ожидание обещало быть длинным и скучным.

Андрей сам не заметил, как, погрузившись в неспешные мысли, задремал и в испуге встрепенулся от звука осторожно открывающейся двери. В салон незаметным, крадущимся движением вскользнул Бабушев, плашмя устроившись на передних сиденьях, тут же вновь от души отругав неудобную конструкцию, вынул из-за пазухи аппетитно пахнущий пакет с еще теплыми пирожками. Достал один

и, недолго думая, с удовольствием вцепился в него зубами, отхватив изрядный кусок. Аромат свежей выпечки наполнил машину. Желудок у Андрея скрутило.

— Что-то на «блоке» народу больно много для обычной смены. Даже полкан в папахе каракулевой мелькает. Как ему только не жарко? — Сергей в два жевка доел пирожок и тут же достал следующий, от которого тут же смачно откусил.

Кира проверила камеру, поиграв зуммером на приближение-отдаление, нашла мужика в огромной, практически генеральской папахе и в восхищении цыкнула зубом:

— Какой важный дядя и почему-то не дома! Хотя по моим уже восемнадцать нуль-нуль перевалило. Не иначе, перерабатывает. Бабуля, ты офигел уже третий пирог жрать! Знаешь, что на спине есть нельзя, можно подавиться и тем самым нас демаскировать!.. Док, скажи ему!

Доктор тут же кивнул:

— Сергей Васильевич, действительно, есть на спине нельзя. Можно подавиться. И мне будет крайне несподручно оказывать вам помощь в этом, с ваших слов, ржавом ведре.

— Хотите пирожок? — Сергей достал себе еще один и протянул Андрею пакет. — И Кирюхе передай, а не то хана нам обоим случится.

— Позволю себе не отказать, — Андрей взял бумажный сверток, ощутив ладонями приятное тепло, и приготовился извлечь вожделенное содержимое.

Но тут Кира озадаченно пробормотала:

— Это еще что?..

Андрей и Сергей тут же устремили взгляды в сторону КПП, где все заметно оживилось. Сотрудники в возбуждении вывалились из укрепленного помещения и, гортанно переговариваясь, начали указывать друг другу куда-то вдаль, лязгая оружием, досылая патрон в патронник.

— Что происходит? Кира, ты видишь, куда они указывают? — Сергей пытался взглянуть в наступающие сумерки, но безрезультатно.

— Сейчас... — Кира перевела камеру на дорогу и максимально увеличила разрешение. — Вижу. Женщина какая-то идет. Одна. Далеко. Реально одна. Чего это она?

— Чего это они? — пробормотал Андрей, указывая на сотрудников.

— Ого! — озадаченно протянул Сергей, глядя, как чеченцы, кратко крикнув что-то идущей женщине, вдруг вскинули автоматы и начали в нее стрелять. В ответ незамедлительно прогремел взрыв, взметнувший часть разорванного тела вверх.

— Крепко! Это типа мы стали свидетелями почти совершенного теракта?

— Хренакта! — зло пробормотала Кира. — Цирк какой-то устроили. Пока эти себе медали не стрелявшие собирались, полкан даже за укрытие не удосужился зайти, по телефону названивать стал. Похоже, сообщал, что ликвидировали смертницу. Надо бы сваливать отсюда. Скоро здесь столько народу будет — мама не горюй.

— Согласен. На машине нам сейчас незаметно не уехать, придется ножками сваливать. Э-эх... не запалиться бы... Блин, так и подмывает посмотреть, кого они так героически победили.

— Анатолий Павлович, это была Карина, — Сергей отвел глаза от Киры.

— Вот оно, значит, что... Неплохо живут наши чеченские коллеги. Устроили себе оплаченные подвиги и ликвидации незаконных бандформирований, — Криницын внимательно просмотрел полученный материал, повторно прокручивая некоторые фрагменты, сверяя время с предоставленной сводкой. — Уже, наверное, и наградные подготовили. Это же как достойно звучит — предотвращенный теракт, ликвидированная смертница, нулевые потери личного состава. Тя-

нет на героев России! — Анатолий Павлович задумчив выстул незнакомый такт карандашом по столу. — Ну, мы устроим этому полкану в папаше награждение со всеми почестями. Где, я думаю, он нам и поведает, кому оплату провел. За эту ниточку и потянем, — и уже обращаясь непосредственно к понуро сидящей Кире: — Не переживай, аукнется им еще твоя подруга.

— Ну что, ребятки, полкан заговорил. Да что там — запел! Есть три адреса. В первый входит четвертая группа, во второй входят наши коллеги, а в третий — отличившаяся третья. Бабуля... тьфу ты, то есть, Сергей, это резервный адрес, но все равно — во все глаза. Вопросы есть? Нет. Тогда пятнадцатиминутная готовность. Разойтись. Кира, останься.

Все дружно поднялись и поспешили на выход. Пятнадцать минут — небольшое время. Когда в кабинете никого не осталось, Анатолий Павлович пристально взглянул на подозрительно спокойную девушку. Настораживало его, что в такие моменты он не понимал, не чувствовал, что можно от нее ждать.

— Кира, ты как?

— В порядке. Готова к выполнению поставленной задачи.

Командир попытался подыскать нужные слова, но нашлись лишь:

— Ты же понимаешь, что было без вариантов...

— Так точно, — Кира скосилась на дверь. — Разрешите идти. Времени мало осталось.

Анатолий Павлович кивнул.

КРЕЩЕНИЕ

— Моя ты красотуля! — расплылся в плотоядной улыбке Сергей, с восторженным умилением разглядывая в бинокль крепкого, с круглым пузиком, низкорослого бородача, вышедшего по хозяйским надобностям во двор небольшого однокомнатного домишки. Тот своей шарнирной походкой, размашистыми жестами и белолампасным черным адидасовским костюмом напоминал персонажа с рынка, колоритно завершая образ надетыми на босу ногу остроносими ярко-рыжими туфлями. Подмышки олимпийки красноречиво топорщились, выдавая контуры покоившегося в плечевой кобуре пистолета. В мазанке крепыш то неторопливо прохаживался по комнате, размышляя о чем-то своем, то пил чай из пиалы, то курил, стряхивая пепел прямо в окно, поглядывая в бубнящий телевизор.

— Надо же, такой сладкий пряник — и один, — притворно вздохнул Бабушев.

— Нам легче, — поддержала друга Кира. — Как только он пигальман сядет чистить, так сразу наш выход.

Андрей терялся в догадках от непонятной радости Сергея и предположения Киры, что бандит сядет чистить оружие, но расспрашивать не решился. Тем больше был удивлен, когда тот действительно достал пистолет, покрутил в руках, как-то по-киношному поперекидывая из руки в руку и прицелившись в стену, сымитировал стрельбу.

— Ба, да у нас «дядя Степа»! — цокнул языком Бабушев.

— Кто? — окончательно запутался Андрей.

— Не кто, а что, — поправила Кира. — АПС⁴ у него. Готовься, медицина. Мы первые входим, ты за нами. Тыл на тебе. Так что крути башкой. Понял?

Андрей ничего не понял, но послушно кивнул.

Когда чернобородый положил перед собой магазин, отделил затвор и снял возвратную пружину, Бабушев и Кира, сняв свое оружие с предохранителей, сколь-

⁴ АПС — автоматический пистолет Стечкина.

звонкими тенями двинули в обход двора. Легко, практически бесшумно перемкнули через невысокий полуразвалившийся забор и, на секунду замерев перед входом, словно вслушавшись в задверную жизнь, с грохотом вломились, практически сорвав ее с петель.

Андрей приотстал, преодолевая забор, внутренне позавидовав той легкости, с которой его штурманула эта двойка. Из дома уже доносился характерный шум и слезливые причитания толстяка, из чего Андрей сделал вывод, что Сергей сразу приступил к получению информации. Смотреть на кроватную бойню он не желал и поэтому, помявшись в крохотной прихожей, заглянул в приоткрытую кладовку. Она оказалась больше, чем Андрей ожидал. Из сумрачной прохлады приятно тянуло старым деревом и копченостями. На полках призывно вырисовывались контуры банок с соленьями и непонятные ящики. Разглядеть, что в них находится, из коридора было невозможно, и доктор, влекомый любопытством, вошел в царящий полумрак. В ящиках громоздился различный хлам. Андрей брезгливо разглядывал содержимое — позолоченные турки, кофейные чашки с витиеватыми узорами, запыленные вещи, несколько микроволновок, утюги и прочий домашний скраб. В удивлении уставился на сваленные на одну из полок стопку икон и серебряный, на пять рожков, подсвечник. Рука потянулась к тусклому металлу, и он, приподняв, удивился его основательному весу.

В это время за спиной тихо скрипнула половица. Андрей развернулся и тут же осип, не в силах закричать от увиденного — на него в косом свете, падающем через небольшое уличное окно, смотрело перекошенное злобой лицо безносого одноглазого мужика с короткой курчавой бороденкой по подбородку. Обезображенный, прошипев что-то очень злобное, ринулся на доктора, который в предсмертном смятении понял, что блеснувший на долю секунды в отсвете предмет является ножом, которым сейчас его будут резать. И, теряя твердость в ногах, он тем не менее из последних сил — в попытке защититься, прикрыться от приближающегося ужаса — взмахнул тяжелым свечником, и одноглазый, уже находившийся в шаге, вдруг охнул и начал заваливаться вбок.

— На помощь... — наконец-то смог прохрипеть Андрей, но на помощь к нему уже бежали. Вспыхнул свет, и через проем тут же заскочила Кира, а следом, практически неотрывно, Сергей, в движении обшаривая стволами открывшееся пространство и в итоге направив стволы на распластавшееся тело. Девушка озадаченно уставилась на крупную каплю крови, которая, чуть зависнув, все же слетела с крепко удерживаемого доктором витиеватого предмета.

— А-фи-геть! — протянула она. — Док! Ты своего первого бандита завалил канделябром.

У Андрея окончательно подломились ноги, и он обессиленно осел, медленно переведя взгляд с валяющегося тела, из-под которого уже начала растекаться лужа крови, на Киру. В голове еле-еле ворочались мысли, эхом отражая сказанное: «Убил... Я убил!.. Вот я и стал убийцей!»

Ему нестерпимо захотелось заплакать, но он удержал всхлип.

Сергей подошел к убиенному и попытался прощупать пульс. Затем рывком развернул тело, взгляделся в изуродованное лицо, приподнял веко, посветив в единственный глаз фонариком, и скомандовал:

— Отставить почин. Клиент скорей жив, чем мертв, но приложил ты его душевно.

— Док, возвращайся из шока, — Кира попыталась разжать сведенные пальцы и вытащить подсвечник. — Твое злодейское крещение не состоялось. Теперь вставай и иди, проявляй приступ человечности.

Андрей, глупо хихикнув, закрыл глаза и облегченно привалился спиной к стеллажу...

— Циклоп, ты же нормальный боевик, а не дебил! Хучбаров абы кого в «телки»⁵ не взял бы. Че ты мне лепишь! Какой ты Мусса Алиев? С такой-то приметной мордой, — и отвесив крепкого леща по аккуратно забинтованной голове, Сергей добавил уже без реверансов: — Адреса! Адреса-аа! Быстро!

Безносый продолжал молчать, испекая Бабушева своим единственным глазом, который уже начал затекать наливающимся синяком.

Андрей вздохнул: ему было непонятно это упрямство, которое в итоге лишь обозлит Сергея, умеющего добиваться своего. Словно услышав мысли доктора, боевик скосил на него злобный взгляд, цокнул языком и, оскалив странно смотрящиеся на обезображенном лице белоснежные фарфоровые зубы, попытался рывком дотянуться до его ног. Стоявшая между ними Кира не стала любопытствовать, что задумал связанный бандит. Ну не колено же отхватить своей бульдожьей пастью! И взмахом берца остановила этот бесперспективный порыв. Боевик завалился на бок и зашипел, словно разъяренная кошка. А Кира, присев на корточки, рывком перевернула его на спину, на связанные руки:

— Что, Циклопчик, больно? А чего ты ожидал, каких церемоний? Солдатикам горло резал, животов вспарывал, руки ломал. Нехорошо это, вот и мы нехорошо поступим. Думаешь, пристрелим или передадим прокуратуре? Нет, мы иначе сделаем. Я верну этому стабильно злому человеку его любимым канделябр, — она кивнула на Адикова, — и он цинично будет бить тебя, пока твоя дурная головешка не расколется, как тухлый орех, а потом... А потом приедут журналисты, и интернет взорвется фотографиями с кричащими надписями: «Один из самых жестоких боевиков был забит канделябром!» Или даже так: «Телохранитель Хучбарова найден мертвым с канделябром в ж...» Прикинь, ужас какой! А журналисты... они такие — им лишь бы какую гадость посмаковать!

— Отвали, баба! — просипел бандит, приподнявшись, но Кира пальцем пригвоздила его голову к полу:

— Цикло-оп! Канделябр! Ты думаешь, нам очень хочется адреса именно от тебя услышать? Адреса нам этот кругляшник скажет. Скажешь ведь? — Она взглянула на второго, и тот с готовностью, торопливо закивал. — Вот! Нам все расскажет Эминчик — и будет жить. А ты пойдешь звездой на первые страницы скандальных изданий.

Боевик скосил полный презрения взгляд на товарища и разразился руганью на чеченском.

— Ой, все! Пойдем, Эмин! Не слушай этого грубияна! — И Кира, ловко подхватив под мышки толстяка, помогла тому подняться и вывела на негнущихся ногах в коридор, где усадила за стол, положила бумагу, ручку, включила диктофон и, развязав руки, ласково, но с нажимом, сказала:

— Пиши.

Тот, кивнув и утерев сопли и слезы рукавом олимпийки, стал быстро что-то записывать на листке крупным, размашистым почерком.

— Ну вы, чертяки, и счастливички! Второй джек-пот выхватили. Не иначе, оперской божок вас в лоб расцеловал! — бил здоровый, больше двух метров ростом, особист, который довольно ловко для своих габаритов выпорхнул практически на ходу из подъехавшего джипа и рванул к спецназовцам, пылко пожав им руки. Следом из остановившейся машины вылез каких Эмиций. Для стороннего взгляда лицо его не выражало практически никаких эмоций, но Кира отметила, что командир доволен, причем с большой буквы «Д». Ему было приятно, что его люди стали причиной неподдельной радости полковника с позывным «Валуев», с кото-

⁵ Здесь — телохранитель.

рым они давно были в здоровой товарищеской конкуренции. Ценили за достойные дела друг друга и по-хорошему, по-мужски, всегда поздравляли с достижениями. Это соперничество не мешало иногда и сотрудничать, как, например, сейчас. Ведь все, что касалось экстремизма и терроризма на этой земле, в данный момент было в зоне ответственности данного сотрудника.

— Анатолий Павлович, удружил! Завтра же наградные листы уйдут туда! — «Валуев» многозначительно указал наверх. — Давайте, бомбите своими успехами до конца!

Бабушев кивнул на дом, пропуская полковника вперед:

— Вот, познакомьтесь, Эмин Хитоев. Очень раскаивается в том, что однажды оступился и выбрал не тот путь. От всей души желает загладить свою оплошность. Готов сотрудничать.

— Да, да, очень хачу! Всей душой хачу! — боевик, до этого сидевший на стуле, словно примерный школьник, робко поднялся и протянул сияющему особисту пачку исписанной бумаги. Посмотрел на него снизу вверх, до упора запрокинув голову, и тут же добавил: — Гатов еще что-нибудь вспомнит!

— Мои вы соколики! Это прям сладкий сон! — «Валуев» весомо покачал в руках бумаги.

— Это, так сказать, на благо Родины. А вот в комнате — лично для вас, товарищ полковник.

— Что может быть луч...

«Валуев» перешагнул через порог, и все веселье с него словно ветром сдуло. Он замер, и лишь здоровенные ладони, до этого дружелюбно порхавшие в унисон с настроением хозяина, с хрустом сжались в пудовые кулаки. Андрей не видел лица особиста, но каким-то образом почувствовал, как его глаза налились чернотой, скулы затвердели, губы сомкнулись в плотно сжатую дугу, уголками вниз. Долгую минуту он разглядывал привязанного человека, а затем, оглянувшись на Криницына, произнес совершенно другим голосом:

— Отныне я твой должник. В любое время тебе достаточно будет только позвонить.

Затем быстрым движением, выдающим в нем хищника, повернулся к спецназовцам:

— Благодарю за службу. Завтра наградные лично подпишу. Хитоева передайте моим бойцам. А сейчас мы с вами прощаемся.

Они вышли, и Анатолий Павлович плотно прикрыл за собой дверь, оставив этих двоих внутри вдруг ставшей еще меньше комнаты.

Без разговоров подхватили вдруг начавшего голосить и причитать, словно баба, Хитоева. Вывели его во двор и передали двум бойцам в камуфляже без знаков отличия, лишь чуть-чуть уступающим своему командиру в телосложении. Те точно так же слаженно под руки подхватили боевика.

Адииков шел позади всех, подавленный происходящим. Душу щемило от почти физического ощущения чего-то страшного. Его пугала столь быстрая смена радужия полковника в нечто для него запредельное. И меньше всего Андрей хотел бы узнать, что будет происходить там, за запертыми дверями. Сев в машину, он насуспенно пробормотал, обращаясь вроде бы ко всем — и одновременно ни к кому:

— Он должен передать его властям.

— Должен, но не будет, — ответил Бабушев.

— Но это неправильно.

— Может быть. Но не сейчас.

— Тогда чем он отличается от них?

— Слушай, моралист, одну историю, — Криницын обернулся и посмотрел в упор на доктора. Тому стало не по себе, но взгляд он не отвел. — Когда-то давным-давно жил в соседнем городе Гудермесе один хороший парень. С семьей жил, с

матерью, отцом, двумя младшими сестренками, а позднее жену привел. Дочка родилась. Хорошо жили, дружно. Дом у них большой был. Сад. Парень умница, спортсмен, еще в армии отличился, пограничником, затем в Москве институт КГБ с красным дипломом окончил. По распределению предложили в столице остаться. Служба у него в гору как-то сразу пошла. Толковый не по годам был. Уже подумывал, как жену с дочкой к себе забрать. Тогда это сложно было, времена непростые наступили, страна по кускам разваливалась, зарплата копеечная, да и ты с задержкой платить стали. Сам в общезнании жил. Да все бы это победил как-нибудь, только на дворе девяносто четвертый год наступил, а он медлительность много кому не простил. Однажды жена по телефону со слезами рассказала, что совсем неладно кругом становится. Он, как мог, успокоил, сказал, что все решит. Да только ничего не решалось. А когда плюнул и домой рванул, взяв отпуск за свой счет, то опоздал. Накануне боевики в их дом ворвались. Отца как единственного мужчину ножами затыкали. А остальных... всех остальных несколько дней палками били и насиловали. Потом и их забили. Бросили там же и ушли, не прикрыв дверей. Не знаю, как от увиденного парень наш умом не тронулся. Без истерик и пьянства всех своих похоронил. Дверь в свой дом заколотил. А вот в соседские дома постучался. Пообщался с соседями, с которыми всю жизнь бок о бок жили, да только те, оказывается, ничего не слышали и не видели — и знать его больше не хотели. Одна лишь русская старушка, бывшая учительница местной школы, рассказала, что произошло. К ней в тот день тоже один из бандитов вломился, дверь выбив и вышвырнув ее во двор, — бывший ученик, из девятнадцатого дома, Ташиком его все звали.

Парень наш учительницу поблагодарил и уехал в столицу, но уже вскоре вернулся с оружием и соответствующими полномочиями. На зачистке заехал проведать старую учительницу, но наткнулся лишь на отрезанную голову на книгах в сарае. Отомстили ей за доброту и сотрудничество. Времена неслись лихие и кровавые. Правда, Ташика вскоре нашел, и тот ему подробно все рассказал: кто с ним был, откуда, а еще то, что в дом его пришли целенаправленно — те же соседи шепнули, что сынок у них краснопогонник. Главным оказался в их группе интересный персонаж, в одном из боев в Грозном получивший нехилое ранение и впоследствии, по выздоровлении, погоняло — «Циклоп». И если все причастные к произошедшему свое заслуженное наказание понесли, то главаря парень наш искал аж до второй кампании, а там информация прошла, что телохранитель Хучбарова — Циклоп — был убит при боестолкновении с федералами. Оснований не верить источнику не было, но он решил все-таки найти и допросить лично Хучбарова, но не успел. Тот со своими людьми захватил школу в Беслане, где при штурме был убит. Так в деле кровной мести была поставлена точка. И надо же так случиться — однажды много лет спустя парень, который стал к тому времени уважаемым боевым полковником, прибывает по приглашению в один дом и там встречает не успокоившегося — а вернее, не упокоившегося — Циклопа. Судьба! Почти хэппи энд. А лично вам, товарищ доктор, я так скажу: этот парень точно отличался от тех бандитов, но они сильно постарались, чтобы его изменить. Этим двоим есть о чем поговорить с глазу на глаз. А как разговор протекать будет, это уже не наше дело.

Круницын посмотрел на управляющего машиной Бабушева, и тот, не отвлекаясь от дороги, отчеканил:

— Так точно. Не мое.

Посмотрел на Киру, и та тут же с готовностью подтвердила:

— Вообще не мое!

Перевел взгляд вновь на Адикова. На этот раз Андрей скосил взгляд в окно, пробормотав:

— Наверное, вы правы.

На базе встречать их вышли Телыч и Татьяна. Кира, закинув автомат за спину, аккуратно обняла товарища, радуясь, что тот вполне бодрячком, на что Телыч возразил, что на самом деле он практически при смерти, но они утащили с собой доктора, а без него помирать удовольствие не то.

Бабушев крепко пожал товарищу руку, расплываясь в улыбке:

— Пока ты тут чах, мы все медали собрали, так что можно домой возвращаться.

— Как возвращаться? — встрепенулся Телыч.

— Шутят они, балбесы. Самое интересное впереди намечается, — усмехнулся Криницын. Он тоже был доволен, что Телыч так быстро оказался на ногах.

Адииков же, удивленно изломив бровь, скомандовал:

— Пройдемте в перевязочную. Мне необходимо осмотреть процесс заживления.

— Иди, Телыч, пока наш доктор тебе по шее не дал. Он тут самого Циклопа пленил. Так ему засветил, что того как автогеном срезало, — просияла Кира.

— Да ладно! Самого! — Телыч в упор взглянул на понурившегося Андрея, который лишь пробормотал, стараясь придать голосу строгость:

— Мне неприятно это вспоминать. Ничего выдающегося. Идемте, Александр, все-таки рано вы позволили себе вольности.

Все проводили их взглядом, молча пытаясь определить, насколько Телыч готов к дальнейшей работе.

СЕРГЕЙ

На следующее утро Кира проснулась рано. Резко открыла глаза, мгновенно вышагнув из сна. Осмотрелась. Тихо. Все спали. Сырой рассвет, словно переводная картинка, только-только начал проступать, высвечивая очертания предметов из темноты. Девушка поднялась, накинула куртку и вышла из палатки, тут же окунувшись в густой влажный туман, который пористой пеной окутал все вокруг, размывая и преломляя окружающую реальность. Запахнув плотнее полы камуфлированной куртки, села на скамью у палатки, глядя дивясь в окружающую марь.

«В таком тумане живут мечты и чудовища. Весь вопрос, кого позовешь ты?» — вспомнились слова Тамары о подобном «молоке». Сейчас легче всего было увидеть страшное: например, что в этот самый момент часовых вырезали — и, скрываясь за природной маскировкой, их окружают боевики. Усмехнулась, но все же положила руку на пистолет в набедренной кобуре.

«Есть другая сторона вопроса, а кем тебя увидят из тумана? — мысленно ответила она подруге. — И я могу стать для кого-то кошмаром. А могу надеждой».

Клубы облачного пара качнулись, словно кивнули ей: «Правильно думаешь».

«Я хочу понять, как помочь Сергею и его сыну», — немного чеканно проговорила она в голове и тут же, словно вслушавшись в правильность этой мысли, повторила уже вслух:

— Я хочу помочь им встретиться!

В ответ туман за клубился, заворачиваясь в дымные серые спирали, словно от порыва ветра, а может, приглашая ее шагнуть в его пугающую глубину.

— Я не боюсь! — голос прозвучал с вызовом, но душа необъяснимо сжалась. По спине прошелся холод, словно не было на ней теплого бушлата.

«Значит, иди!» — прозвучало где-то рядом, толкая ее из привычного внутреннего комфорта понятных и простых вещей. И Кира, больше не размышляя, не оставляя себе шанса передумать, поднялась и решительно шагнула в непроглядье. И оно в тот же миг поглотило, укутало своей невесомой завесой, сразу стерев и палатку, и скамью. Девушка пошла вперед, готовая упереться в стоящую в этом направлении палатку четвертой группы. Но ее не было! Прошла еще десяток мет-

ров, но и тут ничего. Совсем. Посмотрела под ноги — обычная, утренняя влажная трава. А вокруг белесо-серебристая пелена — плотная, вязкая, живая.

«Занятно!» — сказала она сама себе и побежала — спокойно, словно по беговой дорожке стадиона. Отмечая, что тело внутренне готово к внезапной встрече с каким-либо препятствием — ограждением, колючей «егозой», часовым, а может, как в недавно проскользнувшем видении, с пробравшимся на их территорию боевиком. Вот он обалдеет, когда она собьет его, крадущегося, с ног. Хохотнув от этой зазорной мысли, Кира прибавила скорости, точно зная, что ничего подобного не встретит. Она была свободна, легка и стремительна. Казалось, что вот сейчас, оттолкнувшись в упругом прыжке, заскользит в этом упоительном тумане, подобно выпущенной пуле. А еще, что может бесконечно вот так бежать, вдыхая полной грудью невесомую водяную взвесь росной пыли, рассвета, судьбы и счастья. Ей хотелось смеяться и плакать, раствориться в этом безвременье, а потом вновь собраться, но уже наполненной, обновленной, иной и в то же время прежней. Хотя, может, все это уже происходило с ней. И она совершенно не удивилась, когда перед ней проступили очертания величественной, уходящей могутным стволом в небо, а плакучими ветвями к земле, царственной Ивы. И словно преклоняясь перед ней, до этого вездесущий туман истончался, в почтении отступая. Зато Кира обрадовалась этой встрече, устремляясь вперед и раскинув руки с душевным ликованием, прижалась к ее грубоватой, но теплой коре. И тут же словно провалилась в нее, становясь частью той самой ветлы, которая стоит на границе между царством мертвых и живых, впитывая и принимая это знание.

— Я тоже ветла! Пусть лишь веточка этого необыкновенного дерева, но имеющая право быть и там, и здесь. А еще я могу найти в тумане того, кто необходим!

Кира, замороженная этим откровением, перед тем как обернуться, представила своего друга, выхватывая его образ из темноты. И тут же за спиной послышался треск ломающихся кустов и чертыханье Сергея:

— Кируха! Какого пня ты тут разгуливаешь? Обалдела, что ли?! Мы тут с Телычем к хренам собачьим все заминировали! Не знал, что ты во сне бродишь!

Оборачиваясь на его окрик, Кира прижала палец к улыбающимся губам:

— Тссс... посмотри, кто тебя здесь ждет!

Сергей недоуменно замер. А она, чуть обойдя иву и заведя руку за ствол, шепнула: «Пошли. Он здесь!» — и тут же почувствовала в своей ладони доверчивую детскую ладошку. Сделала шаг навстречу товарищу, выводя из-за дерева маленького взлохмаченного мальчишку. И здоровый спецназовец, в разгрузке, с оружием наперевес, замер на полуслове, тут же бросив автомат, который обиженно качнулся на одноточечном ремне, и закрыл лицо руками, отказываясь верить увиденному.

— Папа... — мальчик подошел и робко прикоснулся к запыленному камуфляжу отца. Сергей, вздрогнув, опустился на колени, с усилием отрывая ладони от глаз, в отрицании мотая головой:

— Этого не может быть! Так не бывает...

Но, взглянув в лицо сына, тут же испугался сказанного и жадно обнял парнишку, ненасытно втягивая такой родной детский запах и целуя, целуя без остановки, выдыхая одно лишь слово: «Алешка!»

Дождавшись, когда наплыв эмоций чуть стих, Кира потормошила друга за плечо. Сергей ошалело глянул на нее, продолжая нежно, но крепко удерживать сына.

— Он хочет что-то тебе сказать.

Сергей с готовностью кивнул и посмотрел на сына, чуть помешанно улыбаясь.

— Да, Алешка! Говори, сынок! Говори...

И мальчишка, словно став взрослее своих лет, проговорил, слегка отстраняясь:

— Папа, я умер.

На что Сергей, каменя всем телом, просипел:

— Нет! Сынок! Нет, ты не умер! Ты же вот...

— Папа, я умер. Отпусти меня. Пожалуйста.

— Как это — отпустить?! Я не могу!

— Когда-нибудь мы обязательно встретимся.

— Алешка... Я не хочу когда-нибудь... Не могу опять тебя потерять... Я так по тебе скучаю! — Сергей, не обращая внимания, что по щекам текут слезы, иступленно взглядывался в сынишку, вспоминая его, запоминая, понимая, о чем он просит, но не принимая этого.

— Спецназовцы умеют отпускать. Они сильные! Так ведь, пап? — мальчишка серьезно смотрел на взрослого, растерявшегося мужчину.

— Так...

— Пап, я очень тебя люблю — и маму! Но есть что-то большее...

— Смерть? — предположил Сергей.

— Судьба, — поправила Кира.

— Судьбы, — согласился Алешка.

Кира посмотрела, как огромная, в небо, ветла зашумела листвою, торопя — время было на исходе. И ей пришли нужные слова для друга:

— Сейчас ты можешь успеть сказать либо что-то очень важное своему сыну и попрощаться, либо пожелать, чтобы он и дальше бродил за тобой незримо. Тебе решать. Но помни — мы должны уважать судьбу другого.

Было видно, как Сергей колеблется, терзаемый сильнейшей внутренней борьбой. Сухие губы беззвучно шептали, убеждая сына остаться с ним, забрать с собой вот прямо сейчас, и тут же доказывая всем, что это безумный сон и он хочет проснуться, а вернее, уговаривая кого-то, чтобы это видение не кончалось. Но, взглянув в глаза ребенка, осекся, запнувшись на полуслове и укрывшись сгибом руки, содрогнулся всем телом прорвавшимися рыданиями.

— Папочка! Ты у меня самый лучший! — прошептал Алешка.

И Сергей внезапно решился, победив искушения. Порывисто утер лицо рукавом кителя и по-мужски протянул руку мальцу, справившись с собственным голосом, твердо сказал:

— Принимаю... Уважаю твою судьбу и... твою смерть... Отпускаю... Но на прощание хочу, чтобы ты знал: Алешка... я рад, что ты был в моей жизни!

Мальчишка просиял, пожимая отцовскую руку:

— Я всегда это знал, папа! Я буду тебя ждать, там... Но ты не торопись. Уважай и свою судьбу, и свою смерть, — обнял отца, затем ладошкой стер с его лица остатки слез и, быстро поцеловав в соленую щеку, отошел, приблизившись к Кире, словно желая и ей что-то сказать. Но она кивнула, торопя его, и мальчик, взглянув еще раз на отца, махнув ему растопыренной пятерней, скрылся за стволом пограничного дерева.

Сергей поднялся с колен. Сделал несколько шагов следом за сыном, но, оказавшись рядом с ивой, лишь погладил ее по коре и, взглянув на встревоженную девushку, улыбнулся:

— Ты даже не представляешь, каких мы сейчас люлей отхватим, когда Палыч нас на минном поле увидит...

Сидя на той же скамье у палатки и неспешно попивая кофе, они молча, немного отрешенно созерцали дневную обыденную реальность, высвеченную ярким солнцем.

— Ты знаешь, я только сейчас понял, что значит «светлая грусть». Оказывается, это когда все помнишь, но без надрыва, без выворачивающей наизнанку тос-

ки, — Сергей отхлебнул из кружки и, подобрав слова, добавил: — Не знаю, что сегодня произошло. Да и, наверное, не хочу знать. Но я очень тебе благодарен! От всего сердца! Хотя, если честно, тогда я думал, что оно реально разорвется. А сейчас такое ощущение, что мне приснился хороший, просто отличный сон. Но это был не сон. Я впервые чувствую успокоение!

— Это главное! — Кира слегка толкнула друга плечом.

В палатке четвертой группы было шумно и весело. Помимо хозяев и гостей из войсковой разведки, за накрытым столом сидела Татьяна, а восседавший на табурете Телыч залихватски орал песни.

— Это мы удачно зашли! — расплылась в улыбке Кира, отводя полог. — Телыч, не знала, что ты так здорово на гитаре бацаешь!

— А я не ожидал, что ты еще и петь можешь! Вынужден признать, что контузия вам, батенька, пошла на пользу! — съязвил Бабушев.

Все оживленно зашумели, приглашая их внутрь. Тут же раздвигаясь и освобождая места, протягивая кружки, в которых призывно плескался коньяк.

— Эка вы душевно замешиваете в центре дня, — Серега блаженно вдохнул алкогольные пары и принял переданный бутерброд с колбасой. — А что за вольница? Мы на сегодня утратили командование?

— Криницына с утра вызвали в ставку к главнокомандующему. Парни, которые с ним в сопровождение убыли, сейчас передали, что у начальства образовалась днюха, награждение и прочие причинные причины. В общем, ждем завтра. Но не пропадать же сегодня!

— Действительно, негоже такому дню задаром пропадать! — Сергей, высоко поднимая жестяную кружку над столом, процитировал Давыдова:

Стукнем чашу с чашей дружно!
Нынче пить еще досужно.
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят!

Все присутствующие поддержали тост громогласным «Ура!»

— А где ваш доктор Зло? — спросил сержант-разведчик.

— Ищет нашего болезного друга, — Кира указала на музицирующего Телыча, — во вверенном ему госпитале. И даже предположить не может, что раненый боец уже вовсю горло дерет и анестезию в жидком виде употребляет.

— Позвать его надо. Чего один сидит, — предложил Сергей.

— А если руководству стукнет? — предположил сержант.

— Да нормальный он парень. А стукнет, так пусть это будет на его совести. Ему же хуже, — вставила Кира. — Поддерживаю, надо бы его крикнуть.

— Сейчас позову, — Татьяна поднялась, поставила чайник на плитку и вышла из палатки.

— Не пойдет, — предположил Телыч. — Он же не пьет.

— Пойдет, — сделала свою ставку Кира.

— Уже идет, — ухмыльнулся Сергей.

С самого порога Андрей окунулся в благодушную хмельную атмосферу, вежливо отказался от коньяка, налил себе кофе, чем очень удивил Татьяну, и подсел поближе к Кире и Бабушеву.

В разгар веселья, когда командир отделения разведки начал тост о содружестве войск, полог хлопнул — и в палатку вошел Криницын. Быстро сориентировался в обстановке и сурово протянул:

— Та-а-ак...

Наступила немая театральная сцена. Все замерли, пытаясь одновременно про-

чувствовать настроение командира, чтобы просчитать дальнейшую стратегию поведения.

— Вы что, барбосы, охренели?!

Кира тихонько выдохнула. Грозное «барбосы» выдавало, что все нормально. Анатолий Павлович прибыл в хорошем расположении духа и, в общем-то, был готов, что личный состав не штудирует устав космического десанта. Но залет требовал праведного командирского гнева.

— По какому поводу праздник?

— Виноваты, товарищ командир. Готовы понести заслуженное наказание, — сориентировался Василий, старший четвертой группы, стараясь придать голосу извиняющиеся нотки, хотя из-за употребленного коньяка раскаяние получилось невнятным.

— Всенепременнейше понесете, но потом. Сегодня обещал передать всем причастным, деепричастным, а теперь уже и не причастным подгон от товарища полковника и его конторы. Бабушев, как самый виноватый, иди забирай из машины сумку, но сначала объясни мне, какого ляда вы утром по минному полю шарахались?

— Так Кирюху накрыл чеченский синдром. Она скомандовала: «К бою!» — и унеслась с оружием наперевес. Я, соответственно, обрадовался и тоже пошел в атаку. В итоге при плановой проверке близлежащей территории оппортунистов и прочих безобразий замечено не было.

— Кира? — Криницын посмотрел в упор на девушку, которая тут же поставила кружку на стол и, встав по стойке смирно, отработала:

— Показалось, товарищ командир!

— Та-а-ак... — повторно протянул Анатолий Павлович, затем оглядел личный состав и шагнул к столу, где ему тут же уступили место, протянув чистую тарелку и жестяную кружку.

Из принесенной сумки на стол под общий гул одобрения были выставлены благоухающий шашлык, зелень с овощами, несколько хрустящих лепешек, три бутылки дагестанского коньяка и — персонально для Киры — бутылка на удивление холодного шампанского.

— Кормильцы вы наши, поильцы, в обиду не давальцы! — прозвучал следующий тост, обращенный к представителям третьей группы. И все дружно, с общим гулким стуком, свели кружки над столом.

Внезапно организованный выходной день продолжался, хотя Криницын точно знал, что время тикает, так как именно сейчас «Валуев» своими силами перепроверяет полученную информацию — а значит, выезд не за горами.

ТРЕВОГА

Выезд оказался не «не за горами», а в горы. Причем с самого раннего утра подняли по тревоге. Вернее, основная героическая миссия выпадала войсковой разведке, но при нарезании задач в Ханкале вспомнили про прикомандированный к ним спецназ и, соответственно, особо не разбираясь, раскидали план на всех. Так что в шесть утра третья и четвертая группа стояли в общем построении и с кислыми минами пытались вникнуть в суть дела: «По горнолесному массиву со стороны Дарго движется многочисленная группа боевиков. Приказ: перехватить, окружить, разобратся, выяснить достоверность информации и, если те не возжелают сдаться, уничтожить».

Криницын, тоже пребывавший в то утро не в лучшем настроении, подошел, осмотрел своих «лучших из лучших», вздохнул и строго сказал:

— Я вам обещал суровое, но справедливое наказание. Считайте, кара небесная

вас нашла. Сейчас будете ровно тридцать минут экипироваться по-тяжелому, в шесть сорок пять вы уже сидите нарядные и жизнерадостные в любезно предоставленном руководством разведки крайнем бронированном «Урале». Дальше едем покорять вершины и совершать подвиги. Все согласно разнарядке. Адиков, выезжаешь с нами. Татьяна, остаешься здесь на связи. Вопросы есть? — И, не дожидаясь стенаний, скомандовал: — Разойтись!

А через три часа они в полном составе уже штурмовали с левого фланга обозначенную им высоту. Кира невероятным усилием воли заставляла себя подниматься по довольно крутому склону, проговаривая, что это — их спецназовская участь, удел stoического служения Родине и высшая степень доверия руководства. Высокопарные лозунги не помогали. Ноги наливались свинцовой тяжестью, голова тукала пульсирующей болью, сердце билось в районе горла. Периодически подкатывала тошнота, и тогда Кира делала маленький глоток воды из фляжки.

Мысли громоздкими валунами перекатывались в голове в такт шагов: «Если останусь жива, то последую доброму примеру Адикова и брошу пить... Вот, наверное, кому сейчас легко... Интересно, а может, док не пьет, потому что уже закодирован?»

Кира обернулась и поискала врача. Андрей, весь взмокший, с вырывающимся хрипом и пунцовым лицом, довольно существенно приотстал. Вид у него был не лучше остальных.

Кира оглядела товарищей и с прискорбием отметила, что на самом деле сейчас никто ничего не бдит. Все просто втаскивали себя на заданную вершину, уставшие и замотанные, забившие на правила передвижения по горам в условиях поиска противника, передав все на откуп судьбе, гордо презрев смерть. Кира сместилась поближе к Сергею.

— Мой милый друг, скажи, ну какая, ну какая, на фиг, многочисленная банда?! Не девяносто пятый год и даже не двухтысячный. Откуда бы им взяться?

Бабушев, тяжело дыша и глядя себе под ноги, чтобы не оступиться на осыпающихся камнях, лишь отвлеченно резюмировал:

— Брошу пить, если здесь не окондрачусь... На хрена мы вчера так набрались?

— Ну, вчера же было хорошо...

— Вчера было просто чудесно. Сегодня паскудно. Блин... Тельчу-то каково?!

И они посмотрели на друга. Но тот, как всегда с хмурой невозмутимостью и упорством мула, тащил в гору свой пулемет и рюкзак с уложенными доплентами. Он чуть прихрамывал, но в целом выглядел даже лучше доктора.

— Тельч, ты как? — окликнула его Кира.

— Сейчас сдохну! — буркнул тот.

— Слышь, псы войны, я вам ща «сдохну»! Быстро разобрали сектора, и чтоб во все глаза!

Они даже не заметили, как рядом оказался Криницын, который своим командирским напутствующим словом быстро взбодрил их. По крайней мере, на вершину все вошли в относительно боевом порядке, изыскав резервные силы и второе дыхание. Разобрав и осмотрев возможные направления ведения огня, они закрепились за скальными укрытиями и через бинокль стали осматривать подступы. Кира прильнула к оптике, вглядываясь в зеленые просторы открывающихся природных красот. Гуляющий на высоте ветер создавал убаюкивающий минорный фон, не прерывая гулкий звук выстрелов и разрывов гранат. И ей вдруг словно в снизошедшем откровении стало понятно умиротворенное настроение этого солнечного места: сегодня здесь ничего не произойдет.

И действительно — через три часа тяжелейшей борьбы со сном и похмельем по радиации было объявлено, что учения прошли успешно, условная банда выявлена и

уничтожена. Все задействованные силы должны вернуться на места временной дислокации, командование — собраться в штабе для доклада.

— Твою ж мать! Игрули у них! — процедил сквозь зубы Бабушев, когда дали отмашку спускаться к точке сбора. — А мы тут всякие глупости надумали! Ни за что не брошу пить — и другим не дам!

СПЕЦОПЕРАЦИЯ

Кира проснулась оттого, что ее довольно-таки активно тряс за плечо Тельч. Дернувшись, спросонья вскинулась, вопросительно уставившись на товарища и одновременно протягивая руку к стоящему у изголовья «винторезу»⁶.

— Кирюха, нам срочно нужна мясорубка!

— Братуха, не переживай, ща всех в фарш порубим... — девушка ухватила винтовку и соскользнула с кровати. — Погнали!

— Куда? — не понял ее настроя Саня.

— Это ты мне скажи, куда?

— Надо добыть мясорубку. Жесть как котлет охота.

Кира со стоном плюхнулась обратно на кровать, одновременно возвращая ВСС на место:

— Тельч, еще раз меня разбудишь по такой ерунде, я тебя предам анафеме!

Тот скорбно вздохнул и отошел от кровати, пробурчав:

— Котлеты не могут быть ерундой, это же котлеты...

Кира, проворчав ругательства, залезла с головой под подушку и постаралась снова уснуть, но уже через пару минут высунулась и спросила понурую спину друга:

— А кого ты решил пустить на мясо?

Тельч тут же оживился:

— Пока мы вчера действительно ерундой занимались, разведка в Ханкале получила жрагву. Я полюбопытствовал, и мы переговорили. Так вот, нам выделили аж половину свинячьей туши!

— Ты продал за нее душу?

— Я пообещал взамен половины свиньи отдать целую тушу кабанчика.

— У нас есть целый кабанчик?

— Пока нет, но будет.

— Откуда?

— Я понимаю, что семь утра — это рано для мозгового штурма, но как ты думаешь, почему я пришел именно к тебе?

— Бли-ин... Тельч! Нас Криницын пустит на котлеты!

— Он на днях погонит в Грозный. Целый день будет свободный.

— У нас уже был целый день, после чего мы из последних сил брали банду.

— Вот! Именно вчера во время выхода я заметил следы целой группы пятачковых.

— Ага, незаконное вепревое формирование. Надо за это дело с Бабулей перетереть!

— Он уже одобрил! Короче, Кирюха, дело обляпано. Полтуши я притащил к нам и сейчас займусь ее разделкой. К вопросу НВФ мы вернемся позже. А теперь есть задание посерьезнее — если ты добудешь мясорубку, то я нажарю котлет и право «первой ночи» будет по закону твоим. Представь, если даже Пальч подойдет ко мне и скажет: «Тельч, я как твой непосредственный командир приказываю — дай котлету!», — я ему ответу категорически: «Не могу, товарищ командир, эта замечательная, румяная, сочная котлетка принадлежит Кирюхе». Каково?!

⁶ «Винторез» — винтовка снайперская специальная.

— Духовно!

— Вот и я про то! К тому же ты не представляешь, какую огромную я умею жарить первую котлету, котлетицу! Короче, вставай и иди, проводи спецоперацию по добыче мясорубки. Местных жителей не убивай. У разведки на кухне точно была одна штука.

— Проклятые мародеры! Нам нужен план и кофе!

— Значит, вставай и умывайся, кофе уже сварился.

В результате проведенной спецоперации мясорубка была без спросу одолжена на время — или попросту выкрадена из столовой. Мясо накручено, и к обеду под общее нетерпение Тельч нажарил целую тарелку котлет. Анатолий Павлович, войдя в палатку, подозрительно осмотрел личный состав, но все оказались трезвыми, и он с удовольствием съел две штуки с отварной картошкой. Буркнул: «Спасибо. Очень вкусно», — и вышел, терзаемый смутными необъяснимыми подозрениями, поэтому уже через несколько минут вернулся и спросил:

— Откуда взялось мясо?

— Так разведка угостила, — немедля ответил Тельч.

— Вместе с мясорубкой! — добавила Кира, доедая третью котлету.

Креницын удовлетворенно кивнул и скрылся за пологом.

Удостоверившись, что командир ушел, все начали решать главный вопрос — вернуть мясорубку так же по-тихому, принести официально со словами «Мы тут шли, нашли. Случайно не ваша?» или передать вместе с кабанчиком.

В итоге Бабушев через солдатиков вызвал знакомого сержанта, командира отделения, с которым накануне дегустировали коньяк. Когда он появился, ему с чувством глубокого уважения и совершеннейшего почтения вручили сверток с ароматными котлетами и, в качестве бонуса, упакованную в бумагу мясорубку.

Разведчик от такого хлебосольного приема расплылся в довольной улыбке, так как был одним из поручителей обговоренного мясооборота, и даже не задался вопросом, откуда у соседей взялась их мясорубка. На этом пожали руки, довольные друг другом, и разошлись в ожидании времени убытия Креницына и выхода на тропу охоты.

Утро началось с многообещающего командирского гласа: «Собираемся по-срочному!»

Уже через полчаса все без лишних расспросов в полной амуниции рассаживались по машинам. Проводить их колонну из трех легковых автомобилей вышли Татьяна и понурые друзья-разведчики, с болью в сердце расстающиеся с мечтой о шашлыках, пельменях и люля-кебабе из кабанятины. Их наметанному взгляду было достаточно увидеть количество загружаемых боеприпасов и тяжелую снарядку, чтобы понять, что в ближайшее время охота выдаться слегка иная, нежели запланированная.

Тельч развел руками, Сергей буркнул, что они вернуться к вопросу об обещанном чуть позже, Кира же предложила разведчикам не хоронить хрюшу — вернее, сладкую грезу о ней — раньше времени и верить в лучшее, а точнее, в их скорейшее возвращение с победой по всем фронтам. Андрей лишь бросил удрученный взгляд на остающуюся Татьяну. Его безапелляционно забирали с собой. На чем они попрощались, и машины убыли в неизвестность.

Неизвестность закончилась, когда в Грозном они въехали во двор к osobистам и увидели встречающего их «Валуева».

— Вот они, соколики мои золотые! — радостно взревел тот, когда машины остановились и приехавшие дружно вышли из тесных салонов, разминая затекшие от длительной езды ноги.

— Здравяжелам, товарищ полковник, — в свою очередь поприветствовали его спецназовцы, обменявшись крепкими рукопожатиями.

— Все дела потом, а сейчас пойдёмте отдыхать, кушать, чай пить, — и по-хозяйски распахнул двери, приглашая всех внутрь, в приятную прохладу здания.

В добротном рабочем кабинете всем хватило места за огромным дубовым столом для совещаний, где их уже дожидались чай, кофе, расставленные приборы и свежее испечённые осетинские пироги. Полковник предложил не стесняться и угощаться. Удостоверившись, что гостям не надо повторять два раза, он вышел вместе с Криницыным, плотно прикрыв за собой двери.

Андрей проводил их тоскливым взглядом. Ему было неудобно, его знобило, но при этом на лбу проступала испарина. «Наверное, я заболел. Продуло после бани, — попробовал он объяснить свое самочувствие, но вскоре в голове зазвучал вопрос, который истинно его заботил: — А вдруг именно так человек предчувствует смерть?!»

От этой мысли стало ещё более беспокойно. Он наклонился к сидящей рядом, потягивающей кофе со сливками девушке и практически на ухо спросил:

— Кира, ты только не подумай невесту что, но бывало у тебя предчувствие беды или чего-то дурного?

Та взглянула на него, мигнув поняв его состояние, и улыбнулась. По-доброму, успокаивающе.

— Конечно, док. Иногда так накрывает, аж в дрожь. Дай угадаю — тебе сейчас страшно, плохо, кусок в горло не лезет, от тревоги аж подташнивает?

— Да, так и есть. Волнительно сильно. Думается плохое. Даже, наверное, ужасное.

— Это хорошо, — Кира отпила из кофейной чашки, сощурилась и стала похожа на довольную кошку. — Мне тоже беспокойно.

Андрей ничего не понял, вопросительно взглянув на нее, и она пояснила:

— За все годы службы поняла удивительную вещь: когда перед работой накачивалась едкая тревога, иногда прямо до мандража, то в такие выезды на самом деле ничего плохого не происходило. Это скорее перепроверка системы выживания. Горе, на самом деле, приходит без предупреждения. Может, так срабатывают внутренние предохранители. Но тогда, когда случались страшные вещи, когда погибали друзья, не было никакого пресловутого предчувствия, на которое можно было бы сослаться, типа «я знал!» Даже вещей снов не было. Ничего. Тишина...

Кира помолчала, словно провалившись во что-то личное, вновь отпила кофе и продолжила:

— Я думаю, что день своей смерти мы не отличим от других и очень удивимся, когда окажемся на том берегу. Поэтому не переживай, док. Твое состояние объяснимо — это первая командировка, ты столкнулся с необычными условиями, они принесли чересчур много эмоций, от которых ты просто устал. Но поверь, придет время, вернешься домой, отдохнешь, постоишь под горячим душем, выпьешь любимого чая, переосмыслишь все — и заскукаешь об этом времени. Первая командировка делит жизнь на «до» и «после».

— Интересное предположение. Но сейчас-то как быть?

— Вообще-то, ты психолог — значит, тебе виднее. Выпей воды, кофе, чая и отлепись. Поверь, сейчас в этой комнате каждый ощущает движение адреналина по венам. Так что ты не один.

Андрей оглядел присутствующих. Все они были, на первый взгляд, расслаблены и беспечны. Ели, пили, разговаривали, посмеивались, подначивая друг друга. Тем не менее, доктор ощутил витающее в воздухе напряжение. И именно это вдруг успокоило его. На время, пока не хлопнула дверь и в кабинет не вошли Анатолий Павлович и «Валуев».

Криницын обвел притихший личный взглядом, на ходу прикидывая расстановку имеющихся сил.

— Сергей, берешь своих, и на двух машинах гоните в Заводской район. Помнишь, где в прошлый раз Тоху подстрелили? Так вот, ниже этого дома, через два перекрестка, справа будет заезд на территорию завода. Подъезжайте к зданию администрации. Оружием не сверкайте. Внимания не привлекайте. Зайдете внутрь, поздоровааетесь с охранником — там, скорей всего, дедушка будет, — спросите телефон отдела сбыта. Прямо с вахты наберете, представитесь, что приехали из Владикавказа, по наряд-заказу № 586, спросите, к какому складу подгонять машины. Там на погрузке к вам подойдет агент. Погоняло Маклик. Делаете вид, что укладываете в машины коробки, затем незаметно забираете его самого и догоняете нас по трассе на Ведено. В крайнем случае будем вас ждать в шашлычной «У Али».

Анатолий Павлович посмотрел на внимательно слушающего полковника, и тот добавил, обращаясь к Бабушеву:

— Этот Маклик старый пройдоха и хитрован. Если вдруг начнет торговаться, денег кланчить, то, Сергей, передашь ему от меня. — И он протянул вперед внушительных размеров сжатый кулак. — А в остальном должен оправдать возложенное наивысшее доверие. Одним словом, поостроже с ним. По приезду в Ведено сведет вас к одному чудо-юдо-открывашке всех дверей и дорог. Что еще? Завод в первую кампанию был сильно разрушен, восстановили только пару цехов, поэтому вид еще тот, но, с другой стороны, и народу практически никого. Поэтому по телефону пусть вас сориентирует, как к складу проехать, чтобы не блуждать.

«Валуев» протянул отпечатанный бланк на получение товара. Бабушев взял документ и вопросительно взглянул на Криницына, который уже нарезал задачи четвертой группе. Тот, почувствовав его взгляд, протянул ключи от «приоры» и кивнул на дверь: «Езжайте». Третья группа дружно поднялась и, ни с кем не прощаясь, вышла.

Во дворе быстро поделались: в «Ниве» — Бабушев с Кирой, в «приоре» — Телыч с Адиковым. Уложили оружие и разгрузки на задних сидениях автомашин, прикрыв их брезентухой. Сергей, Кира и Телыч переоделись, накинув гражданские ветровки, под которые надели наплечные кобуры. Доктора, раз на него все равно не было обычной одежды, решили оставить на заднем сиденье, где его особо не видно, заодно дав указание и за снаряжением присмотреть, пока они будут выходить. Он абсолютно не был против отсидеться в машине и с удовольствием откинулся на мягкую спинку. Бегло глянули на друг друга, решили, что их вид сойдет для непонятных людей, приехавших забирать непонятно что и затем уезжающих непонятно куда. Расселись по машинам и не спеша двинулись в нужном направлении.

Полуразрушенная территория завода производила гнетущее, удручающее впечатление. Цеха с выбитыми оконными проемами словно наблюдали за пришедшими. Дорога толкала машины ухабами и ямами. То тут, то там валялся сожженный военный хлам, напоминающий об уже, казалось бы, далеких боях. А главное, на всем пути им не встретился ни один человек. Завод казался безлюдным и заброшенным, если не брать в расчет будку с охранником и подремонтированное административное здание с выгодно подчеркивающими его значимость новыми стеклопакетами.

Остановились на пустой парковке. Сергей, Телыч и Кира вылезли из машин, огляделись. Было неуютно в этой сталкерской зоне.

— Какое неприятное место, — определила Кира, и они втроем двинулись в направлении администрации.

— Прилично народу тут покروшили в свое время. Не думал, что...

Договорить Телычу не дал грубый оклик:

— Эй!

Одновременно обернулись, тут же окунаясь в обжигающее ощущение засады. Их поджидало четверо. Аккуратно подстриженные бороды, натовская форма, дорогие солнцезащитные очки, бейсболки с арабскими надписями, а главное — нацеленные на них автоматы указывали на явно недружественный настрой данных людей.

«Вот он, новый формат боевиков, — определил про себя Бабушев, с тоской ощущая пустоту рук. — Будь неладна команда командира — не привлекать к себе внимание! Вот и не привлекли».

— Маклика ищите? — с насмешкой спросил один, по-видимому, старший в этой четверке.

— Что вы, дяденьки! На работу идем устраиваться, — огрызнулась Кира, горько ощущая всю безнадежность их положения.

— Ща мы вас устроим, — цыкнул золотыми зубами один из чеченцев.

— Кто такие? Откуда? Быстро! — отчеканил главварь, обедев всех стволом автомата.

— На колени! Руки за голову! — вторил ему золотозубый.

— А вы, простите, сами-то кто будете? Местные сторожа? — Кира пыталась говорить спокойно, оценивая шансы дотянуться до кобуры и выхватить пистолет. Шансов не было. Ни у кого. Не дожидаясь ответа, посмотрела на небо. Оно было необыкновенно красивое — того сочного ярко-василькового отлива, на который, казалось бы, можно смотреть бесконечно... Она вытащила из кармана руку с гранатой, тут же вытягивая кольцо. Тельч и Бабушев, поняв ее намерение, придвинулись к ней вплотную. Настроение у всех было угрюмое, но решительное.

Наступивший решающий момент прервал срывающий истошный крик:

— Аа-а! Бросайте! Убью! Суки!

Все одновременно озадаченно посмотрели в сторону этого страшного вопля и остолбенели. У машины с распахнутой дверью с пулеметом наперевес стоял доктор. Весь его вид указывал на сбежавшего из психбольницы буйнопомешанного пациента: глаза распахнуты до предела, с бешеным нездоровым блеском, на щеках — пылающий румянец, с губ слетает, пенясь, слюна, и все это умножал на два вскинутый ПК. Кира автоматически отметила, как сильно Андрея бьет дрожь — пулемет буквально качало из стороны в сторону.

— Че за нах?! — начал один из бандитов, разворачиваясь и переводя автомат на него, но Андрей тут же вжал гашетку и с грохотом прочертил кривую у самых ног замерших боевиков, зацепив одного за песочного цвета берц, который быстро стал алеть, и заодно чуть не перестреляв своих.

— Стой! — завопил не ожидавший такого поворота главварь, опуская автомат.

Остальные последовали его примеру, а раненый, вереща, рухнул на землю, пытаясь зажать рану.

Сергей с Тельчем, не растерявшись, быстро перехватили у них автоматы. Проверили на заряженность — оружие было готово к бою.

— Лежать! — крикнул Бабушев, пинком помогая главварю лечь на асфальт. — Что ты там сказал про Маклика? — И заострил внимание ударом приклада.

Пулемет у доктора забрал Тельч, еле разжав его пальцы и буркнув «молодец» то ли Андрею, то ли родному ПК, который нежно погладил по коробке, и тут же, не прицеливаясь, дал очередь в бегущего на помощь к своим бородастого охранника, ранее встречавшего их у шлагбаума. Тот, словно запнувшись, выронил автомат и, крикнув, завалился на бок, прижав руки к груди.

Бандиты, стоявшие на коленях с руками за головой, уныло посмотрели на упавшего.

— Чушара, — процедил золотозубый. При ближайшем рассмотрении он оказался

единственным самым старшим из этой компании. Остальным на вид было чуть больше двадцати лет.

Недолго думая, Кира связала бандитам руки за спиной их же кожаными поясными ремнями, и парни затащили их волоком в открытый пристрой. Туда же притащили и убитого. Все-таки приказ был не привлекать к себе лишнего внимания. Насколько это было возможно в данной ситуации.

Над оравшим во все горло раненым навис Сергей и сказал убедительным тоном, что если тот не заткнется, придется его пристрелить. Тот захрипел, сдерживая крик, и срывающимся голосом попросил, чтобы ему поставили наркоту, которая лежала в стоявшей у стены сумке.

— Займись, — окликнул Андрея Сергей.

Док брезгливо начал перебирать содержимое спортивной сумки, вывалив на грязный пол шоколадные батончики, бинты, несколько пачек с патронами, блокнот с золоченым «паркером», пистолет Макарова, пачку денег, упаковку с травкой, и лишь практически на дне нащупал фольговую упаковку. Быстро вскрыл ее, извлекая шприц-тюбик, и от души, на всю длину иглы, воткнул в бандитскую икру. Затем перетянул ногу выше колена найденным тут же жгутом. Раненый что-то промывал и заткнулся, завалившись на спину и, по-видимому, отключившись. Золотозубый вожделем зыркал глазами в сторону валяющегося на полу пистолета, пока Андрей не засунул его обратно в распотрошенную спортивную сумку и не закрыл на молнию.

Кира встала у дверей, внимательно оглядывая окружающую территорию, та по-прежнему оставалась образцово безлюдной. Доктор остался стоять у стены. Тельч держал связанную группу на прицеле, не доверяя больше быстро меняющейся сегодня удаче. Сергей же поставил перед бандитами найденный тут же распатанный старый стул и сел, оседлав его верхом. Автомат он закинул за спину, а в руках держал пистолет, которым указал на главаря:

— Где Маклик?

Тот угрюмо набычился и ничего не ответил. Тогда Бабушев окликнул самого молодого на вид:

— Эй, ты! Кто из них старший — этот или золотозубый?

Белый как мел паренек тут же кивнул на молчавшего. После чего Сергей обратился к золотозубому:

— Тебе есть что нам сказать?

— Нет, — словно выплюнул тот презрительно.

— Зря, — и, обернувшись к Тельчу, указал: — Расстреляй его на хрен.

Саня флегматично, без лишних расспросов, прихватив бандита за шиворот, утащил в коридорный закоулок, откуда вскоре раздались выстрелы, после чего Тельч все с тем же непроницаемым лицом вышел обратно.

Сергей же педантично повторил вопрос, глядя уже не в такие дерзкие глаза главаря:

— Где Маклик?

Тот подбородком указал в сторону находившейся в конце коридора закрытой двери.

— Посмотри, — Бабушев кивнул Кире, и та, подняв с пола молодого бандита, повела его к обозначенной комнате.

Подпихнула его к двери, а сама встала сбоку. Тот оттолкнул дверь и остался стоять в проеме, переминаясь с ноги на ногу. Кира осторожно заглянула внутрь. Она не сразу поняла, что лежащий у стены белесо-кровавый куль был привязанным к батарее голым мужчиной. Выломанные суставы его рук были неестественно выкручены. Один глаз вытек, а разбитый кровавый рот застыл в беззвучном крике сломанной челюсти.

— Это не я... — в ужасе прошептал бандит, словно сам поразился увиденному.

— Верю, — сказала Кира и, преодолев отвращение, подошла, попробовав прощупать у лежащего пульс. Вначале ей показалось, что все, тишина, как вдруг она ощутила слабый, но точный толчок в пальцы.

— Живой, — озадаченно прошептала она. И уже громко крикнула в проход: — Живой! Сюда!

И пока она с доктором оказывали помощь бедолаге, Сергей в соседней комнате уже не миндальничая допрашивал оставшихся бандитов, чем дальше, тем больше злясь на незадачливую ситуацию.

Бандиты оказались не родные «зеленые братья», а простые пресловутые «братки» наподобие тех, которых было полно в лихие девяностые во всех углах страны. Группировка их занималась не террористически-экстремистской деятельностью, а простым бандитизмом, благо оружия на этой земле было в достатке. И надо же было так случиться, что Маклик в силу своего жадного до наживы характера и отсутствия чувства самосохранения связался именно с этими людьми, заняв у них крупную сумму и пообещав поучаствовать в налаживании «прямой» дороги по сбыту наркоты в Ставрополе. Деньги эти по дурости проиграл в карты, поэтому другой заинтересованной стороне предложить ничего делального не смог. И в результате гоп-компания пришла разговаривать лично к Маклику на работу, без долгих раздумий вырубив дедушку-охранника на входе и пару работников, заперев их в пустующих комнатах администрации. Маклик юлил, грубил, а получив в зубы, стал угрожать бандитам своей силовой «крышей», которая вскоре должна была приехать и зарыть всех в заводскую землю. Данные угрозы вывели из состояния равновесия золотозубого, единственного из членов банды участника прошлых боестолкновений с федеральными войсками, который, просипев «Подстилка ментовская! Я ща покажу, что мы с такими делаю!», начал расправу над предателем и отступником, после чего все остались ожидать гостей. Когда услышали по радию о заехавших машинах, по своей тонировке явно относившихся к силовым структурам, пошли встречать визитеров, решив «приделать» их по-быстрому, разузнав перед этим лишь, что именно спецам стало известно об их банде.

Бабушев зло сплюнул и вышел на улицу. Огляделся. По-прежнему никого, даже полицию никто не вызвал, как будто и не было ни стрельбы, ни криков. Дошел до «приоры», вытянул танкету и начал связываться с «Первым». Кратко объяснил командиру суть произошедшего и, услышав «Ждите», отключился, бросил танкету на сиденье и устало отер лицо рукой.

Через пятнадцать минут площадка перед административным зданием завода начала заполняться машинами. Первым примчался «Валуев» со своими здоровяками и скорой. Он озадаченно посмотрел на Бабушева, пытаясь скрыть свою растерянность за извечной шутливостью:

— Скажи мне, как вы это делаете? Скоро вчетвером всех наших бандитов переловите! Веди!

И последовал за Сергеем. Зайдя с улицы в помещение, буквально пару секунд постоял, привыкнув к царившему полумраку, окинул беглым взглядом помещение, прошелся; затем, нависая над каждым бандитом словно угрюмый утес, внимательно взгляделся в их лица и дал своим парням краткое указание: «Грузите». Перевернул лежащего у стены убитого, сверил со своим внутренним фотоархивом под названием «Их разыскивает ФСБ» и размашистыми шагами направился в сторону комнаты, где в дверях стояли наблюдающие за его действиями Кира с доктором. Профессиональным взглядом осмотрел обстановку — от него не скрылись ни обильные лужи крови, ни болтающиеся на батарее вскрытые наручники,

ни обрезок трубы, висящий здесь же. Посмотрел на перебинтованного Маклика, лежащего на полу, и спросил уже у Андрея:

— Как он?

— Тяжелый. Если жив останется, это будет похоже на чудо.

— Наши врачи умеют творить чудеса, — сказал «Валуев» и призывно махнул рукой бригаде санитаров.

Те сноровисто погрузили поломанного на носилки и унесли. На улице взвыла и стала быстро удаляться сирена.

— Маклик, Маклик, старый плут, вот и ты допрыгался. Дурак. Я предупреждал, — без притворства огорчился полковник.

— Что это за банда? — спросила Кира.

— Да так, новодел. Ничего примечательного, так сказать, уровень ОБОПа, но карты нам перемешать успели.

— Как нам теперь быть с проводником? — спросил Бабушев, понимая, что в данный момент «Валуев» лишь пожмет могучими плечами и проронит: «Будем думать». И уже практически на выходе, передав полковнику бандитскую сумку, Сергей вспомнил:

— Еще один! — И вернулся в глубь здания.

«Валуев» последовал за ним по коридору в дальних закуток. Там, оглядев уже начавшего приходить в себя золотозубого, довольно цокнул языком:

— Хороший ты мой! Ща мы тебе головушку перебинтуем... Ой-ой, как тебя сильно приложили по твоей бестолковой голове злые дядьки спецназовцы! Они такие! Никого не жалеют, негодники. А ты, золотой мой, поедешь как дорогой брат-сват-кум ко мне в гости. Ай как я люблю гостей! — И уже своим парням: — Этого грузите отдельно.

Когда двое здоровяков под руки утащили нокаутированного боевика, «Валуев» серьезно взглянул на Сергея и предложил:

— Идите ко мне работать всей группой.

Бабушев отрицательно качнул головой.

— А это я на перспективу подумать. Ладно, пошли. Там менты, прокуратура подъехали, надо им инструктаж дать, чтобы работников опросили, запротоколировали все, труп описали-сдали, свидетелей нашли.

— А как же мы?

— А вы разве здесь были?

— Никак нет!

— Вот и я про то. Возвращайтесь на базу. Криницын с четвертой группой туда двинули, раз пока отбой. Не переживай, майор, будут новости — вы первые узнаете.

— Добро. — И, махнув рукой своим, Сергей зашагал к машинам. За ним последовали Тельгч, Кира и доктор.

— Ты знаешь док, в следующий раз матом не ори, я от неожиданности чуть гранату не выронила! — подтолкнула в плечо понурого Андрея Кира.

— Действительно, ты чего с пулеметом вылез? У нас же все под контролем было, правда, Кирюха? — вставил Тельгч.

— Так вы же дали четкое указание — в плен не сдаваться. Вот я и вышел спросить, когда с собой кончать, немедленно или сразу после вас, — наконец-то улыбнулся Андрей. — Но вы какие-то замороченные были... Вот и привлек внимание.

— Да уж, док, хочу тебе сказать — ты сегодня был просто красавчик! Даже я мандражнул, глядя на тебя. Все-таки ПК — это страшная сила! — Неожиданно Сергей протянул свою руку, крепко пожав докторскую ладонь. — Без балды! Ты молодец! Без тебя мы бы стали кучей дохлых самонадеянных идиотов. Э-эх, жаль, ты не пьешь, так бы проставились коньяком!

— Ну, с таких нервов я уже не уверен, что категорически не пью. Наверное, рюмочку могу себе позволить.

— Ого! Док! Вот это да! Поить доктора! — загалдела радостная троица, а Андрей вдруг почувствовал, как некстати краснеет, словно девица.

Машины петляли по извилистой предгорной дороге, Кира внимательно вглядывалась в зеленку и на очередном выраже вдруг крикнула: «Стой!» Сидевший за рулем Бабушев резко затормозил, вопросительно глянув на девушку, но та молча выскользнула из салона с винтовкой — и практически тут же прогремели выстрелы.

— Готовы! — заглянула она довольная в машину. — Теперь дотащить туши, и вопрос с долгами будет закрыт.

— Ну ты, мать, даешь! — восхитился Сергей. — Далеко? Дай оптику глянуть. — Разглядев два неподвижных пятна, лежащих среди кустов, озадаченно присвистнул: — Двоих! Блин, далековато. Не нарваться бы еще на какие неприятности. У меня нервы не железные.

— Так вы осторожненько, — парировала Кира. — Идите втроем, а я буду вас отсюда прикрывать.

— Что за день такой! Что ни час, то сюрприз, — подошел довольный Тельч, легко подкидывая на руках пулемет.

— Тельч, ты этого друга Кириухе оставь. Идем налегке — граната, пистолет и нож, не то долго валандаться будем, а нам, как ты помнишь, лишнее внимание ни к чему. Машины сейчас вон туда загоним, там неприметно вроде. Кира, ты найди лежку. Док, возьми с собой носилки.

— У меня нет... — растерялся Андрей.

— Не тупи. Доставай мешок для трупа. Считай, для него настало время поработать по специальности.

Адиков быстро полез в медицинский рюкзак, вытянул полиэтиленовый черный сверток и засунул его за пояс.

Через десять минут команда по сбору охотничьих трофеев уже бодро, цепочкой, мелькала в зеленке. Кира через оптику внимательно осмотрела близлежащую территорию по направлению к добыче. Все было тихо и мирно.

Заехав в расположение, сразу повернули к курилке, где, как и ожидалось, сидели понурые разведчики. Подавленность их настроения была вызвана утренними обещаниями командира пустить виновников разбазаривания продовольственного запаса на гуляш. Машины дружно остановились, окунув всех в поднятую пыль.

— Че грустим, пехота? — высунулась в окошко Кира.

— Не бойсь, соседи, не пустят вас на холодец, — поддержал Тельч. — Не в этот раз!

В глазах куривших мелькнула надежда.

Бабушев вышел, распахнул багажник и деловым жестом пригласил куривших:

— Забирайте. По закону дружбы предлагаю выбрать, какая туша вам больше глянется.

Повторно парней приглашать не пришлось. Бегло осмотрели трофеи и, подхватив одного кабанчика, сноровисто сгрузили его с борта.

— За доставленные неудобства и потраченные нервы приглашаем сегодня к нам вечером на шашлык-машлык. И командира вашего, жадину-говядину, тоже с собой прихватите.

От этих слов и лежащей туши у разведчиков резко улучшилось настроение.

Третья группа, захлопнув багажник и рассевшись по машинам, двинула в направлении своих палаток, где даже издалека было видно вышедших их встречать Криницына и Татьяну.

— Как вы это делаете? — спросил командир.

— Еще немного, и всех бандитов в Чечне переловим, — улыбнувшись, процитировала особиста Кира.

— Та-ак... «Валуев», поди, переходить к нему предлагал? — подозрительно прищурился Криницын.

— Заманивал. Но мы, товарищ командир, не поддались! Не купились на сладкие обещания и прочие пряники. За что были награждены. Зацени Палыч, каков! — Кира повторно открыла багажник.

Криницын оценивающе глянул на тушу.

— Есть повод отметить наше возвращение, которое стояло под огромным вопросом, если бы не док, — Бабушев одобрительно хлопнул по плечу Андрея, который был не готов к подобному вниманию и теперь не знал, куда себя деть и как вести.

Криницын дал добро, и вечер этого дня наполнился ароматами жарящегося мяса, разливающегося по кружкам коньяка, разговорами и смехом. Кира не удержалась и в лицах пересказала случившееся:

— Стоим мы, значит, монументально, как памятник на Мамаевом кургане: я с гранатой, парни меня с двух сторон поддерживают, дабы, ежели что, не передумала и эфку обратно в карман не убрала. И думаем все как один, что Бондарчук просто обязан снять про нашу мужественную гибель душевный фильм. Прямо даже вот видим этот финальный кадр, как мы с лицами, исполненными презрения к смерти и бандитам, стоим за минуту до взрыва, и песня такая душеспитательная звучит... Весь зал рыдает. Ясень пень, меня жальче всех. Ну, правда, некоторые дамочки тихонько глазки платочком промокают, дабы не смазать тушь, по Бабуле с Тельчем. Тут я без претензии. Одно пока непонятно: как режиссер будет обыгрывать нашу негероическую тупость и идиотизм ситуации, чтобы его не закидали помидорами с гневными криками: «Чего пургу гонишь, не могли наши доблестные спецназовцы так по-безмозглому нарваться на засаду!» Как Бондарчука отмазывать, ума не приложу. Он же не виноват — снимает, как было. Так вот, стоим мы, значит, такие одухотворенные и красивые. Даже в бандитах вроде как что-то человеческое просыпаться начинает. У самого молодого аж глаз предательски дернулся — проникся величием момента. Еще немного — и бросит в грязь свой автомат, умоляя нас не умирать, так как не желает быть убийцей и мерзавцем, а желает — вернее, все они желают — встать на путь исправления и мирной трудовой жизни. Но тут громко хлопает дверь российского автопрома, и с этого момента — все к хренам под откос! Камера перестает давать крупным планом главных героев, а тут — на тебе! — с пулеметом наперевес и лентами вперехлест выходит наш дорогой доктор, этот интеллигентнейший человек, и заявляет голосом дона Корлеоне: «Сейчас я сделаю вам предложение, от которого вы не сможете отказаться!» И прикиньте — делает! Очередь длинной в половину ленты. Тут не то что бандиты — даже мы решили принять все его условия. Благо, он вовремя вспомнил, что мы на его стороне, и выписал нам амнистию. А остальных подвел к стене, зачитал приговор и по закону военного времени расстрелял к чертовой матери. В итоге мы живы, фильм накрылся, Канны откладываются, качать доктора!

И доктора действительно качали, правда, позднее, на улице, весело подкидывая его навстречу необычайно звездному небу. А захмелевший от коньяка и внимания Андрей смеялся, словно мальчишка, от восторга и эйфории.

А после того как доктора поставили на шаткую землю, Кира подошла и сказала ему, улыбаясь:

— Я же говорила, что ничего страшного не случится...

Андрей проснулся и, не открывая глаз, почувствовал, что с улыбкой провозжаает рассыпающиеся фрагменты сна, оставляющие доброе, легкое послевкусие. Сладко, до хруста, потянулся. Огляделся. Все еще спали. Посидел на кровати, бездумно созерцая медленно скользящие в косых солнечных лучах искорки пылинок. Затем, с сожалением стряхнув с себя остатки сна и навалившееся умиротворение, встал, вышел на улицу, где полной грудью вдохнул аромат пряно-влажного, предгорного утра. Стараясь не громыхать рукомойником, умылся холодной водой и, не вытираясь, сел на скамью, глядя на немного ленивое, размеренное начало дня. Где-то рядом выщелкивала пичуга. В небе большими кругами скользил по восходящим потокам ястреб. Около столовой, готовя завтрак, уже дымила полевая кухня. Проходивший мимо солдатик приветственно взмахнул рукой. Он ответил ему кивком. В душе было тихо. И это было удивительно — визгливый внутренний голос, который должен был верещать на полную громкость «Посмотри, в кого ты превращаешься! Напился вчера! Вел себя как идиот! Посмешище...», молчал.

Андрею было хорошо. Моменты вчерашнего вечера всплывали в голове ярким, праздничным хороводом. Конечно же, он выпил не одну рюмку коньяка, а целых четыре, вдруг неожиданно прочувствовав офицерские традиции. Как положено, вместе со всеми встал на третьем тосте, подумав о тех, кого сейчас поминали его товарищи, и неожиданно проникся, загрузив об этих незнакомых парнях. «А ведь сейчас могли прозвучать и наши имена», — пронеслось в голове.

Он посмотрел на Киру, Сергея и Тельча. Они были такие же, как всегда. Вот Кира, подловив, когда Бабушев с шашлыком на вилке в одной руке и рюмкой в другой, приготовившись выпить и закусить, оборачивается, чтобы что-то сказать Тельчу, быстрым движением снимает смачный кусок и целиком запихивает себе в рот. Сергей выпивает залпом коньяк и... цапает пустые зубья. Озадаченно смотрит на них, потом себе на колени, а затем быстрым движением этой же вилкой щелкает Киру по голове. Она же заходится смехом, довольная замешательством друга. Наблюдавшая за всем этим Татьяна деликатно прикрывает рот ладошкой. Заражаясь их весельем, Сергей и Тельч тоже начинают улыбаться.

Как у них получается так легко радоваться мелочам, не проваливаясь в рефлексию этого бешеного дня, не представляя бесконечное «что же могло произойти, если бы...»

А Андрею хотелось обсудить произошедшее, выговорив из себя все застрявшие в горле эмоции. Но с другой стороны, его пугала сама мысль о возможных расспросах о случившемся. Ведь сейчас доктор и сам не понимал, как же получилось, что после того как он съезжился на заднем сиденье «приоры» под гнетом панических причитаний и мыслей о том, как бы выскользнуть из машины и дать деру незаметно для вооруженных людей, он оказался вдруг на улице с пулеметом наперевес, крича этим самым неприятным людям что-то дерзкое. Хотя, наверное, «дерзкое» — это преувеличенно сказано.

Перед четвертым тостом встала Кира и шутливым тоном в лицах пересказала все, что произошло, завершив словами «Так выпьем за то, чтобы как можно дольше за нас не пили третий тост», призвав качать спасшего их доктора. Все присутствующие, даже Анатолий Павлович и приглашенные соседи, с готовностью отозвались на это предложение, окунув Андрея в такое непривычное, но такое приятное душевное наполнение от совершенного поступка. И когда его, уже захмелевшего и счастливого, обнимали и жали ему руки, он вдруг понял, что, оказываясь, умирать не так страшно, если за тебя потом поднимут третий тост! Но еще более упоительно чувствовать себя героем, особенно живым.

— Ба! Да это же Эдуардушка! — Кира ткнула пальцем в экран, в только что присланные «Валуевым» фотографии. — А где друг его, здоровячок?

— Старые знакомые, значит. Очень хорошо. Салаутдина пока не видели. По причине того, что Маклик нам более не помощник, вынужденно переходим к плану «Б».

— Как Маклик?

— Жить будет. Как долго и счастливо, не знаю.

— Что «Валуев» говорит?

— Говорит, надо было этого дебила добить.

— Это понятно. А по нашему делу?

— По нашему делу и говорит. Куча задействованных ресурсов коту под хвост, а все потому, что один недоумок поверил, что он бессмертный. И выхлоп по всем направлениям практически нулевой, кроме чудом засветившегося вот этого фраера.

— А что Тюрпанчик, приехал?

— Да. Кайфует в своей гостинице. Ни с кем не встречается. Сидит тихо, тоскует по своей несбывшейся любви.

— Так может, взять его в плен?

— И что это даст? У него в отеле чисто-пусто. Нам для начала надо базу найти, где девушек держат, а главное, вот эту мадмуазель обнаружить, — Криницын вытащил из внутреннего кармана фотографию и установку.

— Шабалина Илона Минуловна, двадцать два года, — прочитала Кира. — Симпатичная. Кто такая?

— Дочка одного нашего сотрудника. Я так понимаю, вся эта операция не без его высочайшего участия закрутилась. Он еще тот... — Криницын замялся, подбирая термин.

— Жук? — предложила девушка.

Командир кивнул:

— Жук. Только это сейчас неважно, — Криницын аккуратно свернул по сгибам документы и убрал обратно в карман. Залпом допил практически остывший кофе. — Эдика этого сейчас водят. Как только наклонится что-то вразумительное, сразу выезжаем. Ты эту барышню в процессе работы поглядывай. Может, где засветится. Если только ее где-нибудь уже не утопили... — На выходе Палыч обернулся, вспомнив, спросил: — Я сейчас таблицу сделаю с позывными. Ты под каким будешь?

— Ветла.

— Ветла, значит. Интересно. Знаешь, что она на границе между миром живых и мертвых стоит?

— Знаю, Анатолий Павлович.

— Добро. Значит, будешь Ветла. В целом к выезду готовы?

— Так мы всегда готовы.

ПОИСК

— Ветла. Ветла. Ответь Крону. Как слышишь? — трещала рация на прием.

— Крон, я Ветла. Слышу отлично.

— Ветла, закрепись, осмотрись. По твоей отсечке общее движение.

— Принято.

Кира заприметила удачное место для лежки. Прямо то что надо: на предгорье — небольшой скалистый уступ, заросший кустарником, сливающийся с общей зеленкой и поэтому абсолютно неприметный со стороны располагающегося внизу, по руслу реки, селения.

Она быстро, но плавно, змейкой поднималась к намеченной цели. Следом, чуть отстав, следовал доктор. Пару раз она оглядывалась, выхватывая громоздкую

фигуры запыхавшегося Андрея с большим медицинским рюкзаком за спиной, затем внимательно всматривалась в окружающий лес. Было тихо и пусто. Затем опять начинала проворно карабкаться вверх, к заветной каменной ступени. Когда добралась до лежки, остановилась, пристально оглядев ее на предмет сюрпризов. Все было чисто, никакого намека на человеческое присутствие.

Когда Андрей, дойдя, тяжело плюхнулся рядом, Кира указала ему на находящийся чуть в стороне поросший лесом небольшой курумник.

— Док, вон там схоронись между валунами, так, чтобы тебя из леса не видно было, и наблюдай, чтобы мне с тыла никто не зашел. Только не проморгай. Это твоя главная задача на данный момент.

— А если появятся незваные гости, что мне делать?

— Молиться.

— А если серьезно?

— А если серьезно, видишь, у тебя на рации кнопка?

Андрей кивнул.

— Нажмешь на нее быстро три раза. У меня в ухе гарнитура. Услышу — пойму, что пора молиться мне. Понял?

Доктор кивнул и двинулся, на ходу примеряясь, где удобнее занять позицию для наблюдения в каменной рассыпухе.

Кира проводила его взглядом. Утвердительно кивнула, одобрив выбранное место. Андрей не смог сдержать улыбки, радуясь, что не ошибся.

После того как доктор удобно устроился и стал практически неприметным для стороннего взгляда, девушка, взяв в руки снайперскую винтовку, нырнула в скрывающую тень кустарника, по-пластунски продвинувшись вглубь, к краю обрыва.

Обзор, как и ожидала, был что надо! Поселок, приближенный через оптику, лежал как на ладони. Кира быстро осмотрела дворы и улицы, на которых текла обычная мирная жизнь. Женщины копошились по хозяйству. То тут, то там на натянутых веревках ветер колыхал стираное белье. Старики небольшими группами чинно сидели на придворовых скамьях, греясь на солнышке и попыхивая самосадом. Несколько старух, словно пыльные вороны одетые во все черное, не торопясь брели по своим делам по извилистым улицам. Крепкий мужик, раздетый по пояс, колот чурки. Двое пацанов — видимо, сыновья — таскали и укладывали дрова в поленницу. Молодуха в цветастом платке и длинной, в пол, темной юбке что-то несла в тазике, прикрытом полотенцем, к соседнему двору. На ее оклик из дома вышел бородатый мужчина, огляделся и не спеша зашагал к ней. Откинул ткань, взял пирог, откусил. Что-то сказал девушке, и та в смущении отвела глаза. Потом подхватил у нее из рук таз и, не оборачиваясь, пошел обратно в дом.

Все, что делал этот мужик, а вернее, как делал — как осмотрелся, как похозяйски забрал таз, как двигался, — все это дало понять Кире, куда направлять группу.

— Крон — Ветле.

— Слышу тебя.

— Все пока тихо. На второй улице справа, в десятом доме, вижу «бородатого». Похоже, наш клиент. Из дома напротив деваха ему пожрать приносила. Еще выше, через два дома, мужик дрова колет. В руках колун. С ним двое подростков. По остальным направлениям пока мирняк. Крон, как принял?

— Принял. Ветла, сектор обстрела твоей. Работает в свободном режиме. Остальные группам: общая команда «Движение».

Группы, находящиеся на скрытых позициях, отозвались подтверждением.

Кире было хорошо видно, как спецназовцы, словно из ниоткуда, камуфлированными тенями начали скрыто заходить в поселок. Их еще никто не видел, и они беспрепятственно двигались к указанному адресу.

Наблюдая через прицел, она сопроводила их взглядом, мысленно пожелав удачи, и сместила фокус внимания на перспективу перемещения. Все шло своим чередом. Даже собаки, не чуя чужаков, дремали в своих будках, утомленные жарой.

Вот, подсадив друг друга, через забор нужного адреса перемахнули парни «Валуева», а вот у дома, в котором недавно скрылась девушка в цветастом платке, оказались знакомые силуэты. Даже через расстояние Кира узнала Тельча и Серегу.

Большой лохматый кавказец, запоздало почувствовав неладное, поднял огромную башку и зарычал, когда парни, толкнув незапертую дверь, заскочили внутрь и скрылись из поля зрения. Кира в порыве быть рядом с друзьями неосознанно прильнула ближе к оптике, пытаясь через открытые окна увидеть, что сейчас происходит внутри. По-прежнему было тихо. Бабушев отрапортовал в эфире, что в доме три женщины и четверо малолетних детей. Мужчин и оружия нет.

Кира облегченно отвела взгляд, и в это время из соседнего дома оглушительной перекличкой зазвучали автоматные очереди. Следом рванула граната. И с этого момента стала разворачиваться совершенно иная, не мирная картина. С улиц тут же исчезли жители. На смену им появились быстро перебегающие от дома к дому вооруженные фигуры. Не надо было быть ясновидящим, чтобы определить в них боевиков. Кира координировала группы, подсказывая передвижения бандитов, но выхватить цель сама пока не могла: те мельком появлялись и быстро скрывались из сектора обстрела. «Духи» были не просты. Чувствовалась и хорошая подготовка, и опыт предыдущих боев. Замес начинался горячий. Все громче звучала перестрелка. К звонкому автоматному стрекоту добавился пулеметный бас. Неожиданным отступлением прозвучал взрыв из РПП.

— Твою же маму... — сквозь зубы процедила Кира, пытаясь определить местоположение гранатометчика, быстро осматривая в прицел дворы. Вот на чердаке отсветил металлический блик. Поиск притормозился. Сделав ровный, немного затяжной вдох, на полувыдохе потянула спусковой крючок. СВДшка с готовностью откликнулась выстрелом, толкнув плечо прикладом. В сумраке чердачного окна дернулся и замер силуэт, обнажив на свет пулеметный ствол.

— Тоже хлеб, — резюмировала девушка, продолжая поиск врага.

В одном из дворов парно ухнули ручные гранаты. Эфир наполнялся перекличкой. Появились первые «трехсотые», пока только «валуевские». Криницын, отзываясь на позывной «Крон», давал быстрые точные указания, как будто тоже видел картину сверху.

«Как у него получается видеть всю картину?» — мелькнуло в голове, когда сзади послышался осторожный шорох. Кира рывком, по-кошачьи перевернулась на спину, практически уперев в лицо доктора пистолет.

— Док, ты с ума сошел подкрадываться?! Нервы-то уже не те, могла и пальнуть.

— Передают, что появились раненые. Наверное, там моя помощь нужна?

— Нужна. Но чуть позже. Сейчас наблюдай, как указано было.

— Хорошо, — кивнул Андрей и поспешно скрылся за листвой.

Группы втянулись в глубь поселка, отесняя к дальней окраине бандитов. Но те сдаваться не собирались, демонстрируя завидный боезапас, и периодически пытались обойти наших с флангов, о чем тут же сигнализировала Кира.

Ей были отлично видны перебежки и своих, и чужих. И тут, скорее боковым зрением, почувствовала движение у окраины. Быстро перенесла оптику, пристально разглядывая то, что привлекло внимание. Прикрываясь заборами и скотными сараями, к крайнему разрушенному двору бежала одетая во все черное женщина. По тому, как она двигалась, плавно взмахивая тонкими руками, было понятно, что это, скорее всего, молодая девушка. Разглядеть лицо было невозможно из-за плотно намотанного хиджаба.

«Бойтс наших, вот и пытается укрыться», — подумала Кира.

В это время девушка достигла крыльца полузавалившегося дома и, воровато обернувшись, по-деловому оглядела беспокойную округу. Не увидев «хвоста», в следующий миг скрылась во тьме проема.

Что-то было не так. Кира сама не смогла сейчас объяснить, что ее так насторожило в этой ускользнувшей фигуре. Ведь все вроде логично. Молодым девушкам следует уносить ноги от вооруженных мужиков и военного беспредела, но тут было что-то другое. Она не убежала — она куда-то целенаправленно бежала. Но что может находиться в этих убогих обвалившихся развалинах у самого края поселка, рядом с говорливой горной рекой?

В голове вспыхнуло воспоминание из сна — проржавелый, утлый мост, который на поверку оказался добротным и крепким. А ведь бандиты не дураки. Про беспилотники тоже знают. Значит, что-то действительно важное постараются замаскировать. Так почему бы не под обветшалые постройки? Киру всем телом потянуло проверить, что там, внутри, куда метнулась ничуть не испуганная девица.

— Крон — Ветле, — позвала она Криницына в эфире.

— На связи, — тут же отозвался Анатолий Павлович.

— На левой окраине, в развалинах с моей стороны, заметила движение. Девушка забегала в дом, видимо, решила спрятаться, а может, что спрятать. Разрешите проверить?

— Разрешаю. Только аккуратно. Сейчас корешей к тебе направлю. Дока с собой захвати, для него работа есть.

— Принято.

Кира оставила винтовку на месте, осмотрела по-прежнему пустой лес, который лишь эхом вторил звукам боя, вылезла и тихонько позвала Андрея. Тот с готовностью высунулся из-за камней.

— Сейчас спускаемся вместе. Я проверю крайний двор. Ты со мной. Подстрахуй. Потом как карта ляжет.

— Хорошо.

Кира скривилась, не оценив это «хорошо», проверила гранаты в разгрузке, поправила нож и, достав пистолет, быстро начала спускаться к поселку. Андрей, глядя на девушку, тоже взял в руки пистолет и поспешил следом. Подойдя к дверному проему, Кира замерла, прислушиваясь к тишине безлюдного, казалось бы, давно заброшенного здания, как вдруг, разорвав влажный спертый воздух, из глубины раздался полный ужаса женский крик, который тут же оборвался хлестким ударом.

«Где же вы, парни?» — Кира оглянулась в надежде увидеть спешащих друзей, но Телыч с Сергеем, видимо, завязли в уличных боях. Из глубины сумрака слышался стон, и Кира, взглянув в расширенные от страха глаза Андрея, шепнула:

— Ничего не попишешь, надо идти. Ты жди здесь. Сейчас парни должны подоспеть. Догоните.

И, не раздумывая, шагнула в темноту здания, осторожно ступая по битой кирпичной крошке, одной рукой держа пистолет, ладонью другой скользя по выщербленной стене, страхуя себя. Где-то впереди звучал еле различимый мужской голос, он с кем-то кратко переговаривался, но откуда доносился разговор, Кира никак не могла понять. Несколько минут, которые она петляла по неожиданно длинным коридорам, странным образом растянулись, словно окружающий мрак умел пожирать время. Судя по ощутимому под ногами крену, было понятно, что она спустилась на цокольный этаж. Из-за спины тихим шепотом окликнул Андрей. От близости его голоса Кира чуть не подпрыгнула, выругавшись про себя:

— Ты чего тут делаешь? Я же сказала снаружи быть.

— Я по рации парням сообщил, где мы, и решил с тобой идти. Чего ты тут совершенно одна.

— Есть еще кто-то, но не могу понять, где они находятся.

— Я в детстве книгу читал. Так вот, там был скрытый за книжными стеллажами вход в секретную лабораторию.

— Тоже мне, хроники Нарнии и волшебный шкаф, — пробормотала Кира, действительно выхватывая в темноте силуэт старого платяного шкафа.

— Нет, там были приключения про пиратов и...

— Позже, док, расскажешь, а сейчас тихо двигай за мной.

Доктор кивнул, тут же поняв неуместность этого движения в кромешной темноте.

Кира аккуратно потянула дверцу, которая, к ее удивлению, легко и без скрипа распахнулась. Голоса стали ближе, а чернота просветлела из-за пробивающейся вдали полоски света. Стало видно, что задняя стенка отодвинута и в запаре не поставлена на место. Благодаря этому она смогла рассмотреть уходящий вглубь коридор. Стараясь не издавать ни одного стороннего звука, Кира двинулась к свету, через десяток шагов оказавшись у подвешенного вместо дверей старого ковра. Из-под него и сочился яркий электрический свет. Мужской голос выкрикнул какое-то ругательство, затем последовал звук удара и вновь женский стон.

Адреналин стуком пульсировал в висках, и Кира чувствовала, как дрожит в руках пистолет, когда шагнула в комнату, рывком откинув полог ковра. В нос ударил смрадный тухлый запах, тут же поднимая к пересохшему горлу рвоту. Но она, выцелив мужчину, стоящего к ней спиной, прохрипела, преодолевая позыв:

— Руки за голову! Быстро! Иначе стреляю!

Мужчина был высоким, и когда он почти плавным движением поднял руки, то кончиками пальцев прикоснулся к грязному потолку.

— Теперь медленно, не опуская рук, повернись, — командовала Кира. Мужчина повиновался, немного заторможенно обернулся и, взглядевшись ей в лицо, вздрогнул, потянувшись к ней всем телом в неосознанном порыве, выкрикнув вырвавшееся:

— Рэгина?! Ты?!

Перед ней стоял Салаутдин. В правой руке он держал нож, а у его ног лежало окровавленное голое, грязное тело молодой женщины, за щиколотку прикованное цепью к стене. У этой же стены, прижавшись к грязной обваливающейся побелке, стояла увиденная ранее заматанная в черное одеяние женщина. Она тоже подняла руки, завороченно глядя на Кирина пистолет.

— Салаутдин, брось нож. Быстро! — пистолет смотрел ему прямо в лицо, и он, чуть подумав, разжал кисть. Нож с глухим стуком упал на заплыванный пол.

— Умалаяю, скажи, где Мадина? — процедил он сквозь зубы.

Но Кира, не слушая его, командовала дальше:

— Теперь ложись на живот. Живо!

Бандит злобно зыркнул исподлобья, и Кира, не раздумывая, молниеносным движением сместив цель, выстрелила ему в колено. Того буквально сложило, вырвав из глотки крик боли.

Женщина в хиджабе завизжала, умоляя не стрелять, еще сильнее вжавшись в стену и закрыв лицо руками.

Кира же, не обращая на нее внимания, подскочила к катающемуся по липкому полу орущему Салаутдину, отбросила берцем в сторону нож и с размаху, наотмашь, со всей силы пнула его по голове. Крик оборвался, и мужчина замер, гулко стукнувшись затылком об бетонную плиту. Следующим движением Кира заломила ему за спину руки и крепко перетянула их валявшимся здесь же под ногами тонким синим шнуром. Удостоверившись, что тот обездвижен и без сознания, она

наклонилась к телу женщины, пытаясь нащупать пульс. Та была мертва. Кира осторожно перевернула ее на спину, кончиками пальцев ощутив ускользящую теплоту. Стараясь не смотреть на все еще сочившиеся кровью ножевые ранения, откинула грязные, намоченные прядки волос с лица и вгляделась в искаженные болью славянские черты лица.

Осознав, что всего несколько секунд ее замешательства решили жизнь этой женщины, Кира со спазмом в горле отвернулась. В ступоре оглядела смердящее подвальное помещение. У противоположной стены рядом с еще одной темной комнатой находилась клетка, из которой затравленным зверьком смотрела девочка лет семи-восьми. Голая, грязная, в струпьях и кровавых коростах. На чумазых щеках в свете яркой стоваттной лампы были видны высветленные дорожки от высохших слез.

— Не бойся. Все закончилось, — стараясь, чтобы голос звучал более мягко, Кира приблизилась к клетке, не отрывая взгляд от синих детских глаз, в которых закончились слезы. Дернула дверь, но та лишь лязгнула запертым навесным замком. Кира кинулась к Салаутдину, который уже начал потихоньку приходить в себя, и быстрым движением обшарила карманы брюк. В них было пусто.

— У нее, — девочка указала пальцем с обломанным ногтем на опустившуюся на колени женщину, и та без лишних слов протянула повязывающую связку. Кира подбором нашла нужный ключ, и замок, открывшись щелчком, с глухим стуком упал на пол. Клетка открылась. Она протянула руки к ребенку, против желания выхватив на щуплом тельце признаки насилия.

— Это он делал? — Кира, не оборачиваясь, кивнула в сторону Салаутдина.

— Нэт! Это нэ я! Я хатэл ее спасти! Клянусь, нэ я! Я нэ пэдафил! — неожиданно зачастил тот.

Девочка кивнула, почти беззвучно прошептав спекшимися губами:

— Да. Меня и мою маму, — глазами указав на лежавшее мертвое тело. — И тех, кто там, — кивнула она в сторону темного проема. — Иногда с ним приходили и другие...

— Тихо, тихо, моя хорошая... — шептала девочке Кира, глядя в ее небесного цвета глаза, пытаясь найти необходимые слова. И они нашлись. — Как тебя зовут?

— Лиза.

— Лизонька, слушай меня. Мы выберемся отсюда. Ты научишься жить заново. Это будет сложно, но ты сможешь. Вспомнишь, что значит смеяться, и забудешь этот смрад. Но временами во снах к тебе будет приходить этот человек, пытаясь снова обидеть тебя или твою маму. И он ничего не сможет вам сделать, потому что тогда же буду приходить и я. Каждый раз я буду его уничтожать, пока он окончательно не исчезнет. А знаешь, как?

Девочка отрицательно мотнула головой, завороченно вслушиваясь в ее успокаивающий голос.

— Вот так, — Кира пружинно поднялась, убирая в кобуру пистолет и на ходу выдергивая из ножен нож. Следующим движением она нависла над сжавшимся и вдруг ставшим меньше ростом Салаутдином, который, продолжая причитать «Нэт! Нэ нада!», попытался вывернуться в сторону от нависшей угрозы.

Не помогло — девушка с замахом вонзила нож по самую рукоятку в дернувшееся тело. Салаутдин заорал во весь голос. Вторя ему, заблужила его подруга. Кира без раздумий выдернула лезвие и, не слушая их воплей, ударила еще раз, вслушиваясь лишь в радостный шелест ножа: «Шик-шик!»

— Вот так мы будем его убивать в твоих снах, Лиза. Раз за разом.

— Убивать... раз за разом... — повторила девочка.

Кира, пошатываясь, тяжело поднялась и отошла от убитого, убирая нож на место, в ножны.

— А-а-а! — необычайно высоким голосом вновь завизжала женщина и, широко раскинув руки, черной тенью упала на тело мерзавца, пытаясь прикрыть собой. — Салаутдинчик! Любимый! Не-ет! — она словно в дурной мелодраме причитала, обнимая и беспрестанно целуя окровавленный труп, взывая к любовнику. Вдруг остановилась, подняв на Киру свое перекошенное горем лицо с кровавой улыбкой Джокера. И Кира узнала ее! Это была Шабалина Илона Минуловна. В ней осталось мало схожего со снимком, который недавно показывал Криницин. От былой красоты не осталось и следа.

Смерив Киру немигающим, злобным, абсолютно безумным взглядом, со скоростью и силой умалишенных та кинулась на нее, сбивая с ног, всем весом наваливаясь сверху. И уже падая, девушка заметила, как блеснула стоваттная лампочка, отразившись во вскинутом уже по ее душу лезвию, запоздало осознав, что Илона успела незаметно подобрать отброшенный нож Салаутдина.

«Глупо...» — обжигающая боль расцвела в шее, проникая, прорастая вглубь, стремясь перерубить артерию, и всего за мгновение до смерти режущее движение прекратилось, и Кире в лицо ткнулась голова обезумевшей, словно пытаясь и ее поцеловать на прощание своим жутким кровавым ртом. С невероятным усилием Кира спихнула с себя вмиг отяжелевшее тело, одновременно пытаясь ладонью зажать расплывающуюся, вспухнувшую кровью рану, но рука словно стала чужой, непослушной. Нестерпимо хотелось вдохнуть полной грудью, но воздух, попадая в горло, тут же вскипал яркой колкой болью. А над ней, подсвеченный все той же невыносимой лампой, навис Андрей, несуразно держащий за ствол пистолет.

— Док, из пистолета надо стрелять, а не бить рукояткой...

Киру удивило, как, словно удаляясь, звучит ее собственный голос с металлическим привкусом крови на губах.

— Унеси девочку отсюда... Она не должна увидеть, как я ум...

— Терпи! Терпи! — словно заклиная ее, беспрестанно повторял Андрей, запиная за ремень пистолет и пытаясь скинуть зацепившийся за капюшон куртки рюкзак, но и его голос тоже становился далеким и тягучим. Последним, что она запомнила, было то, как он орал в рацию:

— Бабуля, сюда! Помоги!..

Бабушев с Телычем ворвались в комнату с оружием наперевес, ошалело оглядев результат кровавой бойни, задержав взгляд на Кире и Андрее.

— Кирюха! Как же так! — Сергей плюхнулся рядом, рывком сдирая с докторской спины рюкзак.

— Зажми рану! Сильно! — скомандовал Андрей, раздергивая содержимое рюкзака, протягивая ИПП и вытаскивая операционный контейнер.

Сергей разорвал упаковку и с силой вдавил бинтовой рулон в рану, с тоской наблюдая, как быстро тот втягивает в себя алый цвет.

Телыч протянул еще один перевязочный пакет, в смячении наблюдая за приготовлениями доктора.

— Что ты хочешь делать?

— Шить. Здесь без вариантов. Саша, ты вроде умел ставить систему. Коли, — он перекинул Телычу в руки физраствор. Тот ловко подхватил прозрачную упаковку и, недолго думая, упал на колени, быстро перетянув руку чуть выше локтя, ловко вколослся в вену. Поиграл дозаторным колесиком, увеличил струйную подачу и вопросительно глянул на Андрея. Тот лишь мазнул взглядом, коротким кивком одобвив хорошую медицинскую подготовку. Он уже натягивал стерильные перчатки, сподручно разложив рядом все необходимое для экстренной операции, понимая, что у него будет совсем мало времени.

— С Богом! — произнес он, приступая.

Узкие, словно лодочки, ивовые листья, сорванные порывом ветра, кружили в вихре, не спеша опускаться на землю. Кира зачарованно наблюдала за их нехитрым танцем. Ей отчаянно хотелось подняться с земли и, оттолкнувшись от стебельков трав, потеряв вес, заскользить вместе с ними, поднимаясь в упругих теплых потоках воздуха до самой вершины величественной Ивы, а может, даже выше, туда, в синь голубого, словно глаза у той девочки, неба. Она даже попыталась приподняться, но в теле совершенно не осталось сил. Хотя это вдруг стало совершенно неважным, ведь вместе с силами истаивала и боль, которая становилась не такой обжигающей, лишь немного припекающей.

Кира постаралась вспомнить, что произошло, но прошлое как будто тоже стало этими кружащимися, оторванными от дерева листьями. Вот вроде протяни руку и ухвати, но зачем? Разве есть смысл в том, что уже ушло?

Апатия пенной волной укутывала тело, накрывая с головой, впитывая в себя и боль, и тоску. Веки — словно корабли, встающие на якоря: еще немного и замрут, обездвиженные, погруженные в темную воду и сон. И лишь слегка трепещущее желание еще раз взглянуть, как красиво кружат золоченые листья, высвеченные косыми солнечными лучами, заставляли раз за разом через силу разлеплять ресницы, придерживая наваливающуюся дрему.

В небе скользнуло чернильное очертание большой птицы, которая на мгновение скрыла солнечный свет, отбросив на лежащую девушку ночную тень.

Кира, улыбнувшись уголками губ, мысленно шепнула:

— Привет, Тамара! Вот и свиделись!

И действительно, из-за могучного, в несколько обхватов, ивового ствола вышла красивая, яркая, босоногая женщина в длинном белоснежном сарафане. По загорелым плечам медным золотом рассыпались завитки волос, подчеркивающие тонкое, точеное, такое родное лицо давно погибшей подруги.

— Девочка моя! Ветла! — женщина присела рядом и ласково погладила Киру по голове, легко, кончиками пальцев коснувшись кривого старого шрама на виске, словно пытаясь его стереть. — Вставай! Нельзя здесь долго лежать, в землю вращешь.

— Да. Сейчас. Еще немного полежу и встану.

— Посмотри на меня, — Тамара, словно умывая, провела по лицу девушки ладонью, отгоняя сонную зыбь.

Кира разлепила отяжелевшие ресницы, тут же проваливаясь в глубину изумрудных колдовских глаз подруги.

— Отдай это!

— Что отдать? — не поняла Кира.

— Чужое зло. Вон, вижу, выжгло себе дорогу и закатилось в душу. Чувствуешь его?

— Нет.

— Это сорное зерно, которое впитывает в себя твою благодать, расшатывает равновесие и забирает радость просто жить. А затем прорастает унынием, черствостью и безразличием. Слушай!

И тут девушка действительно услышала прорезающийся изнутри зычный гаркающий смех Салаутдина: «Эта я сделал! Я! А еще я покажу все, что было, и ты не сможешь это забыть! Я и такие, как я, и дальше будем тварить, что хатим! Ты не сможешь нас победить!»

— Сможешь! — Тамара словно схватила этот голос и щепотью прокрутила его в пальцах. В теле Киры, под ключицей — чуть ниже, почти у самого сердца, — шевельнулось нечто колкое, как осколок, вызвав вспышку новой, ослепляющей боли. Из глаз брызнули слезы, и девушка дернулась, до скрипа сжав зубы, чтобы не закричать во всю мочь.

— Отдай! — и вот уже не подруга перед ней, а огромная смоляная птица, с силой вонзающая в пульсирующую точку свой острый, заточенный словно хирургический инструмент, клюв, пробивая кожу, грудину и ухватывая, вытягивая на свет что-то инородное, черное, чужое. И боль пропала, словно не было. В тот же миг захлебнулся и ненавистный едкий смех. А птица, блеснув выпуклой бусиной зеркального глаза, положила перед Кирой маленький угольный камушек. Девушка брезгливо отодвинулась от него.

— Не бойся. Теперь он тебе не навредит. Наоборот, будет напоминанием о победе. Силу давать, — ускользающим ветром шепнула на ухо подруга, теплым порывом погладив по шее.

Кира же, вскинув руку, нащупала на месте раны чудесным образом появившийся и совсем свежий тонкий полумесяц шрама.

— Это не первый твой шрам и не последний. Помни: тело заживет — боль уйдет. Главное, душу не потеряй...

Девушка оглянулась, а уже нет никого — ни Тамары, ни птицы, и лишь Ива скользнула ветвью по щеке...

Кира с трудом открыла глаза, ощущая продолжением того прикосновения тепло человеческой руки. Рядом с ней сидела Татьяна, которая, не вытирая катившиеся по лицу слезы, улыбнувшись, сказала:

— Тебе не надо умирать.

Черный хиджаб на голове Илоны сменился белоснежной бинтовой повязкой, по форме практически идеально повторившей его очертания. Она сидела на заднем сиденье машины в наручниках и, хихикая, что-то весело рассказывала невидимому собеседнику. До Криницына долетали лишь несвязные обрывки ее монолога:

— Салаутдинчик, любовь моя! Ты сюда, а она туда. Кровь за кровь. Тварь такая! Я всегда с тобой. Рядом. Ишь, чего удумали! Помешать нашему халифату. Вот я их, поганцев! Джихад им всем! — она грозно помахала скрепленными наручниками кулачками, а затем опять засмеялась: — Помню, помню, как ты шептал мне тогда глупости. Ты мой сумасшедший! Мой хороший! Мой...

Криницын, прикрыв дверь, отошел.

— Придет в себя? — спросил он Андрея.

— Думаю, время покажет.

— Крепко ты ее приложил!

— Еще бы повторил. Жаль, опоздал. Не ожидал я, Анатолий Павлович...

— Не терзайся. От увиденного я сам ступор словил. Это же надо... Изверги. Но главное, мы нашли их, — и тут же поправил сам себя: — Вы нашли!

— Кирашла.

— Как она?

— Да удивительное дело! Впервые вижу, что рана заживает как на кошке! Не иначе, у нашей Ветлы девять жизней.

— Главное, что ты ей эту спас, — и, чуть помедлив, добавил: — Андрей, я рад, что ты в нашей группе.

— И я, — искренне ответил доктор.

Дали команду. Несколько черных минивэнов со спасенными женщинами и сопровождающими их сотрудниками двинулись кортежем, вскоре скрывшись из виду в ночном сумраке.

— Ну вот и славно. Значит, и нам пора возвращаться. Свою работу мы сделали... — Криницын отошел попрощаться с «Валуевым» и его людьми.

Андрей устало сел в машину, ожидая отправки. Посмотрел на свои руки. Оттер капли чужой, уже засохшей крови.

К машине подошли Сергей и Тельч. Без разговоров Бабушев достал из разгруз-

ки фляжку, отхлебнул, передал Сане, тот, сделав пару жадных глотков, протянул Андрею:

— Водка.

Андрей посмотрел на Тельча, Сергея, потом на фляжку, без лишних слов взял и, не раздумывая, крепко приложился.

Каждый из них думал о том, что увидел сегодня в скрытых, зловонных, убогих комнатах, освещенных чересчур яркими для подобных мест электрическими лампочками. Девочку с огромными синими глазами, в которых не осталось ни одной слезинки, молча держащую за руку мертвую мать, пока они спасали Киру. Нескольких забытых, запуганных девушек, тихо сидящих в клетках, безучастно и безропотно ожидающих чужого решения их судеб. Женщину, одетую в черную абайю, со связанными руками и окровавленным лицом, оплакивающую бандита и насильника. Вопреки здравому смыслу, ставшую его добровольной помощницей и любовницей.

Но было еще одно, не поддающееся логичному объяснению, — Кира. Каждый из них видел своими глазами пульсирующую алой кровью рассеченную рану с перебитой, взрезанной артерией. Внутри каждого из них тикал известный отсчет отведенных для жизни минут. Но жизнь не истаявала, уходя вместе с кровью. Рана на поверку оказалась не такой глубокой и непоправимой. Артерия была цела! Да, Андрею пришлось повозиться, сшивая, стягивая рассеченную плоть, останавливая кровотечение. Но, накладывая швы, он буквально чувствовал, что словно кто-то незримый помогает, наполняя его руки точными, выверенными движениями. Разуверившись в своих глазах и в учебниках, он бормотал про себя, доказывая невидимому помощнику: «Так не бывает!»

Но так было. По итогу Андрей доложил командиру о скользком ножевом ранении, наложенных швах и отсутствии опасности для жизни.

Криницын своим командирским чутьем чувствовал, что парни что-то ему не договаривают, но вникать не было времени, и, кивнув, он переключился на отдачу срочных команд, касающихся происходящих событий, передачи обезвреженных бандитов, эвакуации раненых и обнаруженных пленниц.

ТРЕХМИНУТНЫЙ РЕПОРТАЖ

— Важная информация, которая пришла по каналам спецслужб. На территории Чечни и Дагестана силами бойцов подразделений специального назначения и ФСБ была пресечена деятельность членов бандподполья, имеющего непосредственную связь с проведенными террористическими актами в крупных городах страны. Также за данным бандформированием тянется кровавый след тяжких преступлений: убийства сотрудников правоохранительных органов, вымогательства, похищение людей ради выкупа, жестокие расправы с теми, кто отказывался платить, вербовка и подготовка шахидов-смертников для предстоящих террористических актов, — вещал с голубого экрана хорошо поставленным голосом телеведущий. — Была не только раскрыта вся преступная сеть, включая главарей, но также выявлены базы вербовки и подготовки смертниц. В ходе спецоперации были обнаружены и освобождены восемь женщин и один несовершеннолетний ребенок, которых планировали задействовать в ряде подрывов и новых захватах школ на территории страны — подобно печально известной школе номер один в Беслане. К сожалению, одну из пленниц спасти не удалось...

Видео из студии сменилось видеорепортажем с темных улиц поселка. В свете автомобильных фар можно было увидеть, как боец с закрытым балаклавой лицом несет, прижимая к себе, замотанную в одеяло маленькую девочку. Из-под края клетчатого одеяла виднелись грязные босые ступни ребенка.

Ролок оборвался, и вновь на экране появился диктор в красивом строгом костюме:

— Силы спецназа были стянуты к поселку, расположенному в высокогорной местности, где, по оперативным данным, находилась хорошо замаскированная база с преступниками. Район был взят в плотное кольцо. С группой хорошо подготовленных боевиков завязалась перестрелка. Ранены несколько бойцов силовых структур, двое убиты. В результате произошедшего боеконтакта около шестнадцати боевиков были нейтрализованы, трое задержаны. Обнаружен внушительный арсенал вооружения и боеприпасов. Еще несколько бандитов, воспользовавшись наступившей темнотой и сложным рельефом местности, скрылись в лесном массиве. Пострадавших среди гражданского населения нет. Спецоперация, которая длится уже два дня, сейчас находится в завершающей стадии. Все силы брошены на поиск скрывшихся боевиков. А сейчас переходим к новостям культуры...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Прибывший в Москву спецборт приехал встречать лично Леонид Алексеевич Ломтев. Выслушав короткий рапорт Криницина о выполнении поставленной задачи и возвращении на постоянное место службы, крепко пожал тому руку и от души поблагодарил весь личный состав группы, в завершение отдав команду груиться по машинам.

Уже позднее в своем кабинете под коньяк и легкую закуску рассказал Криницину то, что происходило после завершения успешной спецоперации:

— Толя, черт ты везучий! Как у тебя только получается раскручивать подобные клубки в кратчайшие сроки? Контора от новостей все последние дни ходуном ходит. Директора к «самому» вызывали. Доложил как положено. Вернулся довольный. Уже на всех наградные листы подписал. Начиная от вас и заканчивая всем руководством, так сказать, за отличную координацию действий. Так что ждите. Будет всем сестрам по серьгам, а также почет, уважение и прочие заслуженные лавры, — с удовольствием чокнулся широкобюким коньячным бокалом с другом.

— Но и это не все. Помнишь спасенную девчущку, Лизу? Так вот, установили отца. Тот оказался далеко не средней руки бизнесмен из Волгоградской области, депутат Государственной Думы и известный общественный деятель. Примчался к нам на личном самолете и поведал трагичную историю, как три недели назад у него похитили жену и дочь, убив водителя и приставленного к ним телохранителя. Он еще ничего знать не знал о произошедшем, а с ним уже связались, дав адрес гаражного массива, где его ждал более не нужный «мерседес» супруги. А по приезду на указанное место повторно позвонили и в духе дешевых фильмов приказали не рыпаться, а для воссоединения с семьей собрать миллион долларов. Срок на вывод денег дали месяц, гарантировав, что все это время девочки погостят в закрытом дорогом пансионате, где их будут холить и лелеять. Ну а если начнет крутить, то фотографии и домашнее видео ему пришлют на память. Дочка у бизнесмена поздняя, жена молодая. Бизнесмен безоговорочно согласился на все условия, предъявленные бандитами. Да только что на самом деле было — ты сам видел. Выдоили бы его до края, а жену с дочкой все равно бы не вернули. В общем, в итоге у нас один благодарный отец и один *не* благодарный.

— Уж не Наимов ли?

— В точку! Минул Фаилович дочку свою с перевязанной головой тоже встречать приехал. Обнял, поцеловал и, подключив весь свой богатый арсенал связей, выхлопотал для нее на все время следствия домашний арест по своему адресу. Яростно пригрозив, что докопается до истины и выяснит, чьими коварными уси-

лигами и преступными воздействиями дочь его выставлена в столь неблагоприятной роли. Чувствуешь, в какую сторону ветер дует?

— Уж не в мою ли?

— Опять в точку. Мне тут достоверный источник шепнул, что Наимов сейчас ищет грамотных, скандальных адвокатов и специалистов-психиатров. А в более приватной беседе проскользнула следующая стройная версия: дочь его, тихая, добрая, домашняя девочка, став жертвой бандитского беспредела, слегка тронулась мозгами. А в момент освобождения твоя группа, узнав, кто она такая — и, так сказать, из личной неприязни к самому товарищу Наимову, — решила провернуть один хитрый план. Девушку переодели, избили и запугали, внушив, что она равнодушная помощница главаря, любовница и соучастница преступлений. Как тебе такой разворот?

— Прогнозируемо. Что с остальными девушками?

— Все сейчас находятся на реабилитации в медцентре. Работают врачи и психологи. Как только они дадут добро, начнутся следственные действия в полном объеме. А пока делается все возможное, чтобы стабилизировать их психическое состояние. Удастся ли вернуть их к нормальной дальнейшей жизни, неизвестно. Время покажет. С родителями и близкими связались. Некоторые уже приехали. В общем, все идет своим чередом, — Ломтев залпом допил коньяк из бокала. — Ладно. Иди проверь сдачу оружия и спецсредств да отпускаяй своих орлов по домам отдыхать. Ну и сам не задерживайся. Супруга твоя уже звонила. Она с девочками стол накрыла. Сидят, ждут...

— Леонид Алексеевич, подошел Адиков, — сообщила Софья Николаевна по телефону.

— Пригласите.

— Хорошо.

Дверь открылась, и в кабинет вошел Андрей.

— Вызывали, товарищ полковник?

— Да. Проходи, садись. Как прошла командировка?

Андрей сел на предложенный стул, тут же ощутив, как у него закаменела спина.

— Спасибо. Хорошо. Вернее — скорее всего, незабываемо.

— А я предупреждал! С коллективом сошлись?

— Так точно.

— Ну и славно. Наслышан обо всех ваших подвигах. Молодцы! Как я и говорил — лучшие из лучших. Я вот, в общем-то, о чем хотел спросить... Расскажи, кто обнаружил Шабалину?

— Кого? — Андрей не понял, о ком речь.

— Ту девушку, которая помогала бандитам.

— Понял. Кира.

— А по голове кто ей ударил? Тоже она?

— Нет. По голове ударил я.

— Андрей, как же так? Вы же все-таки врач, а тут такое грубое применение силы.

— Леонид Алексеевич, и в медицине приходится иногда применять силу — тем более, когда дело касается острой фазы психического расстройства. К тому же, она на Киру с ножом напала. Ранила. Пыталась препятствовать освобождению пленниц.

— Вот значит как. Ну и ладно. Хорошо хоть не пристрелил. А потом кому ее передали?

— Сотрудник из ФСБ подъехал. Фамилию не помню. Он после осмотра врачей

всех освобожденных с собой увез. Я их предупредил о невменяемом состоянии данной дамочки. Необходимую медикаментозную помощь ей оказали.

— Это правильно. Командир ваш с ней разговаривал?

— Нет. Анатолий Павлович руководил операцией в поселке. Он уже позже пошел, когда майор из ФСБ прибыл.

— Вот и славно. У меня к вам, Андрей, огромная просьба: если вас вызовут следователи и будут расспрашивать о тех событиях, пожалуйста, именно так все повторите и ничего не перепутайте.

Андрей утвердительно кивнул и, спохватившись, отчеканил:

— Так точно! Да тут и путать нечего.

— Отлично. Это я так, на всякий случай. А сейчас благодарю за службу. Вы отлично справились. Езжайте домой, отдыхайте.

И уже когда Андрей был в дверях, окликнул его:

— Так вы по-прежнему желаете отказаться от службы в нашем подразделении?

— Теперь мне необходимо подумать.

— Думайте. Чуть позже вернемся к этому вопросу.

Доктор, облегченно вздохнув, вышел, придержал дубовую дверь перед заносащей поднос с кофе Софьей Николаевной. Та благодарно кивнула. Не пролив ни одной капли, передала одну чашку начальнику, а со второй села сама за стол для совещаний. Полковник с удовольствием отпил черный как смола напиток и удовлетворенно выдохнул:

— Хрен им, а не Криницын! Зубы обломают. Вон какой у нас есть незаинтересованный свидетель. Все знает, везде был, а главное — единственный, кого Палыч не выбирал.

Вся третья группа в полном составе стояла у ворот подразделения, ожидая каждой свое такси. Им предстояло вновь встретиться лишь через неделю, но сейчас, находясь за воротами подразделения, все словно растягивали минуты еще той, командировочной жизни, не спеша нырнуть в суету большого города. Всем было легко и грустно. Подъехали машины. Прощаясь, обнялись, похлопав друг друга по спине и пожав руки.

Тельч проводил до такси Татьяну, погрузив в багажник объемные сумки.

Затем уселся в ожидающую его машину. И уже из салона, еще раз махнув на прощание друзьям, крикнул:

— Увидимся! Кирюха, выздоравливай!

Две машины тронулись с места, разъехавшись в разные стороны.

— Действительно, Кира, зря ты отказалась от госпитализации. Побыла бы под наблюдением врачей. Ранение-то совсем свежее. Да и операция была проведена в далеко не стерильных условиях. Мало ли... — заметил Андрей, взглянув на забинтованную шею девушки.

— Док, я верю в твою легкую руку. Все будет хорошо. Тем более ты сам сказал, что на мне все заживает как на кошке.

— Сказал. Удивительный феномен. Но все равно необходимо наблюдение и своевременная перевязка. Если вдруг почувствуешь себя хуже, я на связи. А пока разрешите откланяться.

Кира с Сергеем проводила взглядом и его отъезжающую машину.

— Ты сейчас куда? — спросил Бабушев.

— У подруги в пригороде домик. От родителей еще остался. Практически в лесу. Она сама уехала работать за границу, ключи мне отдала. Там хорошо. Тихо. Народу никого. Отличное место, чтобы отлежаться, а то рана свежая, операция нестерильная, мало ли что.

— Лады. Помирать надумаешь, позвони. Приедем, снарягу твою попилим.

— Договорились. А ты куда?

— Домой зайду. Вещи оставлю. Потом на кладбище к Алешке съезжу. Приберусь. А завтра хочу до жены доехать. Поговорить. Соскучился.

— Дело! Скажи ей нужные слова. Она ведь тоже тебя ждет.

— Откуда знаешь?

— Чувствую... Ладно, по машинам! — шутливо scomандовала девушка. Они, еще раз обнявшись на прощание, уселись каждый в свое такси, и уже через открытое окно Сергей крикнул:

— Адрес скинь. Заеду тебя навестить.

Кира хотела кивнуть, но сморщилась от боли. Швы еще ныли.

Андрей зашел в квартиру. Защелкнул замок. Осмотрелся. Все было на своих местах, и лишь легкий, почти выветрившийся аромат терпких духов матери выдавал ее недавнее присутствие. Он поставил сумки на пол. Прошелся по квартире, распахивая окна и радуясь устроенному сквозняку.

Прослушал на автоответчике оставленную запись от матери. Та сухо просила позвонить ей, когда он, наконец-то, вернется домой. Андрей стер сообщение и вместо звонка направился на кухню, достал чугунный чайничек. Заварил зеленый чай. Затем пошел в душ, где долго с наслаждением стоял под хлесткими, горячими струями воды. Завернулся в махровый халат и уселся в любимое кресло, отхлебнув ароматный чай. За огромным панорамным окном шумела столица. Мягкая спинка кресла привычно обняла его спину, снимая напряжение.

Но, спугнув сошедшее умиротворение и блаженную тишину, затрезвонил телефон. Звонил его старинный друг:

— Приветствую тебя, путешественник! С возвращением в добрую, мирную реальность.

— Здравствуй, Виктор. Спасибо.

— Чем занимаешься? Ощущаешь ли признаки пресловутого чеченского синдрома? Знаешь, Андрей, а ведь я соскучился по твоим рассказам. Может, заедешь? Посидим как в старые добрые времена? Признаюсь, мне не терпится услышать, как прошла ваша командировка. Наверняка не без злоключений?

— Извини. Не сегодня. В другой раз.

— А-а, ну хорошо, хорошо! Чувствую, насколько я бестактен и напорист в своих желаниях. Это все от скуки. Что ж, на сегодня откланиваюсь, отдыхай. Как будешь готов посетить кабинет одного из лучших психоаналитиков Москвы — милости просим. На сегодня прощаюсь.

Телефон запищал отбоем, а Андрей вдруг отчетливо понял, что совершенно не хочет никому ничего рассказывать. Он просто не знал, как передать то, чем насыщена совершенно иная, далекая жизнь.

Словно заново взглянул на свою такую современную, удобную, большую квартиру, которая вдруг стала неожиданно тесной. Рывком поднялся из удушливо-мягкого кресла, ощутив, как еще недавно желанная и долгожданная тишина подернулась тягучей тоской. Осознав, что ему стало невообразимо скучно и пресно в этой реальности, Андрей быстро оделся и вышел, еще не зная, как заполнить время до новой встречи со своей ставшей вдруг родной группой.